Михаил Булгаков

Собачье сердце

Недавно найденный, ранее неизвестный вариант произведения

2025

Собачье сердце

Михаил Булгаков

1.

У-у-у-у-у-гу-гуг-гуу! Граждане, демократы, защитники природы! Меценаты и помощники депутатов! Посмотрите на меня, да-да на меня, я здесь внизу, вот здесь. Да не жмуртесь, не закатывайте глаза, не надо этих вздохов. Вам хочется спрятать от меня своих детей, сказать пошли Машенька, собачка грязный? Вам больно смотреть на меня? Да, больно, мне самому очень больно, мне очень больно, мне так больно, что я готов кусать себя самого и всех кто скажет, что мне не больно. Мне больно везде, а не только в боку с которого свисает кусками обваренное мясо.

Негодяй – повар Мишка из ресторана "Хилтон" - плеснул на меня кипятком и обварил мне левый бок. И так проварил его, что я вспомнил всю свою жизнь, всю его жизнь и всех его родственников. Кричал я не по-собачьи, долго, со знанием дела. Опыт у нас, у дворовых есть. Один пнет, другой палкой кинет и только десятый корку даст, чипсами подкормит.

В общем, плохой он человек, не понравился он мне. Что я объем его, если на помойке полчаса пофилософствую? Что обожру я ресторан "Хилтон"? Ач, нет. Природа человека такова, меня хозяин пинает, а я тебя вот кипяточком. Боже, ты же есть – помоги. Боже, ведь грехов у меня почти нет.

Бог не слышит. Он занят просьбами богатых.

И душа болит, ох как болит. Мне душу значит надо забинтовать, а может мне надо душу поменять? Но как, сейчас все стоит денег? Нет денег у собак, не придумали еще. Может быть потом, найдется такой добрый человек и придумает, ну, чтоб, нам собакам, было легче жить, ведь деньги - это радость существования.

И холодно, очень холодно. Снег может быть когда-то и перестанет идти, но это будет не сегодня. Явно не сегодня.

А что это за запахи? Ах, пахнет жареной картошкой. Нет. Картошка - это продукт прошлого. Сейчас актуальна китайская кухня, в крайнем случае итальянская.

Вот, например, родственники рассказывали, что на Нивках, в престижном стриптиз-баре индюшачью грудинку с ананасовым соусом подают по 50 баксов за порцию. Те, кто это видел, говорят что вкусно. Грудинка, как с выставки и, прямо вся такая гордая, а вот ананасовый соус, так это, так, на любителя, на индивидуала.

Мечты.

Но бок болит, вот он со мной, никуда не делся. Душа ноет и стыдится. Ей хочется большего для себя, ей хочется.., ей уже хочется нового тела, она стонет от физической и духовной боли. Ей хочется обильной и разнообразной духовной пищи, но в реальности..., в реальности не хватает объедков для бренного и усталого тела.

Бок болит нестерпно. Наверное, не суждено мне больше выйти на уличные подмостки, не увидеть мне больше как в "Хилтон" завозят свежее мясо и морепродукты. Сначала инфекция, язвы и все, нет хорошей собаки, нет еще одного потенциального друга какого-то отдельно взятого человека. Все, собачья летопись окончена, весь песок из меня высыпался, жизнь закончена.

А вот если бы была сейчас весна, лето, может, и выкарабкался бы, очухался. Если бы не прибил кто изощренно. И плачу я, и хочется мне шика в жизни, ведь все уже пробовал, а шика не пробовал, не давался он мне, ускользал как мифическое собачье счастье.

Но нет, я подожду, пусть и душа подождет. Мы с ней еще помучаемся.

Да, я очень легко могу откинуть лапы, меня может переехать "Мерседес", про меня может написать в указе мэр моего города, и тогда в целях усиления борьбы и для профилактики...

Я, господа-демократы, могу банально подохнуть с голоду, могу схватить воспаление легких.., и наверняка, я не умру в частной ветеринарной клинике. Мне не будет делать уколы молодой врач-подхалим, не будет возле меня стоять маленький мальчик с плюшевым мишкой в руках и говорить: "Папа, папа, а почему он не может ходить?"

Скорее всего, я умру в одиночестве, проиграв в конкурентной борьбе за мозговую кость с другими такими же как я, и санэпидемстанция после двадцатого звонка сердобольной старушки и угрозы солидной дамы бальзаковского возраста позвонить депутату, наконец, увезет меня в целлофановом мешке к месту постоянного пребывания, так сказать, в последнюю поездку на край жизни.

И бабушки-старушки, эти первые наши союзницы не помогут... Они обмякнут увидев меня и лишний раз грустно подумают про свои собственные похороны, про то немногое, что им еще для них осталось докупить.

А ведь их самих государство давит и давит, пенсию не выплачивает, а если выплачивает, то чтоб только на еду хватило, гардероб у них еще стандартный, советский, а не турецкий, растянутый. Их морят, и они вымирают, но ползут дальше по жизни, как по натянутой проволоке.

Выйдет такая старушка, кастрюльку супчика вынесет. И все. Полетел. И только тогда начинаешь думать про поиск удовольствия.

Помню, Ильинишна, Царство ей Небесное, вынесет вермишельки, да морковки вареной из супа. И душа начинает петь и танцевать. Спасла она больше нашего брата, чем все общественные организации вместе взятые. Они ведь что? Только офисы строят, а нам.., да что говорить, наши американские деньги себе в дачные фундаменты зарывают.

Душевным была человеком. Сейчас в ее квартире бизнесмен с гражданской женой живет, так у них даже зимой снега не допросишься, не то чтоб вермишельки с морковкой.

Едят они в ресторане, в отличие от простаков, которых в Макдональдсе модифицированной картошкой кормят, дурачков. Что им там подают? Химию. И сколько еще заплатить надо за это? То-то. А вот говорят, при Союзе, все натуральное было, все. И помои, соответственно, были натуральные и

качественные были. А сейчас лакаешь и думаешь, от чего я скорее сдохну, от болезни или от еды?

Бегут, жрут, лакают. Секретарочки, менеджеры по продажам, курьеры, менеджеры среднего звена, маркетологи... 300-400 баксов получат и бегут, жрут, лакают - шикуют.

Правда, секретарочка, референточка к любовнику еще бегает, он ей косметику подарит, тряпку какую купит, но за это и потребует, конечно, то, на что жена никогда не согласится, потребует конкретно, за каждую шпилечку, за каждую булавочку, за каждую кисточку для ресниц, за каждую баночку. Не постепенно, а сразу потребует.

А эти секретарочки и готовые, им же надо красиво выглядеть, они ж продвинутые, да и не можно сегодня без дополнительного заработка, так сегодня не проживешь. Конкуренция называется. Вот. Раньше не было, а теперь есть.

И девочки работают, жить то надо. Ей надо за фигурой следить, за цветом кожи, машина ей нужна очень, обновка нужна, желательно каждый день, жить ей хочется в переживаниях новизны и постоянного шика. На квартиру откладывает потихоньку. Поэтому, морщится, вздрагивает, глаза закрывает, а ложится и стонет, ну чтоб ему приятно было.

Жаль мне их, жаль. Но себя больше, конечно, жаль. Она хоть в кровати лежит, кофе, вино пьет, фильмы про порнолюбовь смотрит. А я.., на улице, больной, пострадавший. Бок у меня. Вот. Да, я помню, я уже говорил.

Куда идти? Зима. Снег. Мороз. Холод. Смерть подглядывает.

Метель завывая пронеслась мимо ларьков, брошенных торговками ящиков из под бананов, грязной оберточной бумаги, окурков и апельсиновых корок. Разогналась, ударилась о витрину семейного супермаркета и кинулась вверх к далекой звезде, которую даже плохо отсюда видно, и исчезла в темноте ночи... Лампа на столбе качнулась, а потом сделал вид, что ничего и не было. Какая погода. Ух... Жуть... Зима играет по своим правилам.

Пес лежал возле супермаркета и смотрел на редких прохожих, которые изредка проходили от станции метро и быстро исчезали в темноте. Некоторые заходили в супермаркет, в спешке вспоминая есть ли дома хлеб и уже планируя завтрашний день.

Пес не рассчитывал на них. Нет. У него просто не было сил ползти дальше.

Он знал, что здесь он умрет красиво. Это будет смерть не в подворотне. Нет. Там будет некрасиво. Поэтому он умрет здесь, у ворот закрытого рая, в котором есть все, кроме собак. Да. Да. Голодных собак там нет, так не принято.

Отчаянье придавило его коленом к мерзлому тротуару, залезло под шкуру и свернувшись клубком уютно устроилось возле горла. Оно подтвердило, что никуда не надо идти. Здесь. Вот здесь все произойдет.

Но, вдруг, автоматическая дверь супермаркета открылась и из нее вышел Человек. Именно человек, а не свободный демократ независимой страны. Это был именно ЧЕЛОВЕК. Простой и не гордый, которой думает сначала о ближнем, а потом о себе и своей выгоде.

Вы думаете я сужу по одежде? Да, в первую очередь по одежде. Ведь сейчас как одеваются? Разрез как можно чаще и без начала и конца. А

мужчины? Нет мужчин. Нет тех представительных разумных особей человеческого класса, которые отличались бы мужеством и мудростью, сегодня они напоминают обезьян в гриме. Нет, тех, кто мог бы сдержать женщину, сказать ей «нет». Мужчины вымерли, их обманули, они стали пародией на женщин: косички, барсетки, бусы, сережки, пирсинги, мода, лосьоны, туалетная вода, личный парикмахер...

Нет. Этот не такой. Это идет Человек. Это идет Мужчина. Он ценит знания и мудрость. В скромном пальто в простой шапке он идет просто, он не позирует окружающему миру в попытке доказать ему, что у него на 500 долларов больше, чем у других.

А глаза. Глаза. Вот, что определяет суть индивидуума. Такие глаза только по личному распоряжению Бога даются. В таких глазах нет границ. В них холод правды, который заставляет съежится и почувствовать весь обман своего существования, именно такого, именно с ними, с теми, которые тут всем заправляют. Теми, кто тебя заставил смирится с самим собой, таким беспомощным, злым, агрессивным, теми, кто заставил тебя делать зло другим чтобы самому выжить.

Такого не обидишь, такого уважаешь. Такого кусать нельзя, возле такого бежишь и хвостом правильно машешь. Нельзя по другому, так положено.

Человек уверено двинулся в метель.

Да, да. У этого в голове моды мало. Этот колбасу с химией, с стабилизаторами, увлажнителями, красителями, загустителями есть не будет, - нет, он человек игнорирующий суть вокруг происходящего, если она неправильна.

Если ему такую химию предложат он скажет им, кому она выгодна и кто на ней и почему зарабатывает.

Вот он ближе и ближе.

Этот не ворует, этот сам зарабатывает. Он знает, как зарабатывать, он знает тайну денег и пользуется ею без суеты. Он умственного труда гражданин, гладко выбритый, с пышными усами, с пронзительными голубыми глазами, которые могут «разрезать» человека и представить на блюдце его собственную суть. Но запах от него скверный, смешанный запах больницы, домашних пирожков и сигарет.

Что он мог покупать в этом супермаркете. Колбасу? Полуфабрикаты, салаты? Нет, он питается только с базара. Не может он делать вред самому себе. Базар, вот отдушина современного интеллигента. Ведь если бы вы видели, что супермаркеты продают, вы бы... пошли в фермеры, как единственный способ обезопасить себя от этих монстров торговли. Но чтобы вы там не купили, отдайте это мне, мне это нужнее и вопрос здоровья голодающего не беспокоит, отдайте мне эту гадость.

Пес собрался с мыслями, потом собрался с силами и пополз навстречу ЧЕЛОВЕКУ. Вьюга напала на него, подняла шерсть, бросила в глаза снег, как будто бы пытаясь остановить и предупредить пса про что-то... Она бросалась снова и снова, а потом вдруг резко потеряв интерес к псу, набросилась на рекламный щит новой водки, закрутилась вокруг него и поняв что тут не наливают, унеслась прочь.

Прозрение возможно. Демократия осуществима.

Неожиданный запах хлестнул по псу раскаленным прутом, приподнял изнутри и бросил вперед. Ведь запах как вид денег, - дает надежду. Пустой желудок, который в течении двух суток ел только зрительные образы, воспрянул духом.

Запах колбасы заглушил все вокруг и стал осязаемым реальным чудом воплощения Божьей Благодати на земле. Знаю - Вижу. Знаю, значить вижу. В фирменном кульке супермаркета лежит колбаса. О, мой господин, товарищ, пан, мсье, мистер... Посмотрите на меня, я здесь внизу на дне. Подлая жизнь моя, улыбнись мне!

Пес полз на брюхе, семенил передними лапами, смотрел на человека глазами раненой косули, волнуясь только об одном, что человек не заметит его бедственного положения.

Ох, боюсь я этих умных-богатых. Они все знают, объясняют, сострадание в них не предусмотрено. Они научны до каблуков ботинок, а значит равнодушны.

Зачем вам эта колбаса, - кушайте фрукты. Обратите внимание на угрозу холестерина. Отдайте ее мне, я готов за вас умереть, иначе мне придется умереть просто так, ни за кого и ни за что.

Незнакомец остановился и посмотрел на пса. Он смотрел оценивающе, размышляя. Он думал.

Наклонился, заглянул в глаза собаке. Вытащил из кулька палку колбасы, отломал кусок и бросил псу.

О, Боже, неужели бескорыстная личность? О, Боже, амброзия, манна небесная, балык из спецраспределителя ЦК, просто хамон какой-то невероятный ... Это же сырокопченая колбаса.

- Бери, - добавил господин, бери! Шарик! Шарик!

- Ну, вот и окрестили. Да, как хотите, крестите, только дайте еще.

Пес мгновенно принялся грызть колбасу, она поддавалась тяжело, но перед профессионалом она не устояла. Пес давился и заглатывал куски, которые не прожевал бы даже крокодил.

Еще, еще. Не останавливайтесь в начале пути благоденствования.

- Хватит, пока достаточно, - четко и сухо сказал он.

Он наклонился и провел рукой по голове Шарика, потрепал по шее.

- Очевидно, что ты ничейный и в данном случае это хорошо, - сказал Василий Васильевич.

- Пошли, пошли.

- Да за вашу колбасу - любой ваш каприз. Да, в соседнюю область. В Чернобыльскую зону. В самый опасный район города. На социальную работу, в Красный крест, миссионером в исламскую страну. В трущобы и катакомбы, в негритянское гетто, на работу в МакДональдс... Куда угодно.

Они шли по улице и хотя бок болел, жизнь наполнялась красками.

Шарик моментально получил смысл жизни и потенциальную возможность получить пропитание. Он созерцал окрестности как римский император во время смотра своих войск. При этом он старался всячески показать свою любовь Василию Васильевичу. Хвост его не останавливался ни на секунду, а

глаза искали глаза Василия Васильевича и выражали осознанное счастье бытия, которое даже теоретически возможно только у младенцев.

Пес забегал наперед и смотрел на своего благодетеля не забывая контролировать маршрут их прохождения.

Шли они через самый что ни наесть центр города, где вечером всегда есть на что посмотреть. В современные времена только здесь горели фонари и было более-менее чисто.

Василий Васильевич уже понял, что Шарик не собирается куда-либо отклоняться от общего с ним маршрута. Он шел чинно, с интересом поглядывая по сторонам. Со стороны он выглядел как Лев Толстой на прогулке по одной из своих деревень.

Возле одного из домов Василию Васильевичу и Шарику пришлось наблюдать картину "Приехали". Из "Мерседеса" высаживались три разодетые, фривольные молодые девушки со смазливыми личиками. Они хихикали и подтрунивали над водителем, который, выйдя из машины, с сомнением смотрел то на дом, к которому они подъехали, то на листок бумаги, который он держал в руке. Постояв немного он достал мобильный телефон, и быстро переговорив с кем-то, утвердительно кивнул девицам и они завалили в подъезд, продолжая смеяться над ним и называя его Незнайкой.

Василий Васильевич остановившись, смотрел на эту картину, потом как-то съежился и сильнее надвинув шапку, зашагал дальше, бормоча себе под нос: «Пропала, пропала страна, бедные дети, бедные мы все». Он быстрее зашагал в метель.

Возле него крутился Шарик пытаясь постоянно находится в его поле зрения. И хотя бок при каждом шаге отвечал ноющей, дергающейся болью он выкладывался как голодный артист. Он не знал, как показать свою любовь еще недавно ему незнакомому человеку. В конце концов, его любовь начала выражаться в подпрыгивании чем-то похожим на прыжки некоторых экзотических косуль. Одновременно он следил, чтоб на дороге его благодетелю не было никаких препятствий.

И когда на их пути им встретился обыкновенный, демократический бомж, Шарик подбежал к нему, остановился, широко расставил лапы, наклонил голову и зарычал. Он так стоял и рычал пока мимо бомжа не прошел Василий Васильевич.

В это время бомж прижавшись к стене, округленными глазами смотрел то на Шарика, то на Василия Васильевич и в его глазах читалось желание отдать честь. Это было профессиональным. В прошлом летчик знаменитых «Тушек» из Узина, поэтому ему просто, по старой привычке, хотелось отдать честь. Но честь у него была уже не та, что раньше, и поэтому он просто стоял и смотрел вслед Василию Васильевичу, сжимая в руках два полиэтиленовых кулька со своими пожитками.

Шарик снял блокаду с бомжа, догнал Василия Васильевича и предано засеменил рядом излучая в пространство положительные флюиды и улыбаясь на свой собачий манер.

Василий Васильевич остановился и сказал: «Не перегибай, ты что придумал, на людей кидаешься». Потом вытянул из кулька начатую палку сырокопченой колбасы, отломил кусок и бросил Шарику.

Вот он миг счастья. Второй за полчаса, второй за год. Шарик изловчился и с трудом дождавшись, когда кусок оторвался от руки благодетеля, схватил колбасу и прямиком отправил ее в приготовленное ей место в желудке. Подпрыгивая на месте от умиления, он смотрел на Василия Васильевича с восхищением и любовью, как отечественный демократ на зарубежного гостя с ЕС.

«Вот чудак», - подумал Шарик, - "он что меня приманивает, и так ясно, что добровольно я не уйду".

- Давай, давай, за мной. Сюда.

Продолжив идти дальше, они вышли на Прорезную и вскоре остановились возле одного очень приличного дома, в котором, наверняка, хотели бы жить многие народные депутаты, олигархи, демократические патриоты, а также правительственные и партийные деятели.

Э нет, этот дом может быть для деятелей и хорошо подходит, но нам собакам туда не положено, не по чину, не по привилегиям.

Консьержка – это новое изобретение современного мира сторожит уют и ауру этого престижного дома. Опасные в зависимости от своего прошлого статуса, они беспрекословны в плане охраны покоя жильцов.

- Не робей, иди, иди.
- Добрый вечер, Василий Васильевич, как прогулялись?
- Здравствуйте, Светлана Николаевна.

Вот это да. Вот это отец народа. Вот так запросто с консьержкой? Видать широкого полета птица, видная издалека птица, этот Василий Васильевич. Авторитетом пользуется, этого не отнять.

Правда, глаза консьержки затянуты «маскировочной сеткой», но про меня ни звука, полное игнорирование. Равнодушие смешанное со служебным долгом. Словно я приглашенный гость.

- Что не можешь? Что не хочешь связываться. Вот так, мы сегодня в фаворе, мы, можно сказать, фавориты сказочной персоны. Не забывай.

- Проходи не создавай пробки, шевелись, - сказал Василий Васильевич.

- Понимаю, ускоряюсь, не волнуйтесь, все в лучшем виде, так сказать... Я на самом деле, не смотря на больной бок, еще могу если надо...

Консьержка сложив руки под грудями в кулачок, стояла как молодая жрица на таинстве, неотрывно смотря на Василия Васильевича, как на нового чревовещателя.

Они проследовали мимо нее и уже с лестницы Василий Васильевич вдруг спросил:

- Ко мне никто не приходил?

Снизу, провожая взглядом:

- Нет, никого не было, Василий Васильевич.

А затем интимно, для принятия к сведению:

- А в десятую квартиру общественная организация въехала.

Повелитель Шарика резко повернувшись на ступеньке и перегнувшись через перила в волнений вскрикнул:

- Как? Какая?

Его глаза стали похожи на две голубые Луны, а усы стали торчком, брови поползли вверх и уперлись в волосы.

Светлана Николаевна сильнее сжала руки, так что пальцы побелели и выдвинув вперед шею сказала:

- «Демократические перспективы». Выкупили квартиру у вдовы академика Штерна.

- Да, ну, - Василий Васильевич, наклонился еще дальше вперед, призывая к озвучиванию подробностей.

- Нет возможности у нее платить за коммунальные услуги, и пенсия у нее явно не депутатская, вот и не выдержала, сдалась старушка на уговоры и продала квартиру.

- Ну, и что ж они? - Спросил он.

- Переезжают. Говорят, что здесь будет офисное здание, и что с жильцами они уже договорились. Офисное здание для разных общественных демократических организаций и фондов. Удобное место. Центр.

Светлана Николаевна поджала губы, выражая таким образом свою озабоченность ситуацией.

- Господи! Пропал дом! Что делается. И сюда уже добрались. Они везде, как такое может быть? - печально и тихо сказал Василий Васильевич.

Василий Васильевич развернулся и продолжил подниматься дальше.

- Иду, иду никак не отстаю. Чинно следую.

Пес смешно подскакивая на ступеньках семенил вслед.

Консьержка осталась внизу в позе молельщицы с взором устремленным вверх, запоминая образы и произведенное впечатление. Она смотрела на Василия Васильевича как на народного полководца, который завтра должен выиграть или проиграть, но который при этом все равно будет очень сильно страдать.

2.

А зачем учиться? Зачем университеты? Что вы говорите? Для знаний? Глупость. Знания нужны бедным, для того чтобы в этом мире выжить, у богатых же они только место в голове занимают. Зачем сыну миллиардера уметь читать, если у него есть деньги? Да, считать надо уметь, чтобы считать жен, любовниц, машины, шубы, ванные комнаты, картины, виллы, яхты, акции, деньги, в конце концов. А что считать собаке? Косточки? Глупости, мы их и не посчитанными съедим. Нам нюх нужен, вот в чем наша сила, наше превосходство, наша стратегия и тактика.

Когда мясо пахнет на Бессарабском рынке, вы никогда его не спутаете с «Детской колбасой» на Печерском рынке. Или только полный идиот пойдет за хозяйственной сумкой в которой лежат помидоры, вместо того чтобы пойти за

сырокопченой колбасой как это сделал я. Нюх, плюс жизненный опыт, пара друзей для критики, несколько магазинов, несколько рынков, пять лет жизни впроголодь и вот, появился новый эксперт.

И вот мой жизненный опыт, и все остальное в придачу, подсказывают мне, что в этом доме жить можно, желательно, возможно и для меня необходимо. Вот стратегия текущего момента, которая не требует общественных слушаний, изучения общественного мнения, проведения референдумов, создания комитетов, специальных, временных или постоянных парламентских комиссий, рабочих групп и ратификации. Требует одного – выполнения.

Они подошли к дверям квартиры. Двери предстали перед ними добротные, железные, оббитые дубом с очень дорогой ручкой и глазком. Ближайшее их рассмотрение могло убедить каждого в состоятельности их владельца, а также его солидности. Никакого дерматина – этого суррогата роскоши не наблюдалось. Дерматин эти двери просто оскорбил бы и они отказались бы открываться. А то, что их делали по спецзаказу, понятно было и кошке.

Двери были выложенными дубовыми досточками как пол паркетом, а на углах украшены литыми латунными узорами. От дверей исходил какой-то сумбурный запах. Это была смесь сигаретного дыма, медикаментов, теплого воздуха с кухни и запаха старых газет. Запах пыли был ели различимым, что указывало на присутствие в доме прислуги.

«Неужто буржуй?», - подумал Шарик. Нет быть этого не может, слишком интеллигентный.

- Может из этих, как их, тоталитарные которые раньше были, бывшие партийные, а теперь убежденные демократы и капиталисты? А может он из бывших диссидентов, а теперь патриотов и интеллигентов-морализаторов?

- А Бог его знает, потом разберемся.

Ручка на двери вздрогнула, дверь отрылась бесшумно и радостно и молодая девушка, лет двадцати-двадцати пяти, предстала перед псом и его благодетелем. Она была одета скромно, по-простому, в красную с синими полосками юбку, белую блузку и синие тапочки. Волосы у нее были черные, глаза большие, брови в виде двух летящих птиц, губы как раз такие, какие надо: честные и без помады.

Повеяло теплом, родным домом. Псу сразу стало ясно, что на кухне уже начали делать котлеты по-киевски.

- Да, - подумал, Шарик, - высокий класс, непобедиссимо.

- Проходите, пожалуйста, товарищ Шарик, - сказал новообретенный хозяин.

- Ага, подумал Шарик, точно, из этих, из тоталитарных, бывших тоталитарных.

Шарик чинно просочился в квартиру, вертя по сторонам одновременно и головой и хвостом, но почему-то синхронно в разные стороны.

Квартира была наполнена множеством предметов, которые поражали своею изысканностью и некоторой претензией. Никакого евроремонта, этого тупого стандартного бизнесового набора с его фальшивыми гипсокартонными стенами,- специально отведенными резервациями для тараканов, без этой фальши подвесных потолков с их чахоточными лампочками, без ламината

поносного цвета с гарантией на 10 лет. Это была квартира сделанная просто, но со множеством личных предметов, с личным мнением про стиль. На полу лежал дубовый паркет, обои с пышными цветами и могли легко поразить воображение любого профессора ботаники, стены увешаны хрустальными бра. Мебель Обуховской мебельной фабрики была простой, но сделанной под заказ, так, что и себе, почему-то, тоже хотелось иметь именно такую.

В прихожей стояла вешалка и полочка с множеством всякой обуви, корзинка с зонтиками. На стене возле двери весело большое зеркало.

- Где это вам такого выдали, Василий Васильевич? - Улыбаясь спросила женщина, помогая снять пальто.

- Господи Иисусе, да он же паршивый, - всплеснула она руками.

- Ерунда, где ты видишь?

После снятия пальто хозяин оказался одетым в приличный костюм с галстуком без разного рода излишеств и дополнительных элементов. При этом ботинки были простого фасона, черного цвета, тщательно начищенными.

- Иди сюда, что ты вертишься как спикер в президиуме. Не крутись, я тебе говорю. Да стой ты смирно. Я врач. Ага ... Что мы имеем? Ну, да ... Все ясно. Это ожог. Обыкновенный, но качественный ожог. И кто ж это тебя так вот... А?

- Повар! «Хилтон». Вчера вечером... я только хотел возле мусорного бака место проверить на наличие... А тут он из-за бака...

Глаза Шарика говорили как пишущая машинка в ласковых руках молодой машинистки. Он даже гавкнул, очень осторожно и тихо, проявляя таким образом сочувствие к самому себе.

- Итак, Тоня, будем исправлять чужие грехи. В смотровую его и приготовься, будешь помогать, - скомандовал хозяин квартиры.

Девушка погладила пса по голове, пощелкала пальцами и поманила его. Немного подумав пес пошел за ней. Пройдя по коридору несколько дверей и повернув налево они оказались в небольшой темной комнате.

Комната почему-то сразу не понравилась псу. Наверное, потому что запах был там какой-то неприятный, даже страшный.

Но вот что–то щелкнуло и комната залилась белым светом, все вдруг стало красивым и белым, все, стены, шкафы, даже пол.

- Ага, - подумал пес, теперь все стало ясно, - клиника, ветлечебница?

- Нет, не дамся. Не просите, не дамся все равно. Ведь не зря ж давали колбасу, не зря. А я повелся, продался, можно сказать, за перспективу. Сейчас начнут надо мною учинять: измерять, резать, колоть, в отверстия заглядывать. Нет, не дамся.

- А мой бок? Они будут его резать!

- Стой, куда бежишь? Зачем? – закричала Тоня.

Но пес не слушал и не думал. Он метался по комнате в поиске выхода. Сначала он кинулся под стол, который стоял посредине, накрытый белой скатертью. От него он метнулся к шкафу, извернулся в последнюю минуту и ударился о него здоровым боком, дверца шкафа открылась и с верхней полки шкафа сначала величественно наклонившись, а потом вдруг резко ускорившись выпала пузатая банка. Она с хрустом ударилась о пол разбрасывая осколки, по полу потекла волна желтой, вонючей жидкости.

- Стой! Куда бежишь? – кричала Тоня и пыталась словить пса бегая за ним с расставленными в стороны руками. Ее глаза были раскрыты на максимально им разрешенную величину, а рот был открыт в виде одной из самых больших прописных букв "О".

Но вот дверь распахнулась и в комнату ворвался хозяин.

Было видно, что он еще не успел переодеться к осмотру пациента т.к. вбежав в комнату он все еще на ходу одевал белый халат, а белая медицинская шапочка на его голове держалась на последней волосинке, хотя надо признать, что и вообще-то этих волосинок на его голове было не так уж и много.

- Стой, лишенец, - закричал хозяин, - пытаясь схватить его одной рукой за ноги и направляя его в угол.

В этот момент диспозиция резко изменилась, в комнату ворвалась еще одна личность мужского пола. Мгновенно оценив ситуацию она кинулась не к псу, а к еще одному шкафу, распахнула его, после чего бросилась к собаке, навалилась на нее, стараясь прижать к полу...

Но пес также не растерялся и профессионально тяпнул его за ногу.

Личность дернулась как от укола и еще сильнее прижала пса к полу. Жидкость абсолютно неприятная на вкус и запах сбила дыхание, в голове у пса началась какая-то чехарда. Мысли сорвались со своих мест, начали прыгать и свистеть. Пес вытянулся, застыл на какое-то время и начал опускаться на пол.

- Все, - подумал, он, - финальная сцена. А как попался. Как попался. Попался, как девочка. Заманили.

- Прощай земля, ты была для меня как обетованная. Прощай колбаса. Наверное, иду в рай.

Тут у него совсем не осталось сил. Он опустил голову и издох. Т.е. умер, по-нашему.

******

Когда он воскрес, он сначала не знал кто он. У него кружилась голова, а в животе летали бабочки. Хотя, постепенно мысли начинали занимать свои места и он начинал вспоминать что произошло.

Открыв один глаз, он обозрел местность, после чего посмотрел на себя. Поперек он был весь перемотан.

- Все-таки они меня отделали, подумал пес, - ну конечно, трое против одного. А тут еще отсутствие возможности всякого маневра...

Его бок молчал, он не дергался, не ныл, он молчал и явно не поддерживал пессимистических высказываний пса.

- Да, получил я конкретно, но профессионально, ничего не болит, только голова немного кружится. Вот как люди работают. Специалисты. Профессионалы.

- "Из ливерпульской гавани всегда по четвергам, суда уходят в плаванье к далеким берегам... И я хочу в Бразилию, к далеким берегам...", - голос очень фальшивил, но был неутомим.

Проявление эмоций в таком виде удивило пса, ему пришлось открыть оба глаза и поднять голову.

Рядом с ним, в позе отдыхающего, на белом табурете он увидел ту самую мужскую личность. Его штанина и голая голень были измазаны засохшей кровью и йодом.

- Матерь Божья! – подумал пес., - значит это я его так удачно укусил. Очевидно, моя работа. Наверное, сейчас продолжат меня бить.

- "... и я хочу в Бразилию к далеким берегам..." Ты почему кусаешься, зачем, ты, дуралей, доктора укусил? А? Зачем шкаф разбил? А?

- У-у-у – жалобно заскулил пес.

- Ладно, лежи и молчи. Болван.

- Как вам удалось, Василий Васильевич, приманить такого неуравновешенного пса? – спросил молодой и приятный голос.

- Вот, - подумал пес, - моя жертва заговорила, значит жизненоважные органы я не зацепил.

Василий Васильевич сидел в широком, удобном кресле и курил сигарету.

Услышав вопрос он немного задумался, а потом сказал:

- Вы знаете, доктор, наверное, мне надо было бы сказать Вам, что все дело в ласке и доброте, которые ломают все барьеры. Но, наверное, все же тут было и что-то другое, были и ласка, но была и безысходность. Вот ведь вы подумайте, куда этому псу было идти с таким боком. Голодному, больному ему оставалось уже совсем немного бегать по нашим улицам. Поэтому, скажу так, с моей стороны ласка, с его стороны безысходность.

- Тоня. Я купил этому прохиндею сырокопченой колбасы. Когда у него в голове шарики перестанут на роликах ездить, покормите его, пожалуйста.

Захрустели, зазвякали подметаемые осколки стекла и женский голос весело сказал:

- Сырокопченой? Да сейчас не все хлеба могут себе позволить. Не жирно ли будет ему? Мои родственники под Донецком только картошку едят и тому рады. Может лучше я сама ее съем?

- Ты что, что ты надумала? Ты знаешь, что туда частник намешал? – Василий Васильевич строго посмотрел на нее.

- А? То-то. Это тебе не раньше, когда государственный контроль был и ГОСТ. А сейчас предприниматели, из-за конкуренции и в погоне за прибылью, людей заставляют есть всякую химию и еще Бог знает что. И чем сильнее конкуренция будет между ними, тем больше всякой дряни мы будем есть.

- Поэтому, не сметь. Предупреждаю, ни я, ни доктор Бирменталь, не будем с тобой возится, когда у тебя живот схватит... "Опять от меня сбежала последняя электричка и я по шпалам, опять по шпалам...".

В квартире мягко звонил звонок, издалека, из передней, были слышны голоса. Постоянно звенел телефон.

Тоня собрала осколки стекла и ушла.

Василий Васильевич докурил сигарету, встал, расправил плечи, поправил халат и позвал пса:

- Ну, как самочувствие, боец? Ну, ладно, пошли принимать. Если мы не будем работать, то нас не будут кормить, - изрек он.

Пес поднялся, закачался от слабости, но довольно быстро пришел в себя и пошел за Василием Васильевичем. Прошел коридор и за хозяином вошел в большую лакированную дверь.

Кабинет поразил бы любого человека, не говоря уже про собаку. Он был ярко освещен и напоминал собой кабинет крупного сахарозаводчика 19 века. Мебель была добротной и солидной. Потолок с лепкой, люстры красивые, но без излишеств. Комната была насыщена множеством предметов, среди которых особое внимание привлекало чучело енота-полоскуна, которое стояло на комоде. Интересное такое, енот сидит и внимательно смотрит, хотелось подойти и погладить его, дать ему семечек или еще чего-то, что он там ест.

- Ляг и не шуми, - сказал псу Василий Васильевич.

Напротив открылась другая дверь и вошел тот покусанный, который при ярком свете оказался довольно симпатичным молодым человеком с острой бородкой и умными глазами. Он подал лист Василию Васильевичу и сказал:

- Прежний...

После этого он тихо, как в балете, удалился, а Василий Васильевич уселся в кресле за столом, напустив на себя вид не только светила медицины, что, наверное, и было на самом деле, но и вид удачного магната, который только что показал своему топ-менеджеру как нужно делать правильно его работу на собственном примере. Он стал необычайно важным, значительным, всемогущим.

- Нет, это не лечебница, это не санаторий. Это что-то малоизвестное и малопонятное для моего собачьего разума.

Шарик неуверенно подошел к дивану, который стоял под стеной и улегся на персидский ковер. Наполовину погрузившись в него, он решил подождать.

- А еноту-полоскуну, мы покажем, как надо правильно жить...

Дверь отворилась и вошел человек необычайной наружности. Шарик даже не сдержался и тявкнул для проверки рефлексов у этого субъекта.

- Молчать! Да вы просто поменяли тело уважаемый, вас нельзя узнать.., - заговорил Василий Васильевич.

Субъект был польщен, он почтительно и смущено улыбался, мялся и раскачивался из стороны в сторону.

- Профессор, вы просто генный инженер, вы - повелитель медицины, - наконец проронил он.

- Снимайте штаны, мне надо все проверить!

- Матерь Божья, - подумал пес, - что это за человек непонятный.

На голове у человека были короткие и совершенно разноцветные волосы. На затылке был выбрит невероятный рисунок, - очевидно какой-то мистический знак. Лицо было гладким и без единой морщины как попка у младенца. Цвет лица был розовым и напоминал цвет спелого персика. Левая нога не сгибалась и поэтому, когда он шел, то он выкидывал правую ногу вперед, а левую подтягивал как на канате. Создавалось впечатление будто корабль закидывает вперед якорь, а потом сам себя к нему подтягивает.

Из под рукавов дорогого пиджака блестели великолепные золотые запонки, из нагрудного кармана торчала антенна мобильного телефона, рядом с которой выглядывал кончик сигары.

На указательном пальце правой руки был надет огромный золотой перстень. Он был такой большой, что наверняка, чтобы взять ложку в руку, этому субъекту приходилось снимать перстень с пальца.

От интереса у пса нижняя челюсть перестала слушаться и отвиснув двигалась как хотела. Для того чтобы совладать с собой псу пришлось снова легонько тявкнуть.

- Молчать, я сказал. Как сон, уважаемый?

- Хи-хи. Профессор, я надеюсь на ваше молчание, а также надеюсь, что нас не подслушивают.

- Порнозвездам даю порноуроки. Живу в стриптиз-баре. Девочки на руках носят, - заговорщицки сообщил посетитель и начал снимать штаны.

- Каждую ночь исполняю супружеский долг десятка мужчин. И не чувствую при этом на них никакой обиды. Вы, профессор, волшебник нашего времени. В 18 лет не мог подумать, что такое возможно, а вот сейчас я достиг коммунизма в этом отдельно взятом вопросе.

- Тоже скажите, - озабочено хмыкнул Василий Васильевич, - пожалейте других мужчин.

Гость, наконец, справился с пуговицами и снял брюки.

Под брюками оказались эротические трусы в виде двух полосочек ткани, которые шли от центра к бедрам и которые ничего не скрывали, а просто были. Их купили для галочки, хотя наверняка стоили они как целый рулон прекрасной ткани.

Пес не выдержал и так гавкнул, что гость со страху чуть не бросился на руки к Василию Васильевичу.

- Ай!

- Я тебе сейчас задам! Не бойтесь, он не кусается!- стандартно, как все любители собак, ответил профессор.

Пес удивился, ведь только сегодня он тяпнул Бирменталя. Чудеса.

Но тут вдруг из кармана штанов этого странного чудака выпала пачка презервативов. На них была изображена сексапильная красавица вся затянутая в кожу, с полицейской фуражкой на голове и с плеткой в руке. Она сидела на спине у молодого мужчины. Мужчина стоял на четвереньках и на лице изображал неземное блаженство.

Субъект подпрыгнул, как будто он увидел перед собой тигра-альбиноса, бросился к презервативам, схватил их и начал запихивать в карман спущенных брюк. При этом он постоянно повторял:

- Надо же, как они так выпали, ну, как они выпали?

- Однако, я смотрю хоть польза от телевизионной рекламы есть, - сказал Василий Васильевич, явно намекая на рекламу предназначенную для молодежи, в которой ее призывают пользоваться презервативами.

Было видно, что такой поворот дел Василия Васильевича не удивил, он был спокоен, т. е. как железобетонный столб.

- Вы же знаете, сейчас у нас происходит сексуальная революция. Вот, например, молодежи все разрешили, а чем мы хуже? Я ж не специально, - сказал посетитель смущенно, - только, так сказать, в виде обмена опытом с молодежью, - совсем некстати добавил он.

- Ну, и что же? Какие результаты? - строго спросил Василий Васильевич.

Субъект замахал руками. Его переполняли впечатления от вседозволенности, а также легкой возможности ими воспользоваться.

- Камасутру уже прошел... А раньше... Последний раз был сразу после начала «Перестройки». Сегодня снова в ночной бар на молодежную дискотеку пойду, голыми танцевать будем, местный дилер обещал сегодня удивить новыми «колесами». Клянусь Богом, уже успел получить мазохистский и другой нетрадиционный опыт, узнал то, что при Союзе не мог даже представить...

Тут невозмутимость Василия Васильевича немного поколебалась, правый ус дернулся раз, второй и снова занял свое прежнее положение. В глазах бегущей строкой пробежал какой-то текст, но он быстро овладел собой и со спокойствием пожилой цыганки спросил:

- А почему вы позеленели? Что с Вашими волосами, такое впечатление, что Вы на фармацевтической фабрике работаете.

Лицо пришельца стало задумчивым и показалось, что сейчас по его щеке побежит медленная мужская слеза.

- Проклятые китайцы! Профессор, никто не сможет определить, что они мне подсунули вместо краски. Вы только поглядите, бормотал субъект, ища глазами зеркало.

- Кто? Китайцы подсунули?

- Да нет, профессор, наши подсунули, а китайцы сделали, но это потом выяснилось. Их нужно по морде за это бить! Всех … каждого… - добавил он.

- Ну, так обрейтесь наголо, - сказал Василий Васильевич.

- Нет, что Вы, все еще очень удачно получилось, на службе с пониманием отнеслись. Демократия мол, что не запрещено – разрешено. А главное, такой цвет нравится моей подруге, она студентка педагогического университета, будущий педагог, ну, мы сейчас с ней вместе живем, спонсор я ее. Вот. Так, она говорит, что прикольно, - добавил субъект, подтягивая штаны одной рукой, а другой придерживая в кармане пачку презервативов.

- Профессор, а может быть я еще к вам свою школьную подругу приведу, ведь эффект просто потрясающий? У нас с ней когда-то была любовь, - заискивающе спросил пациент.

- Не все сразу, не все сразу, - бормотал профессор.

Василий Васильевич наклонясь, со всех сторон обследовал живот пациента:

- Ну, что ж, - чудесно, чудесно, все просто в полном порядке. Я даже не ожидал, что все будет так эффективно. «Мои года – мое богатство...».

- Одевайтесь, дорогой!

- «Я часто время торопил, привык во все дела впрягаться...» – высоким словно детским голосом подпел пациент и с радостью начал одеваться. Одевшись и пару раз осмотрев себя со всех сторон, он подпрыгивая и сияя вокруг широкой белозубой улыбкой счастливого гангстера, отсчитал Василию Васильевичу пачку зеленых денег и нежно, даже любя, стал жать ему обе руки, от чего Василий Васильевич начал немного подергиваться, видимо вспоминая недавний его рассказ про мазохисткий и другой нетрадиционный опыт.

- Две недели можете не приходить, - сказал наконец Василий Васильевич, - но все-таки, прошу вас: ищите свои рамки приличия.

- Профессор! - уже из-за двери в экстазе воскликнул субъект, - будьте совершенно спокойны, я уже почти все попробовал - он сладостно хихикнул, подпрыгнул и пропал.

Профессор сидел за столом, одной рукой опираясь на стол, а другую держа возле виска и смотрел на деньги.

- Боже мой, свобода в гениталии ударила, - бормотал он, - наверное, все с ума сошли, я один остался.

Красивый, переливчатый звонок мягко прозвучал в квартире, дверь открылась, вошел недавно укушенный и вручив Василию Васильевичу листок заявил:

- Годы явно указаны неправильно. Вероятно, 54-55. Тоны сердца глуховаты и невыразительные какие-то. Он посмотрел на профессора и развел руками, так, как будто он в этом был виноват.

Он тихо «испарился» и его заменила крупная, дородная дама в моднейшей широкополой шляпе, как будто из театральной постановки, с ослепительным колье на шее, но уже не представляющая интереса для мужчин из-за множества складок на ней. Странные, загадочные «мешки» висели у нее под глазами, а щеки были кукольно-румяного цвета, чем она очень напоминала престарелую Мальвину из сказки про Буратино.

Она сильно волновалась и потому часто дышала.

- Скажите, пожалуйста! Сколько вам лет? - Очень сурово спросил ее Василий Васильевич.

Дама запнулась и сложила руки на груди в позе печального лебедя из балета.

- Я, профессор, Вам как на духу.., если бы Вы знали как мне тяжело, какие у меня обстоятельства!..

- Так сколько Вам лет? - еще суровее спросил Василий Васильевич.

- Клянусь всем, что у меня есть и будет, ну, сорок пять...

- Не верю, - возопил Василий Васильевич, - меня ждут. Не задерживайте, пожалуйста. Вы же не одна!

Грудь дамы попеременно, то вздымалась, то колыхалась.

- Только Вам одному, как представителю медицины и мировому светиле науки... Но клянусь - это так печально...

- Сколько вам лет?! – уже яростно спросил Василий Васильевич и подпрыгнул в кресле очки его угрожающе блеснули.

- Пятьдесят один! – сказала она и вся здулась и поникла как воздушный шар после работы.

- Снимайте штаны, - сказал Василий Васильевич, указывая на какое-то хитрое инквизиторское сооружение в углу и оба облегченно вздохнули.

- Клянусь мамочкой, профессор, - бормотала дама, дрожащими пальцами расстегивая какие-то кнопки на поясе, - этот Эдуард... Я вам все расскажу, как личному водителю...

- «Из ливерпульской гавани всегда по четвергам...» - запел Василий Васильевич рассеяно слушая ее причитания, он нажал педаль в красивом мраморном умывальнике. Зашумела вода.

- Клянусь своим депутатским мандатом! - говорила дама, всхлипывая и роняя слезы на пол.

- Я знаю - это моя, наверное, последняя страсть. Ведь он такой негодяй! О, профессор! Он игрок, играет на все, что попало и со всем, что движется. Он не может пропустить ни одной студентки и официантки. Но ведь с другой стороны, профессор, примите во внимание, что он может пять раз за ночь и это только без «Виагры», - бормотала женщина умываясь слезами и капая себе же за глубокий вырез.

Пес совершенно обалдел, в голове у него кончилось место и голова начала распухать и падать на лапы.

- Да ну вас, - подумал он, положил голову на лапы и задремал, - подальше от стыда и этих любовных объяснений.

Проснулся он от звона и увидел, что Василий Васильевич швырнул в таз какие-то инструменты.

Дама прижимая руки к грудям смотрела на профессора как старушка на икону. Тот напустил на себя важный, ученый вид и сказал:

- Я вам, вставлю яичники обезьяны, - объявил он и посмотрел на нее со всей строгостью подобающей ситуации.

- Ах, профессор, неужели обезьяны?

- Да, - непреклонно ответил Василий Васильевич.

- Когда же операция? – бледнея, слабым голосом спросила женщина теребя в руках одежду.

- «Из ливерпульской гавани всегда по четвергам...» Угм... В понедельник. Ляжете в хорошую частную клинику с утра. Мой ассистент приготовит вас.

- Ах, я не хочу в клинику. Нельзя ли у вас, профессор?

- Видите ли, у себя я делаю операции лишь в крайних случаях. Это будет стоить очень дорого – 1000 долларов.

- Я уже согласная, профессор, для нашего комитета, это не деньги!

Тут снова зашумела вода, женщина оделась, шляпа заколыхалась, женщина ушла.

Потом появилась лысая голова и закричала:

- Василий Васильевич, я знал, что я успею, я знал.

Голова бросилась к профессору и начала обнимать и целовать его.

Пес дремал, тошнота и слабость прошли, бок не беспокоил его, было тепло и сытно. Он даже успел увидеть кусочек приятного сна: будто бы он догнал енота и цапнул его прямо за хвост...

Но тут сильный и громкий голос прямо над головой закричал:

- Я слишком известен в общественных, правительственных и международных кругах, профессор. В пятницу я еду на встречу с представителями НАТО, что же мне делать?

- Товарищи, - возмущенно говорил Василий Васильевич, - нельзя же так. Нужно сдерживать себя. Сколько ему лет?

- Семнадцать, профессор..., но ведь сейчас все, все вокруг так делают... Вы понимаете, огласка погубит меня. Профессор, поймите, это нанесет вред всей международной политике нашей страны, президенту, премьер-министру, в конце концов...

- Ну что Вы волнуетесь, Вас же кто-то из Ваших же и познакомил, как я понимаю. Они тоже такие же... все, почти все, - добавил Василий Васильевич, немного подумав. Я ж не политтехнолог, дорогой, вам нужно обратится к политтехнологу и юристу, они что-то придумают. Ну, подождите год и живите себе на здоровье...

- Женат я, профессор.

- Ну, товарищи, ну, господа. Ну, тогда надо уже назад возвращаться. Секс надо снова запретить, а так ей богу не знаю.

- Ну, что за страна у нас, вот Голландия, европейская страна, можно то, можно все: наркотики, проституция, «голубой квартал», «розовый»... Все пожалуйста. Я сам там был, сам все видел, сам все попробовал, а у нас? Да.., у нас еще не все разрешено, да.., ложный стыд, предрассудки прошлого долго еще будут оставаться у нас в сознании, в сознании нашего народа. Так еще долго мы будем перестраивать свое мышление, так не скоро мы еще придем в Европу.., не скоро мы станем Европой…

- Дорогой, обратитесь к психоаналитику, это дорого и модно, там, на Западе, все так делают, это что-то вроде нашего священника, только намного дороже. Я так понимаю, это то, что Вам надо. Но лечиться все-таки придется Вам и у меня, иначе...

Двери открывались, сменялись лица, гремели инструменты в шкафу, укушенный заходил и выходил, и Василий Васильевич работал, не покладая рук.

Пошлая квартира, детей сюда приводить нельзя, - думал пес, - но до чего же все-таки кайфово, если вот так на ковре лежать и созерцать, созерцать... Но на черта, я ему нужен? Неужели он романтик, гуманист с широкой душой? Неужели оставит жить и доживать до конца века моего собачьего? Вот есть все-таки странные люди! Он если захотел бы, мог не только пса шикарного завести, аллигатора в ванной поселить, - сейчас это очень модно среди "новых". Да ведь ему только глазом стоит моргнуть и аквариум вдаль стен с рыбками и подогревом..., тигр бы посетителей в прихожей встречал! А может, я красивый, может я индивид? Может быть, я привлек его своей особенной внутренней неповторимостью и красотой? А енот, он не прав, и он за это ответит...

Окончательно пес очнулся глубоким вечером, когда все затихло, перестал укушенный бегать туда-сюда, замолчали звоночки, закончились жизненные истории вздохи, ахи, причитания. Тишина вползла в квартиру. Василий Васильевич устало сидел за столом, осмысливая прошедший день и собираясь уже идти ужинать.

Именно в этот момент открылась дверь и впустила особенных гостей. Их было четверо. Все были среднего возраста, все кроме одного, этот был более молодым и отличался от всех их особенным образом. Одеты они были изысканно, каждый с индивидуальным вкусом, добротно, чувствовалось, что

деньги у них есть и каждая вещь их гардероба была подобрана специально, с любовью. Деньги были заплачены за добротность, качество, солидность.

- А это что за пришествие? - подумал пес.

Намного более сдержано и неприязненно отнесся к визиту гостей Василий Васильевич. Когда гости зашли, он встал, вышел из-за стола и теперь стоял напротив них в позе одинокого противостояния. Он смотрел на них не по-доброму, как солдат на вошь. Взгляд был суров, голова наклонена, видно было, что он готовится к непростому разговору.

Гости стояли возле дверей и с интересом разглядывали комнату, с интересом покупателя кобылы на базаре.

- Мы к вам, профессор, - заговорил один из них, у которого на голове возвышалась копна густейших вьющихся черных волос, - и вот по какому делу...

- Вы, товарищи, напрасно пришли ко мне, мне кажется, что у меня с вами не может быть никаких дел, - перебил его Василий Васильевич, - во-первых, вы не договорились про встречу, а я человек занятый, а, во-вторых, это не культурно с вашей стороны...

Тот, с копной, запнулся и все четверо в изумлении уставились на Василия Васильевича. Молчание продолжалось несколько секунд.

Видно было, что они не ожидали такого необычного начала, очевидным было и то, что с ними так давно уже никто не говорил.

Василий Васильевич опустил руку на стол и его пальцы что-то нетерпеливо выстукивали.

- Во-первых, мы не товарищи... - молвил, наконец, самый юный из четверых молодой человек необычного вида.

- Во-первых, - перебил его Василий Васильевич, - вы мужчина или женщина?

Четверо вновь смолкли и в изумлении открыли рты. Они точного такого не ожидали.

На этот раз заговорил первый, тот, с копной веселых черных кучерявых волос.

- Какая разница? - спросил он горделиво и явно кичась своей научной степенью, положением в обществе, знакомствами или должностью, а может быть всем вместе сразу.

- Я - мужчина, - признался молодой человек в кожаной куртке.

Было видно, что в данный момент он не хотел бы говорить на эту тему, поэтому он даже немного покраснел. Вслед за ним покраснел почему-то и один из вошедших - блондин в синем галстуке в желтый горошек.

Брови Василия Васильевича полезли вверх. Он вытянул шею и его рот непроизвольно открылся. Он смотрел на молодого человека с таким удивлением как смотрит ребенок, который первый раз видит прибывающий поезд метро.

Дело в том, что этот молодой человек разительно отличался от других обычных молодых людей. Весь его облик был пронизан женственностью и неприкрытым кокетством. И это выражалось в простом: его губы были накрашены черно-коричневой губной помадой, глаза наведены тушью, лицо

напудрено, а на щеках наложен легкий, едва заметный персиковый румянец. Кожаная одежда, в которую он был одет, была женского покроя и каким-то непостижимо-пошлым образом облегала его тело, в ушах его были сережки, а пальцы рук были густо унизаны разного рода перстнями и колечками.

Волосы были иссиня черного цвета и торчали в разные стороны. Туфли на высоком каблуке с острыми носками сделаны из мягкой черной кожи высочайшего качества.

Василий Васильевич с трудом насытившись этим образом оторвал от него взгляд, сглотнул и почему-то взял одной рукой себя за горло.

- Я хотел Вам предложил сесть, но теперь воздержусь, - с трудом проговорил профессор.

- Мы пришли к вам, - вновь начал черный с копной.

- Прежде всего - кто это мы?

- Человек с копной волос набрал в груди воздуха и очень членораздельно и медленно сказал:

- Мы - это только что вселившиеся в этот дом. Мы представляем разные общественные демократические организации и фонды – уже с трудом сдерживая себя сказал черный, - которые теперь будут находится в этом доме.

- Я – Чвондер, представляю общественную организацию «Демократические перспективы», он – Клязменский – «Комитет демократических избирателей», он – господин Лацис, представляет фонд «Human Rights Today» и Шаровой, представляет организацию по защите прав сексуальных меньшинств «Новый мир»...

При оглашении последних слов Василий Васильевич пошевелился и сказал:

- Я так и знал.

- Что значит, вы так и знали? - спросил Чвондер.

- Догадался.

- Мне кажется, что вы, профессор, предвзято относитесь к сексуальным меньшинствам и даже не пытаетесь этого скрывать, - заявил Лацис - у вас еще осталось, то, предвзятое отношение к сексменьшинам, которое было при Советском Союзе, - продолжил он.

- Да, как-то дико видеть такое понимание этого вопроса у образованного человека с мировым именем. Да они такие же люди как все и поэтому имеют право на свою самобытность - добавил блондин в синем галстуке в желтый горошек, снова почему-то покраснев.

В это время сам представитель сексменьшин зашевелился и сказал:

- Между прочим, среди животных тоже есть «голубые» и «розовые», и ничего.

Василий Васильевич зло посмотрел на них, демонстративно развернулся, зашел за стол, сел и сказал:

- Довожу до вашего сведения, что подобного рода сексуальные проявления есть ненормальным отклонением, это болезнь, это вредное исключение из правил с которым надо бороться, а не защищать, иначе наше общество деградирует и вымрет, что и происходит сейчас на Западе, где, как вы знаете, это явление очень распространено.

Гости онемели от такой правды-матки, они стояли и смотрели на профессора как на прокаженного.

Повисла тишина. Через минуту, сделав над собой невероятное усилие, снова заговорил Чвондер:

- Василий Васильевич, сейчас мы с вами хотели бы поговорить по другому вопросу. И вот мы...

- Это вы вселились в квартиру академика Михаила Рудольфовича Штерна? – снова перебил его профессор.

Чвондер, как рак выпучил глаза и стараясь сдерживаться, степенно и почти по слогам сказал:

- Да, мы, квартира была куплена на законных основаниях у вдовы академика Штерна, и теперь там будет размещаться офис нашей демократической общественной организации «Демократические перспективы».

- Боже, пропал ведомственный дом! Академия наук получила еще один удар со стороны демократии, - в отчаянии воскликнул Василий Васильевич и всплеснул руками.

- Вы что, профессор, смеетесь? – воскликнул Чвондер.

- Какое там смеюсь?! Я в полном отчаянии, - вскрикнул Василий Васильевич, - что же теперь будет с централизованным горячим водоснабжением?

- Вы издеваетесь, профессор Протуберанский?

- Да, ничего не издеваюсь. Теперь вы, каждый для себя, сделаете индивидуальное горячее водоснабжение, поставите бойлер, централизованное водоснабжение дома станет слишком дорогим для ЖЕКа и дом от него отключат, - сказал Василий Васильевич загибая пальцы на левой руке, - и поэтому мне тоже придется делать себе индивидуальное горячее водоснабжение, что влетит мне в копеечку. Потом вы создадите ОСББ и мне придется платить за квартиру больше, ведь надо будет нанимать отдельно для дома председателя, бухгалтера, электрика, сантехника, дворников, надо будет отдельно платить коммунальным монополистам за всякие промывки сетей отопления, дезинфекцию труб холодной и горячей воды, проведение аудита энергоэффективности здания и еще черт знает за что, чем раньше занимался ЖЭК сам и никого не напрягал и не требовал отдельной платы…

Вы начнете мне навязывать участие в кредитах на замену окон в подъезде, утепление стен, мне придется ходить на собрания жильцов дома, спорить и ругаться, голосовать на выборах председателя, утверждать правление ОСББ. Потом надо их менять когда они проворуются, подавать на них в суд, выбирать новых, платить юристам для подачи в суд на должников из-за которых дом будут отключать, то от электроэнергии, то от отопления.. И это все вместо того, чтобы просто спокойно жить как раньше… Вот такие от вас улучшения… Вот и все. Т.е. свобода и демократия, я делаю что хочу, а ты тоже делай что хочешь: живи или умри. А потом вы начнете выбивать стены, перепроектировать квартиры...

Гости открывали и закрывали рты, разводили руками и смотрели, то на Василия Васильевича, то друг на друга. Со стороны казалось, что поет хор глухонемых. Создавалось впечатление, что они ели-ели находят в себе силы,

чтобы сдерживаться и не начать друг друга щипать, чтобы убедиться, что они не спят.

Профессор сидел и слегка наклонив голову созерцал картину, которую он создал своими словами минуту назад.

- Так по какому делу вы пришли ко мне? Говорите как можно скорее, я сейчас иду ужинать, - быстро проговорил он и наклонил голову в другую сторону.

Чвондер глубоко вздохнул, покрутил головой приходя себя и сказал:

- Мы, - уже почти с ненавистью заговорил Чвондер, - пришли к вам после общего собрания демократических организаций нашего дома, которые выкупили квартиры в этом доме для создания здесь своих офисов, на котором было вынесено постановление о предложении вам...

- Что куда было вынесено? - вскрикнул Василий Васильевич, - постарайтесь говорить ясно и понятно.

- Постановление о предложение вам продать свою квартиру под офис демократической общественной организации «Фридом хаос», тем более что вы не имеете права заниматься предоставлением медицинских услуг в жилом фонде.

- Все! Я понял! А вам известно, что постановлением от 11 сентября 2001 года, мне разрешено заниматься медицинской практикой в моей квартире? Поэтому, я не собираюсь продавать свою квартиру и куда-то переезжать!

- Известно, - ответил Чвондер, - но общее собрание демократических организаций нашего дома, рассмотрев ваш вопрос, пришло к заключению, и проголосовало единогласно демократическим путем, что в принципе, вы могли бы пойти навстречу просьбе наших демократических организаций и продать несколько комнат, и таким образом поспособствовать укреплению демократии у нас в стране.

- Вы и так занимаете целых семь комнат, - добавил блондин.

- Мне эту квартиру дала Советская власть и я ее заслужил. У меня больше научных открытий и исследований, чем офисной техники во всех ваших общественных демократических организациях вместе взятых, - закричал Василий Васильевич подпрыгивая на кресле.

- Нет уже такой власти, она не выдержала испытанием временем и развалилась, - быстро заявил Чвондер.

- Да. Нет... Но вы же еще хуже сделали, чем было... Хуже, чем было при Советском Союзе, вы слышите, намного хуже...

- Но, система...

- Ее сознательно развалили коммунисты из самых высоких эшелонов власти СССР, для того чтобы стать миллионерами и миллиардерами, а Запад и такие как вы, научили их как это сделать. Для их же и своей выгоды и за счет здоровья, возможностей, жизней и счастья всего советского народа, простых людей, которые доверяли своей верхушке, – сказал нервно Василий Васильевич, тыкая пальцем в стол. Если раньше секретарь горкома из всех льгот имел лишь служебную машину и продуктовый спецпайок, то сейчас на такой же должности чиновник-демократ, за счет народа и с помощью воровства и коррупции, имеет виллы в Европе, миллионы, нет десятки миллионов

долларов, яхты, частные предприятия, недвижимость, конечно, ему будет нравится демократия, а не социализм… чего ж тут удивляться, все понятно…

Четверка онемела. Они стали быстро переглядываться друг с другом, как карманники в толпе футбольных болельщиков.

- Профессор, мне вас жаль, - наконец заговорил Лацис.

- Извиняюсь.., - сказал блондин.

- Извиняюсь, я не буду комментировать Ваше заявление, это все уже стало вопросом истории - перебил его Чвондер, теребя галстук и нервно посматривая на своих коллег, - пусть это останется на вашей совести, но мы также хотели бы вам сделать деловое предложение, профессор. Собрание наших демократических организаций предлагает вам возможность получить грант на научные исследования за границей. Вы человек известный, и вам, наверное, будет интересно поехать за границу перенимать передовой опыт? Одна из наших организаций, «Фонд Фули», имеет возможность организовать Вам такую поездку, и я думаю, что она пойдет вам навстречу. Я правильно говорю, - обратился Чвондер к своим коллегам, поворачиваясь к ним.

Все дружно закивали головами.

- Даже член-корреспондент, академик Затон высоко оценивает такую возможность, и не раз сам ею пользовался, - добавил Лацис.

Василий Васильевич дернул плечом и начал постепенно «выходить из себя». Лицо его краснело, внутреннее давление постепенно возрастало. Он замер и весь сжался.

- Вам надо будет только написать план-заявку и указать какой темой вы хотели бы заниматься и в каком научно-исследовательском центре, - добавил Чвондер.

- Угу, угу, - сдавлено промолвил Василий Васильевич, - а куда я должен переехать после продажи квартиры?

- На дачу, - хором ответили все четверо.

Цвет лица Василия Васильевича стал очень сильно напоминать тряпку, которой в Испании дразнят быков.

- На даче жить, на даче работать, на даче принимать иностранных ученых, на даче резать кроликов, на даче преподавать, - заговорил он, угрожающе подымая голос. Идти пресмыкаться на Запад за их гранты, писать им отчеты о расходах на такси, на канцелярию, за перелеты, за рестораны, за гостиницы. Очень возможно, что член-корреспондент академик Затон, так и делает. Может быть он и гражданство поменял? Может быть. Но я не член-корреспондент Затон! - вдруг заорал Василий Васильевич, вскакивая с места, и мгновенно меняя цвет лица на желтый.

- Я буду оперировать здесь, да у себя дома, т.к. ваша демократия развалила мой институт, где я проработал тридцать лет и туда пришла деградация, очковтирательство, дефицит средств, имитация работы и огромная коррупция. Мне не надо было работать дома, у меня были чудесные лаборатории и операционные, я получал зарплату и мне хватало. Ясно? - заорал он и так зыркнул глазами, что показалось лазерный луч сверкнул из его очков.

- И я не хочу ехать в страны, где каждый второй или педик или еще какой-то мазохист. Где человек живет как скот с которого другие выжимают

прибыль… Мне не чему у них учиться, я имею отличнейший диплом советского хирурга, отправляйте туда учиться своих новоиспеченных тупарей-бакалавров.

Четверка стояла прижавшись друг к другу как группа деревьев во время бури.

Прийти в себя они смогли только через несколько минут. Чвондер часто моргая глазами и разводя в стороны руками тихо заговорил.

- Ну, что ж, профессор, тогда нам придется обратится в суд, как это принято в развитых демократических странах, для того чтобы выяснить имеете ли вы право оперировать в жилом фонде.

- Вот вы как, то есть вы «по-демократически» хотите? Через демократический суд? – заговорил снова профессор и в его голосе появились подлые нотки.

- Минутку, никуда не уходите. Я сейчас первый в «демократический суд» обращусь.

- Во, мужик, орел, можно сказать, - подумал пес, - ведь прямо как я. Ой, сделает он сейчас им неприятно, насыплет он им сейчас песка под линзы. Не знаю еще как, но так насыплет, что долго они будут еще плакать. Правильно! Бей их предателей! Вот так чтоб взять этого с копной волос зубами за косточку на ноге, он бы тогда быстро у меня начал разбираться в моде на костыли... Р-р-р...

Василий Васильевич крутнулся на месте, подбежал к письменному столу и схватил с него мобильный телефон, быстро там чего пощелкал и приложил его к уху.

- Петр Алексеевич, здравствуйте, Василий Васильевич Протуберанский. У вас сейчас есть минутка? Очень хорошо, очень хорошо. Спасибо, спасибо, получил, да все получил. Спасибо, мне очень понравилось, очень вкусные конфеты. Да, да я здоров. Петр Алексеевич ваша операция отменяется. Что? Да, да совсем отменяется. В принципе, как и все другие операции. Я прекращаю работу не только в нашем городе, но и в нашей стране... поеду за границу, на стажировку, член-корреспондент Затон ездил и я поеду, а может и осяду там, навсегда. Буду лекции там читать тупым американским студентам. Как в чем дело? Ко мне только что пришли четверо, один из них мужчина, переодетый женщиной, и терроризировали меня в попытке заставить выселится из моей квартиры, продать ее или ее часть.

- Извините, профессор, - начал было Чвондер, дергаясь всем лицом сразу.

- Извините... У меня нет времени повторять все что они тут говорили. Это непередаваемая игра бредовых заявлений и нахальства. Я могу только сказать, что они предложили мне продать мою квартиру, чтобы в ней расположилась какая-то демократическая организация.

- Не какая-то, профессор, не какая-то, а «Фридом хаос», это одна из самых известных правозащитных организаций в мире, - вставил Чвондер с придыханием и почему-то покраснел.

Василий Васильевич только махнул на него рукой и прикрыв на мгновенье трубку рукой сказал:

- Грантососы, дармоеды и подхалимы как и все другие.

И потом снова в трубку.

- Мне также предлагается поехать осваивать грант черт знает куда... и вообще переехать на дачу. То есть они поставили меня перед необходимостью оперировать вас там, где я раньше выращивал «анютины глазки». В таких условиях я не хочу и не буду работать. Поэтому я прекращаю всю работу и приемы, закрываю квартиру и переезжаю в сельскую местность, может быть, займусь продвижением зеленого туризма. Ключи могу передать Чвондеру. Пусть он оперирует, ведь я не имею права оперировать в жилом фонде, - добавил Василий Васильевич.

Четверо стояли как облитые гипсом: без движения, без эмоций, - они первый раз испытывали на себе такое изощренное унижение.

- А что же делать... Мне самому очень жаль и вообще неприятно... Как? О, нет, Петр Алексеевич! Нет, я не могу. Мне тяжело жить и дышать в таких условиях. Терпение треснуло. Это же не первый случай, только в августе ко мне приходили адвокаты одной очень известной импортно-экспортной кампании и требовали чтобы я продал им квартиру под офис. И по-хорошему угрожали братками и прокуратурой. Да, да. Нет. Прокуратура не приехала, я как раз тогда лечил их прокурора... Да, да что-то на это похожее, да такое бывает после того как мужчину часто видят сразу с несколькими женщинами... Да, а с братками вообще никаких проблем не было. Да, да, там тоже был очень запущенный случай.

-Но, как не волноваться, это же уже второй случай с августа.

- Как? Что? А такое возможно? Гм... Ну, может быть. Но только с одним условием: кем угодно, что угодно, но чтобы это была настолько демократическая бумажка, при наличии которой, ни Чвондер, ни любая демократическая организация, ни банк с иностранными инвестициями, ни магазин, ни частный предприниматель, ни даже Совет Европы, не могли даже близко подойти к моей квартире. От администрации президента, парламента, главы ОБСЕ, термоядерная, консенсусная, согласованная с общественностью, демократическая бумажка в последнем чтении. Настоящая! Железобетонная! Чтобы я для них умер. Да. Пожалуйста. Кем? И как вы думаете, он справляется на таком высоком посту? Я тоже сомневаюсь… Ага... Ну, это другое дело. Ага... Да, а как его здоровье? Хорошо. И вы тоже сами можете подписать, если надо… Я рад. Сейчас передаю трубку.

- Пожалуйста, - голосом полным яда обратился Василий Васильевич к Чвондеру, - сейчас с вами будут говорить.

- Но, извините, ведь все было не так, вы многое показали в другом свете, - сказал Чвондер, глядя то на пол, то на Василия Васильевича, то на потолок.

- Прошу вас, не делайте здесь сцен, - быстро ответил ему профессор.

Чвондер взял мобильный телефон из рук профессора и сказал:

- Я слушаю. Да... Исполнительный директор демократической общественной организации «Демократические перспективы» Чвондер Владимир Рувимович...

- Да, я вас узнаю, да, конечно. Очень приятно. Да, но... Нет, но... Нет, такое лечить я не умею... Я не знаю, лечат ли такое на Западе... Но мы согласно с европейскими демократическими нормами и принципами предложили

профессору выбор..., искали конструктивное решение... мы, как страна член Совета Европы должны...

- Куда идти мне... нам... самим...? Что Совет Европы? Нет, нет, я вас хорошо слышу... Так я и не вмешиваюсь во внутренние дела..., но я сам видел по телевизору как вы сами … на встрече с представителями Европейского... Что? Да, вы говорили, что приветствуете когда... Что? Кто я, вместе с ними, когда это касается вашего здоровья, а не государства..?

Чвондер отвел от уха телефон и посмотрел на своих товарищей, в его глазах читалась мука, казалось, что он только что узнал, что он смертельно болен.

- Он бросил трубку.., это просто позор… какой-то, - медленно вымолвил Чвондер. Совершенно мокрый, он с надеждой смотрел на своих товарищей как на группу шаманов, которые еще могут что-то изменить.

Василий Васильевич подошел к нему, забрал телефон, прошел к столу и сел.

- Как он его, раз, раз, два и нету Чвондера, вот это чья-то школа... - восхищенно думал пес, - может быть он колдун? Ну, теперь можете меня даже меньше кормить, но я отсюда точно никуда не уйду.

Трое, как каменные львы возле входа в театр открыв рты, смотрели на «оплеванного» Чвондера.

- Какой позор, позор на всю Европу! Что про нас подумают в Европе, если мы все еще сталинскими методами решаем все вопросы, без поиска консенсуса, компромисса... Да. Не скоро мы еще станем настоящей Европой, - тихим голосом промолвил он, низко опустив голову.

- Не убивайтесь зря, здесь нет официальных лиц и прессы, не надо тут этой демократической показухи, приберегите это для студентов, диссидентов, демократического телевиденья, радио, западных делегаций и журналистов, - вымолвил профессор, презрительно выпятив нижнюю губу, - здесь вам за это не заплатят.

- Вот если бы сейчас нас слушали граждане нашей страны, то я уверен, что они бы не одобрили вашего поведения и..., - начал молодой человек переодетый в женщину, волнуясь и накручивая себя для спора, - я бы доказал Петру Алексеевичу...

- Извините, вы сейчас хотите их сюда позвать, чтобы они все это слушали здесь? - Вежливо, но ехидно спросил Василий Васильевич, - они это по вашему демократическому радио уже много раз слышали, поверьте мне...

Глаза мужчины переодетого женщиной горели, ему хотелось многое сказать.

- Я понимаю вашу иронию, профессор, мы сейчас уйдем... Только я, как исполняющий директор общественной организации, и ввиду Вашего негативного отношения к сексменшинам...

- А по виду, так испол-няю-щая директриса, - поправил его Василий Васильевич и улыбнулся.

- Хочу предложить вам сделать спонсорский взнос в пользу бездомных детей. Я думаю, что вы можете позволить себе пожертвовать 10 долларов?

- Нет, не буду, - просто ответил Василий Васильевич.

Четверка понуро опустила головы, всем своим видом показывая свое печальное бессилье перед этой вот местной, местечковой ментальностью, гуманистической отсталостью, неевропейским мышлением, безразличием к чужой судьбе и как бы говоря всем своим видом: «Вот, мол, все имеет, и может помочь, а такой несознательный, жадный, а вот в Европе...»

- Извините, профессор, а почему вы отказываетесь?

- Не хочу.

- Вы не сочувствуете бездомным детям?

- Сочувствую.

- Вам, наверное, жалко 10 долларов?

- Нет.

- Так почему же?

- Не хочу.

- Но ведь должна же быть какая-то причина.

- Причина есть.

- Какая, профессор, это же дети, если хотите, я принесу вам квитанцию от общественной организации «Дети – наше будущее»?

- Не в квитанции дело, и я даже верю вам, что вы эти деньги передадите организации, которая занимается защитой прав детей. Я просто знаю, что детям, дойдет только маленькая часть от этих денег, а большую часть ваши коллеги из демократических общественных организаций потратят на поддержание своего собственного существования: зарплаты, офисы, а что-то еще украдут и это касается любых общественных организаций, а не только детских. А те деньги, которые к детям дойдут не изменят ситуации, проблема не исчезнет.

Я вообще считаю, что такими проблемами должно заниматься только государство и оно должно иметь на решение этих проблем собственные деньги, и я считаю, что беспризорных детей не должно быть вообще.

Я уверен, что разные там организации и фонды не решат этой проблемы, впрочем, как и другие подобные проблемы. Я также знаю, что таким образом с государства и всей системы снимается ответственность за сам факт существования бездомных детей как общественного явления, и что это кому-то выгодно. И скорее всего выгодно это олигархам, ну и вам, конечно...

Это все надо для того, чтобы оправдать существующую систему власти, ведь некрасиво как-то получается – беспризорные дети существуют, тогда как только каких-то пару десятилетий назад их не было вообще. Зачем же мне давать на это деньги и кормить таких как вы?

Профессор сидел за столом, говорил из под лоба, зыркая на своих посетителей.

Глаза четверки округлились, увеличились и начали подниматься по лицам вверх. Они стояли и просто тупо глазели на Василия Васильевича, загипнотизировано глядя просто ему в рот. Создавалось впечатление, что они увидели перед собой буйно помешенного, снежного человека с рогами, который говорил человеческим языком.

Все молчали.

- Знаете ли, профессор, - наконец заговорил представитель сексменьшин, - если бы вы не были так широко известны в определенных кругах и за вас не заступились бы самым наглым, я подчеркиваю наглым образом (блондин дернул его за куртку, но тот не обратил на это внимание) некоторые современные официальные лица, которые только прикидываются демократами, а на самом деле остались тоталитарными особами с ментальностью советского тоталитарного человека, позицию которых, я уверен, мы еще проясним до конца, то вас следовало бы осудить публично.

- А за что? - с любопытством спросил Василий Васильевич, делая одновременно лицо хитрым как у маленького ребенка.

- Вы - ненавистник демократии! - гордо сказал молодой человек переодетый в женщину.

- Да, я не люблю демократию, но это же естественно - печально согласился Василий Васильевич.

- Что????!!!! - почти хором спросили гости и наклонились к Василию Васильевичу вытягивая шеи.

- А как я могу любить демократию, если при ней в нашей стране появились, я хочу обратить ваше внимание, именно появились и приобрели огромные масштабы такие негативные явления как проституция, наркомания, детская беспризорность, безработица, бездомность, уровень заболеваемостью туберкулезом и СПИДом достигли размеров эпидемий, резко повысился уровень преступности и алкоголизма, цены, - тут он поднял вверх палец, - подымаются каждую неделю, из-за всего этого население вымирает как во время войны, для многих стало недоступным образование, медицина, жилье, а взамен люди получили свободу слова, которую на хлеб не мажешь и в которой жить тоже холодно, и которая никогда не приведет к решению всех этих проблем.

Дайте мне социальные блага Советского Союза, и мне не нужна свобода слова и демократия...

- Но это же природные процессы, которые есть в любой стране, - быстро вставил Чвондер.

- Вот за это я ее и не люблю, что при демократии, такие процессы стают природными и привычными. И заметьте, не во всех странах такие явления есть природными, например, в социалистических странах такого не было, в Союзе этого не было.

- Так, что вы предлагаете, профессор, вернуться в Советский Союз с его репрессиями и нарушением прав человека? - сказал Лацис хмуро, который до сих пор стоял молча и только слушал.

Все снова возрелись на профессора.

- Я бы с удовольствием, но реально это уже невозможно. А в общем с удовольствием, я не помню, чтобы в 1991 году были репрессии или нарушения прав человека? Ведь именно в 1991 году вы развалили СССР? Не так ли? Но мне кажется, что олигархи и чиновники-демократы не согласятся, хотя может простым людям такое предложение и понравилось бы.

- Вы же знаете, недавно в нашей стране прошли важные события и теперь настанут настоящие демократические преобразования, - сказал Чвондер.

- Вы имеете ввиду, те два массовые стояния которые были вот тут недалеко в центре на Крещатике? – спросил профессор.

- Да, это были массовые волеизъявления народа, когда народ высказал свое мнение.

- Глупость это все и обман.

- Да, как вы можете?! - возмутился мужчина переодетый в женщину.

- А зачем скрывать правду? Их же всех обманули, да и всю страну тоже. Они требовали снять президента, как будто в этом были их проблемы, как будто другой не будет делать так же плохо. И олигархи, руками народа, с удовольствием сбросили старого президента и поставили своего нового президента-олигарха. Они требовали эфемерной евроинтеграции, как будто от нее люди станут лучше жить. О, глупцы, несчастные глупцы. Они выступали против чего-то.., а надо было выступать за что-то конкретное... вот в чем дело... надо было требовать увеличение зарплат и пенсий... А кто это будет делать и как это уже не народа проблема...

Эти глупые и наивные люди не поняли, что их руками олигархи в стране сделали национально-либеральную революцию…, да именно так либеральную, а значит капиталистическую, а потом опираясь на их кредит доверия произвели изменения выгодные им, соответственно увеличили возраст выхода на пенсию, изменили в худшую сторону трудовой кодекс, увеличили во много раз цены на коммунальные услуги, отменив их дотацию из бюджета, отменили множество социальных льгот, контроль цен т.е. с удовольствием сократили социальные гарантии остававшиеся еще от Советского Союза... на пользу частника и предпринимателя, просто отлично, после двух революций достоинства они хотят увольнять работника с помощью смски-оповещения… это же какая радость, это же какое реальное достижение народа, почему бы народу не радоваться..? Это же просто прелестно, отличное достижение, такая победа над тоталитаризмом...

- Так, на все что хочет народ нужны деньги, это все популизм..., легче всего народу обещать невыполнимое...

- Нет денег, тогда уходите... зачем они нам тогда? Раз они не могут обеспечить приток денег и наладить экономику? Это же рынок..., не можешь, значит не профессионал... свободен…

- Как это уходите?

- Да, вот так. Свободны, пшли вон... и так снова и снова., а потом, если не поможет, надо просто менять систему..., а как по-другому.., ну не работает демократия, ну не ра-бо-тает… ну нету у нее денег для народа… ну нету… надо откровенно сказать.. после внедрения у нас демократии мы стали жить намного хуже и начали вымирать… мы вымираем господа, вы не заметили…? Евроинтеграция… уже 30 лет улучшает и улучшает нашу жизнь, но от этого становится только хуже… ну , давайте уже признаем, что от евро и евроатлантической интеграции стает хуже… ну давайте найдем в себе эту смелость… , ну, давайте, пусть грантососы найдут в себе смелость и сами скажут это…

Как не послушаешь, нет денег на медицину, нет денег на дороги, нет денег на пенсии… на зарплаты.., на школы.., на садики… На протяжении уже 30 лет

после прихода демократии, десятки миллионов пенсионеров у нас в стране и в других постсоветских странах получают пенсию ниже прожиточного минимума… вы только вдумывайтесь в эти слова… Это на самом деле ужасно… это же преступление, ни-же про-жи-точ-но-го ми-ни-му-ма, это же антицивилизационно, антигуманно, в конце концов… это же просто убийство… узаконенное убийство… не как Гитлер, а по другому… ласково… по-демократически… От этого население массово вымирает … без всяких гулагов, расстрелов, нквдистских троек, и даже без демократических немецких газовых камер… Но никто не бьет тревогу, никто не говорит, что демократическая систем преступна … что так жить нельзя, что надо это все менять… что это намного хуже, чем было при Советском Союзе… И что? Выходит чиновник-демократ миллионер и говорит, «ну, вот денег нет…», мы, типа, выражаем озабоченность и потом едет на собственную шикарную виллу и вкусно там ест и хорошо живет … у него почему-то при этом деньги есть… наши деньги.. и все и больше ничего не происходит…, абсолютно ничего… и нет никаких надежд… на протяжении уже 30 лет. Они убивают наших родителей, детей, нас, а мы молчим… как безмолвные амебы… позор нам… позор… на века…

В комнате снова повисла тишина.

- Ну, что ж, если у вас нет больше ко мне никаких вопросов, разрешите мне с вами расстаться, - устало сказал Василий Васильевич и нажал кнопку. Где-то прозвенело.

- Тоня, - крикнул Василий Васильевич, - давай ужинать.

Четверо молча проследовали по кабинету, некоторых немного пошатывало, они прошли через приемную, переднюю и смачно и громко закрыли за собой входную дверь. Им нечего было сказать, в то время как им сказали правду.

- Он же мог их так и убить, они же пришли не подготовленными, - подумал пес, - вот какая сила у слова умного человека.

3.

На тарелках лежала домашняя буженина, щедрыми кусками развалилась домашняя колбаса. В специальной небольшой тарелочке - жирная селедка с огромными кусками нарезанной икры, морепродукты также были представлены тонкими дольками красной рыбы. Между тарелками стояли три небольших грациозных графина, которые дополнялись несколькими простыми стаканами и рюмками. Содержимое графинов было разноцветным, и как можно было понять, в одном была налита водка, в другом красное вино, а в третьем белое вино. Дополняла крепкие напитки еще бутылка водки с красивой этикеткой на квадратных боках. Все это располагалось на небольшом столике из мореного дуба, который стоял возле ладного, высокого буфета сделанного из красного дерева и украшенного сверху вензелями.

Посередине комнаты важно и уверено доминировал большой стол, накрытый белоснежной скатертью, края которой по углам свисали почти до

самого пола. На столе, кроме большого количества еды, стояли два прибора, две бутылки, лежали салфетки.

Тоня внесла большое блюдо от которого подымался вверх густой пар с запахом мяса и пряностей. Рот пса мгновенно до краев наполнился слюной.

- Матерь Божья, это блюдо, наверное, прислали из рая в виде аванса простым смертным, других объяснений быть не может, - подумал пес и начал показательно махать хвостом с силой винтов взлетающего вертолета.

- Быстрее, быстрее, давай сюда, – нетерпеливо командовал Василий Васильевич, ерзая на стуле и взмахивая зажатыми в руках вилкой и ножом.

Ужин начался ровно и спокойно. Профессор был умиротворен и торжественен.

- Доктор Бирменталь, прошу вас, не налегайте на салат. И если хотите послушаться доброго совета: налейте не французский коньяк, а обыкновенной нашей водки.

Тяпнутый - он был уже без халата, а одетый в красивый черный костюм на мгновенье остановился, улыбнулся и налил себе беленькой.

- Что новая линия, Василия Васильевич? - спросил он.

- Не дай бог, дорогой, - отозвался хозяин, - то ж спирт, разбавленный водой.

- Не скажите, Василий Васильевич, сейчас все очень хвалят новые марки водки, говорят, что все делается по самым современным технологиям.

- Спирт разбавленный водой. Какой интерес пить разбавленный спирт? Мы что в окопе на войне сидим? Дарья Филипповна сама отлично делает водку. А также, Бог их знает, чего они туда плеснули. Вот вы можете сказать, что частник туда может плеснуть для увеличения своей прибыли? Что ему придет в голову?

- Все, что угодно, - уверенно молвил тяпнутый, делая удивленное лицо.

- Вот и я так думаю, - добавил Василий Васильевич и быстрым резким движением выпив содержимое рюмки.

- Нет, нет, доктор Бирменталь, прошу вас, а сейчас мгновенно эту штучку, и если вы скажете, что это... Я ваш кровный враг на всю жизнь. "Из ливерпульской гавани...".

С этими словами он и сам взял в руку вилочку и подхватил с тарелки маленький кусочек что-то похожее на маленький многослойный бутербродик. Укушенный сделал как ему сказали. Глаза Василия Васильевича затуманились от удовольствия.

- Это неприемлемо? - жуя, спросил Василий Васильевич. Неприемлемо? Нет, ну, вы скажите, уважаемый доктор.

- Это неописуемо, - искренно ответил тяпнутый.

- То-то... Заметьте, Иван Исаакович, холодными закусками и суши закусывают только «новые русские». А хоть как-то себя уважающий человек всегда стремиться закусить горячими закусками, ну, конечно, если он не алкоголик и ему не все равно, - тут Василий Васильевич замолчал и нагнул голову, как бы прислушиваясь к тому, что он сам только что сказал.

- На лови, не зевай, - сказал профессор, выходя из задумчивости и кидая псу кусок.

- Вот, вы, Василий Васильевич, пса прикармливаете в столовой, а он потом здесь жить будет и выходить не захочет, - раздался голос Тони из коридора.

- Ну, что ж ничего, он бедолага изголодался, намучался, вон какой бок себе имеет от человеческой доброты.

Василий Васильевич на кончике вилки подал псу кусочек рыбы, после чего бросил вилку в полоскательницу.

От изобилия на столе поднимался сытный пар, пес сидел как гвоздями прибитый и смотрел на Василия Васильевича взглядом любящей матери.

Василий Васильевич в это время проповедовал с энергией голодного протестантского пастора:

- Еда, Иван Исаакович, штука удивительная. Есть нужно уметь, а представьте себе большинство людей вообще есть не умеет. Нужно не только знать что есть, но и когда, с кем и как. Тут Василий Васильевич в сакральном жесте поднял ложку и указал нею куда-то вверх.

- И что при этом говорить. Хотя, конечно, простому человеку этот вопрос не важен, у него на первом месте стоит вопрос где добыть эту еду, хоть какую-то.

- Да и вот еще. Если вы заботитесь о своем здоровье, мой добрый совет - не говорите за обедом о тарифах на коммунальные услуги, о демократии, выборах и о медицине. И не в коем случае, не читайте перед обедом демократические газеты.

- Василий Васильевич, так ведь других нет.

- Вот никаких и не читайте. Вы знаете, я провел 30 наблюдений. И что вы думаете? Пациенты, не читающие демократические газеты, чувствовали себя намного лучше остальных. Те же, которых я специально заставлял их читать, - теряли в весе, и в конце концов обращались к психиатру.

- Гм..., как же это можно объяснить, - с интересом отозвался тяпнутый, постепенно розовея от супа и вина, и размякая от тепла и спокойствия обстановки.

- Очень просто, уважаемый доктор, - сказал Василий Васильевич и начал загибать пальцы на руке.

- Ведь в этих газетах пишут про что? Про убийства, изнасилования, преступления, организованную преступность, про нечестно нажитые миллиарды, невероятные трагические случаи со взрослыми и детьми, про подорожание продуктов, кризисы, проблемы, смену правительств, безработицу, коррупцию в высших эшелонах власти, подтасовки на выборах, огромные пенсии и зарплаты депутатов, просьбы о помощи больных детей, которые фактически обречены... Да и еще черт знает что.

Человек живет в среде тотального страха и неуверенности в завтрашнем дне, на самом деле это элементарное запугивание, он боится на молекулярном уровне, боится, что завтра все это может произойти и с ним, и самое главное, что он понимает, что это реально может произойти с ним после очередного подорожания или если он просто не выдержит бешеной конкуренции с такими же как он, заболеет, потеряет работу или еще что-то. Это его угнетает и держит в узде.

Не надо гулагов и КГБ, не надо тотальной системы контроля поведения человека. Человек сам себя контролирует с помощью своего страха. Страх - это самый страшный и действенный инструмент демократии по контролю и направлению поведения общества, народа, человека.

И вот еще что, человек видит несоответствие между демократической теорией, обещаниями и демократической практикой, вот голова и не выдерживает.

Профессор перевел дух и посмотрел по сторонам, позвонил, и как волшебница в дверях появилась Тоня. Псу вручили кусок свежего розового мяса, а перед этим ему достался еще отличный кусок курятины. Съев все это, пес вдруг потерял всякий интерес к происходящему, ему хотелось спать, еда уже ему казалась не такой важной. «Странное чувство, - думал он, опуская веки, - это со мной впервые, раньше я за собой такого не замечал, с этим, наверное, надо бороться. А курить после обеда - это глупость».

Столовая наполнилась умиротворением, дымом и непрерывно льющейся речью профессора. Пес дремал, уложив голову на передние лапы.

- «Боржоми» - отличная вода, - сквозь сон слышал пес, - но кто ее сегодня может себе позволить купить?

Вдруг, глухой, смягченный потолками, коврами и стенами гул вперемежку с голосами донесся откуда-то сверху и сбоку.

Василий Васильевич позвонил и пришла Тоня.

- Антонина, что это такое значит, что там происходит?

- Опять фуршет сделали после конференции, Василий Васильевич, - ответила Тоня.

- Опять! - горестно воскликнул Василий Васильевич и драматично запрокинул голову, - ну, все пошло-поехало, пропал ведомственный дом. Придется уезжать, но куда?

- Переживает, Василий Васильевич, - заметила, улыбаясь, Тоня и унесла гору тарелок.

- Да ведь как не переживать! - возопил Василий Васильевич. Ведь это какой дом был - вы поймите! Тут жили заслуженные люди: писатели, композиторы, ученые - цвет нации, люди которые сделали для своей страны много, очень много. А сейчас сюда вселились эти, дармоеды, грантососы, которые только пресмыкаются и выпрашивают подачки от Запада и от власти, подпевая им для того чтобы обеспечить себе приличное существование.

- Может вы преувеличиваете, Василий Васильевич? - возразил красавец тяпнутый.

- Уважаемый доктор, вы же меня знаете? Я - человек фактов, человек наблюдений и сравнений. Я - враг необоснованных гипотез, теорий, концепций и систем. Это очень хорошо известно везде, где меня знают. Если я что-нибудь говорю, значит, в основе лежит некий факт, из которого я делаю вывод. И вот вам факт: у нас в доме никогда на общих входных дверях не было ни замка, ни консьержки, лестничные площадки были чистыми.

- Это интересно...

- Та, что двери, это не архиважно, - подумал пес, - но личность он явно состоявшаяся.

- С 1969 года я живу в этом доме. И вот, в течение этого времени до января 1992 года не было ни одного случая - подчеркиваю красным карандашом, ни од-но-го случая, чтобы я видел в нашем подъезде бомжа. Я не видел их вообще никогда до тех пор, да их просто не существовало. А потом они начали спать прямо на лестничной площадке возле дверей квартиры академика Левочкина Давида Семеновича.

- А как академик Штерн Михаил Рудольфович, Царство ему Небесное, познакомился с министром внутренних дел нашей страны? Просто на его лестничной площадке стали постоянно собираться и колоться наркоманы.

И что? Не помогло. Поэтому пришлось ставить железные двери и нанимать консьержку. Раньше консьержки не было и все было спокойно, а сейчас без нее нельзя: бомжи, наркоманы и продавцы всякой ерунды просто замучают. Сейчас нельзя по-другому, а демократы еще и охрану поставят внизу, вот посмотрите.

- А почему заварили все приемники мусоропроводов в доме? Они видите ли заботятся о нас, что нам воняет, вы представляете, демократические чиновники заботятся о нас, смешно... мне смешно... , как будто они заботятся не о своих олигархах и своих интересах, а о нас..

Почему мой почтовый ящик каждый день доверху забивается бесплатными газетами с рекламой проституток под видом гувернанток? Что власть этого не знает? Знает. Почему стены домов расписаны рекламой и адресами где можно купить наркотики..? Что власть этого не видит? Видит. Это такое улучшение после тоталитаризма..?

Почему надо ставить железные двери в подъезде и выставлять у них охрану, чтобы никто в подъезде не мочился, не спал, не крал, не шлялся, не убивал, не торговал, не проповедовал и не кололся наркотиками? Почему раньше при тоталитаризме этого не было, а при любимой демократии есть? Ну почему? Я снова спрашиваю…

А вы заметили, уважаемый, Иван Исаакович, что именно после прихода демократии к власти, все начали в квартирах массово ставить железные двери? И это неспроста, это проявления страха людей, нестабильности и безответственности власти. А если еще вспомнить про разные видеосистемы наблюдения, сигнализации и другое, становится ясно, что каждый заботится о себе сам и не надеется на государство, и что в общем ситуация в стране радикально ухудшилась.

Разве где-нибудь у Локка, Спенсера, Дюркгейма или Поппера сказано, что 2-й подъезд ведомственного дома на Печерске следует закрыть на кодовый замок и приставить консьержку, чтобы подъезд не разворовали? А ведь мы вынуждены, чтобы защитить самих себя. И это в центре страны, в столице...

- Не верится, не может быть… ведь это плюс, если заварить мусоропроводы… меньше будет инфекций, Василий Васильевич,.. - заикнулся было тяпнутый.

- Ничего подобного! Убирать надо, дезинфицировать…, а у демократии денег нет на это… да и еще они хотят чтобы свободные деньги оставались, чтобы воровать можно было … вот для того чтобы съекономить на дезинфекции, сократить количество обслуживающих дом дворников, которые выносят мусор, расходы при строительстве домов… вот потому демократы-

чиновники и придумали эту заботу о людях, типа воняет, типа тараканы… обман все это… Мусоропроводы - это благо цивилизации, одинокий пенсионер, в тепле вынесет мусор или ему надо одеваться и выходить на улицу… а если он вообще ели ходит… или просить кого-то, есть разница…, то-то… - возмущенно ответил Василий Васильевич и налил себе рюмку коньяка. - Гм... Я не люблю пить коньяк после ужина, он развращает и ...

- Ничего подобного! Спрашивается, кому это выгодно? Мне? Не может быть. Композитору Янтону Феликсу Михайловичу? (Василий Васильевич ткнул пальцем в потолок). Смешно даже подумать. Народному писателю и драматургу Опанасенку Василию Мироновичу? (Василий Васильевич указал вбок). Никогда не поверю! Это выгодно демократу и управляющей компании, почему до демократии эти мусоропроводы никому не мешали, а сейчас понадобились?

Почему горячая вода (профессор начал багроветь), которая, дай Бог памяти, отключалась при Союзе один раз в году для профилактики, в теперешнее, демократическое время отсутствует месяцами? И это в столице европейского демократического государства! Что есть вопиющим фактом, который доказывает несостоятельность демократии в обеспечении основных потребностей населения основными благами цивилизации. Вдумайтесь, и они еще строят социальное и правовое государство!!!

Людям приходится самим ставить бойлеры, чтобы решить свои проблемы… потому что видите ли для демократии горячая вода - это дорого и не выгодно … для Советского Союза не было дорого, а для демократии дорого… и зачем мне тогда такая власть, если я сам решаю свои проблемы…?

Горячей воды нет, проституция процветает, безработица тоже цветет, медицина платная, жилье платное, наркомания галопирует, в стране десятки тысяч бездомных людей и они потом прикидываются дураками и удивляются, а почему при демократии население сокращается? – профессор уже начинал выходить из себя.

Демократы для экономии закрывают, больницы, школы, санэпидемстанции, тубдиспансеры и детские дома и при этом говорят, что они заботятся о нас лучше чем партноменклатура? Это наглая ложь и обман и ведь главное, никто не сопротивляется, никто не даст им в наглую морду рабочим кулаком, вот так и живем…

Доктор Бирменталь, статистика - ужасная вещь. Вы же читали мою последнюю работу, тогда вы меня понимаете, про что я говорю. Но демократы ее не напечатали, не подошла она им, не формат, говорят..., зачем им тоталитарная цензура, если есть просто такое явление как «неформат».

Жадность, жадность частника во всем виновата, вот в чем дело… частная собственность виновата… будь она неладна… Почему при Союзе при оплате коммунальных услуг я платил только два платежа, за коммунальные услуги и за свет… и все… И цены были низкие и неизменны десятилетиями… Сейчас же демократы вместе с частниками придумали, такое… я теперь должен платить целых четырнадцать позиций…

- Не может быть.

- Ну, как же…, уважаемый доктор, давайте посчитаем. За коммунальные услуги, управление домом, свет, за электросети, за газ, за транспортировку газа, за отопление, абонплату за отопление, за горячую воду, за трубы горячей воды, за холодную воду, за трубы холодной воды, за канализацию, за вывоз мусора и за вывоз негабаритного мусора, уборку чердака и лестничных клеток и т.д.... всего четырнадцать… как я и говорил… И теперь они по очереди понемногу будут их повышать, это же какая красота… и при этом населению они дальше будут промывать мозги и говорить о том какой Союз был тоталитарным… безчеловечным.., а вот они защищают права человека… это же как приятно…

- Реформы, - Василий Васильевич.

- Нет, ерунда, – четко и властно сказал Василий Васильевич, - нет. Вы первый, уважаемый Иван Исаакович, не повторяйте этого. Это - обман, мираж, фикция, - Василий Васильевич поднял указательный палец вверх и с серьезным видом помахал им.

- Что такое эти ваши реформы? Старуха с клюкой? Ведьма, которая перекрыла горячую воду? Реформы не могут продолжаться десятилетиями, тогда они превращаются в обман. Их вовсе и не существует на самом деле. На самом деле, это постоянное сокращение расходов и перекладывание ответственности за все на самого человека, нормальное состояние демократии. Только народ этого не понимает, и постепенно вымирает в ожидании окончания реформ и прихода полной демократии, и вымирает именно от этой самой демократии и вообще от непонимания всей этой ситуации.

Если власть не делает свою работу, а вместо этого, посылает меня к общественным организациям чтобы мы вместе с ними боролись с этой самой властью и заставили эту власть и чиновников работать, и тоже самое предлагается делать и Тоне, и Дарье Филипповне, то в стране начнется разруха и реформы …

Почему чиновника-коммуниста не надо было тыкать носом… сделай это, сделай это.., не воруй…, не воруй, а это не делай, он выполнял свою работу и все было хорошо: цены на коммунальные услуги стабильными, горячая вода в кранах была, мусор убирали.. А почему чиновников-демократов надо постоянно контролировать…, он отбивается…, саботирует.., всегда должен кто-то найтись, кто будет его заставлять работать, чтобы он не воровал… иначе воровство и безответственность будет просто процветать… Что же это за система такая придурковатая и дебильная…?

Следовательно, разруха не в плохом народе, а в вороватой демократии … народ не может быть плохим, ведь он источник власти, можно только плохо им управлять…

И что вы подразумеваете под этим словом? - весь в ярости спросил Василий Васильевич у часов, висящих на стене рядом с буфетом, и сам же ответил.

Это вот что: если я, вместо того, чтобы оперировать каждый вечер, начну у себя в квартире проводить конференции и фуршеты - у меня настанут реформы. Если я буду проводить нескончаемые заседания, встречи, советоваться с народом, проводить консультации, плебисциты, референдумы, исследовать общественное мнение, проводить социологические опросы, создавать разные

рабочие комиссии и группы, тем более делая все это за деньги других государств, то тогда у меня в квартире точно начнутся реформы.

Как коррумпированная власть может сама себя реформировать? Ну как? Он ворует, признает это и сам против себя будет выступать и позволять общественным организация или кому-либо другому запретить ему воровать? Это же бред и обман. Как коррупционер может победить самого себя? Как вообще такие заявления можно серьезно воспринимать? Это означает, что народ держат за идиотов... при этом народ обвиняют, что он выбирает не правильных людей … Кого ж не выберешь все хотят и будут воровать… это системой так предусмотрено и разрешено и у нас и на Западе…, везде где есть демократия и частная собственность, а соответственно и сращение власти с капиталом, что и обусловливает это воровство…

Как можно что-то строить, если все тянут в разные стороны и делают это для того, чтобы иметь возможность воровать при неразберихе и делают все это специально? Если я не буду думать своей головой, что мне делать, а буду слушать своих демократических соседей, как это делают наши демократы и буду воровать, то у меня в доме начнутся реформы и разруха.

Мы выбираем депутатов и власть, они говорят, что знают что делать, но как только их выберут, они бегут на Запад, чтобы им сказали что делать или начинают советоваться с общественными организациями и народом и подают это как огромное достижение демократии. Это же обман. Зачем тогда ходить на выборы, вы же говорили что знаете как?

Следовательно, вся разруха из-за мнимых реформ и наших ложных представлений о демократии. Значит, когда эти демократы кричат «давай реформы» - я смеюсь.

Лицо Василия Васильевича перекосило так, что тяпнутый открыл рот и начал заползать на спинку кресла.

Клянусь вам, мне смешно и обидно! Я не верю, что коррупционеры-демократы хотят себя реформировать и меньше воровать. Не верю. Не верю и точка. Вы верите в это? Я нет. И поэтому это означает, что народ должен лупить их лопатой по затылку, чтобы выбить всю эту дурь у них из головы! Именно народ. Так как сами они никогда не захотят поменять что-то, ведь это им невыгодно, лично им невыгодно что-то менять. Им выгодно во время реформ и не только во время реформ, красть и обманывать. Красть и обманывать.

И вот когда народ выбьет из них все эти галлюцинации и обман, и изменит систему на другую, только сам изменит, а не под их руководством, - разруха исчезнет сама собой. Зачем нам такая система, где один жирует, а миллионы нищенствуют…? Это что такая эффективная и правильная система?

Зачем мне такая система, если я все должен делать сам…? Медицину оплатить - сам, жилье купить - сам, работу найти или организовать дело - сам, образование оплатить – сам, тогда зачем мне это демократическое государство если я все сам? Ну, зачем?

Двум богам служить нельзя! Невозможно в одно и тоже время владеть заводами, корпорациями, жировать за счет простых людей, красть, обманывать и устраивать судьбы бездомных детей и улучшать жизнь населения! Это

невозможно. Это просто нереально, невозможно просто никогда и никак, одно полностью противоречит другому… но нас хотят убедить что это возможно, чтоб все оставалось как есть, чтоб они дальше воровали и жировали, а народ чтоб сдыхал и нищенствовал.

Если нами управляют миллионеры и миллиардеры, то откуда ж у них взялись эти деньги? От детей и других граждан, которые сейчас, правда, уже на кладбище лежат. Тот капиталист, про которого писал Маркс, только сегодня уже в шкуре демократа, гребет себе деньги с помощью выгодно для него организованной системы устройства общества, а простой народ вымирает.

- Гм... Василий Васильевич, а как же на Западе тогда... - начал было тяпнутый.

- И на Западе вымирает, - вскрикнул профессор, - только там население уже много лет пополняется за счет эмигрантов и их детей. Отнимите их численность от коренного населения западных стран и вы увидите ужасающую картину. А почему? Спросите их руководство, почему..?

- Так, это же природные процессы, так в газетах пишут... - попытался что-то вставить тяпнутый.

- В демократических, заметьте.., в демократических газетах так пишут, дорогой доктор, - закричал профессор, потрясая поднятым пальцем.

А что значит природные процессы, что в западных странах, впрочем как и у нас самих, были землетрясения, неурожаи, как в начале XX века, что высохли реки и озера, что в Европе была новая война и поэтому количество населения уменьшилось?! Доктор, это же обман! Рыночные социальные и экономические условия, которые сегодня и раньше существовали на Западе, а сегодня и у нас и есть причиной вымирания населения, а демократы все пытаются объяснить природными процессами. Это же ясно.

Если, например, молодая семья берет кредит в банке на 30 лет на покупку жилья, то естественно, что она боится заводить детей, ведь на них придется тратить уйму денег. И именно из-за таких причин, уважаемый доктор, на Западе и у нас население и уменьшается. А примите во внимание необходимость тратить деньги на образование, медицину, на роды, страхование, машину и т.д... А постоянное поднятие цен и у нас и у них? А если учесть, что человек каждую минуту боится потерять работу, то, как же он может решиться иметь детей, откуда же тогда дети возьмутся..?

- А почему в магазинах при демократии пропала молоко и сыр?

- Не может быть, было же как-будто…

- Нет, нету… молока и сыра нет… есть смесь молока и пальмового масла в разных вариациях и пропорциях… а молока нет… в Союзе было, а сейчас нет… Нет молока у демократии… хочешь пей с пальмовым маслом, такое есть, другого нет.. Не хочешь, вспомни, что ты свободен… можешь делать что хочешь, можешь пить, а можешь и не пить.. у тебя всегда есть возможность демократического выбора…

Почему раньше продавали в упаковке 1 литр молока, а сейчас вдруг продают в упаковке 870 грамм молока? По-моему, очевидно. Чтоб получить больше прибыль за счет населения с меньшими затратами… и все отлично… и нет нигде поблизости никаких общественных демократических организаций и

никто не говорит о нарушении прав человека… все просто прелестно, а главное, очень тихо…

Ну нет у демократии молока сколько надо, ну нет. Село в упадке. Тоталитарный Советский Союз не додумался, а частник и демократ додумались… «невидимая рука рынка» научила.. можно просто уменьшить количество молока в пачке и поднять цену и все …

Василий Васильевич явно чувствовал вдохновение и потому вещал с еще большим запалом. Хорошо поужинав, а также все еще пребывая под воздействием прихода Чвондера, он проповедовал как будто ему дали время на телевидении.

Его слова к сонному псу приходили издалека, постепенно, частями. Они путались с образами и личными проблемами пса. То енот-полоскун со своей подлой мордой вылизал как из норы, то хитрая, стриженая рожа повара в фирменном фартуке отеля «Хилтон» появлялась как в тумане, то лихой ус Василия Васильевича дергался в электрическом свете, а в собачьем желудке варился и кувыркался кусок мяса.

- Он бы в парламенте спикером был бы, однозначно. Деньги мог бы иметь огромные, стал бы миллионером за несколько месяцев, а к концу срока работы миллиардером. И смотрел бы потом с Багам как тут у нас дела без него развиваются в неправильном, в недемократическом направлении, - мутно и лениво крутилось у пса в голове, - первоклассный депутат. Впрочем, у него и так, по-видимому, деньги куры клевать не хотят.

- Инфляция! - кричал Василий Васильевич. – Инфляция – это же счастье какое для капиталиста, которое ему гарантирует рыночная экономика! Это же просто немотивированное, постоянное поднятие цен…, это же красота какая… кому-то, а не себе подымать цены…

- А как они приказали всем библиотекам от детских районных до центральных, сдать в макулатуру все книги про социализм и капитализм, написанные при Советском Союзе… Гитлер сжигал неугодные ему книги, за что его критиковали все и всегда, демократы учли этот фактор…, они это делают по-другому, они неугодные книги в приказном порядке сдают в макулатуру… Ленина, Плеханова, Троцкого, Сталина… советских писателей художественной литературы, идеи, которых они бояться, они сдают в макулатуру, они говорят, что они неактуальны, не пользуются спросом у читателя… Вы слышали, чтобы книги когда-то в библиотеках уничтожали из-за того что они неактуальны и не пользуются спросом у читателя? Если бы так делали наши предки, то мы бы никогда не узнали про идеи Аристотеля и Плутарха… Мы осуждаем варваров за уничтожение библиотек античности, а демократам можно… и эти люди еще строят «Дом на холме» и нас чему-то учат… Это же обман и страх.

- «Угу-гу-гу!» В голове у пса что-то тяжелое каталось туда-сюда...

- Социальные гарантии для каждого! Это и только это. И совершенно неважно - будут ли они демократическими или же с серпом и молотом. Заставить каждого человека умерить свои аппетиты, чтобы он не реализовывал их за счет другого. Вы говорите реформы. Я вам скажу, доктор, что ничто не изменится к лучшему в нашей стране и в других тоже, до тех пор, пока не

усмирят демократов! Лишь только они прекратят свои заседания, словоблудие, манипуляции, обещания и обман положение само собой изменится к лучшему. Если я сам не буду работать и Тоня тоже, а будет думать как за счет кредитов выправить ситуацию, то у меня будут реформы и разруха...

- Антидемократические, тоталитарные вещи вы говорите Василий Васильевич, - шутливо заметил тяпнутый, - не дай Бог вас кто-нибудь услышит...

- Ничего опасного, - с запалом возразил Василий Васильевич. - Никакого тоталитаризма. Демократия сама поощряет вольнодумие и плюрализм мнений, чтобы не было единства одной какой-то альтернативной по отношению к ней идеи в стране и вообще в мире. Миллион людей - миллион мнений, таким образом, это мешает объединению людей в одно осмысленное и организованное целое с единой целью для борьбы с той же демократией.

Кстати, вот еще это слово тоталитаризм, которое я совершенно не выношу. Абсолютно неизвестно - что под ним подразумевается? Черт его знает! Так я и говорю: никакого этого тоталитаризма в моих словах нет. В них здравый смысл и жизненная опытность. А тоталитаризм придумали демократы, чтобы задним числом осудить и отмежеваться от массовых убийств организованных их другом, известным демократом Гитлером. Столько сколько демократия убила людей больше никто не убивал, спросите об этом американских индейцев и негров, спросите об этом у бывших граждан СССР, которые на кладбище лежат, поэтому никакой тоталитаризм с этим сравниться не может.

- Дело в том, что нет альтернативы…, нет сегодня альтернативы капитализму… вот в чем дело…

- Так, а что же тогда делать, профессор…?

- Я думаю, надо ограничить верхний уровень богатства… для каждой семьи… На референдуме принять поправку в Конституцию, где будет сказано каким может быть размер богатства одной семьи, именно семьи, в минимальных зарплатах… например, 10000 минимальных зарплат… или 15000, пусть народ сделает выбор в бюллетене, все что больше, автоматически идет государству… Заводами, например, тогда будут владеть не один человек, а сто. Должности государственные может занимать только тот у кого богатство семьи не превышает, например, 5000 минимальных зарплат. Как стало больше, автоматически увольнять… просто автоматически…

Все очень просто, увеличивается минимальная зарплата в стране, автоматически значит и возможное богатство одной семьи стает больше. Не нравится? Не демократично? Ты хочешь владеть яхтами, подкупать депутатов, жировать в то время как рядом такой же человек проводит свою жизнь в нищете, мало тебе, жадность тебя одолевает? Пшел вон за границу. Вот и все. Там все что ты хочешь все можно.

Если народ на референдуме определит верхний уровень богатства, кто с ним поспорит…? Критика неуместна. И мнение меньшинства олигархов и частников не имеет значения перед мнением большинства. Они меньшинство. Это надо четко и ясно понимать и постоянно им на это указывать, чтоб они знали свое место и соотвественно относиться к их мнению, желаниям и просьбам. Надо чтобы, наконец, большинство решало все, а не богатое

меньшинство, которое находится при власти. Капитализм попробовали уже, не нравится он нам, пора его уже менять. Надо честно сказать, что демократия – это власть богатого меньшинства над нищим большинством. И это нормально, это нормально, я вас спрашиваю…?

И на всенародном референдуме, если надо, корректировать этот уровень богатства… Стимул для предпринимательства останется, кто захочет, тот будет заниматься, как и раньше бизнесом, но и власти той огромной, которая дает частная собственность… при огромных доходах, не будет. Не будет сращения с властью капитала в таких масштабах. Коррупция станет намного меньше…

Землей должны владеть только граждане нашей страны… не больше 10 гектар у одной семьи… так…, и только так… это даст возможность для получения самостоятельного дохода и пропитания большему количеству людей… Иначе одни будут с жиру беситься владея огромными массивами земли, а другие голодать… Зачем нам тогда такое государство…? Зачем нам такая система, как бы кто-то ее не оправдывал и не объяснял ее существование и правильность…? Надо совместить социализм и капитализм… Надо взять все лучшее от каждой из этих систем и совместить их… и таким образом получится новая альтернатива.. Это же ясно… это логично… так и будет… А иначе, нас ждут кризисы, голод, несправедливость, хаос и войны…

Тут Василий Васильевич устало вынул из-за воротника хвост блестящей изломанной салфетки и, скомкав, положил ее на стол. Укушенный тотчас поднялся и поблагодарил: «Спасибо».

- Минутку, доктор! - остановил его Василий Васильевич, вынимая из кармана брюк бумажник. Он прищурился, отсчитал зеленые бумажки и протянул их укушенному со словами:

- Сегодня вам, Иван Исаакович, 40 долларов положено. Прошу.

Укушенный поблагодарил и, краснея, засунул деньги в карман пиджака.

- Я сегодня вечером не нужен вам, Василий Васильевич? - спросил он.

- Нет, сегодня вы свободны. Ничего делать сегодня не будем. Во-первых, кролик сдох, а во-вторых, сегодня эстрада прошлых лет. А я давно не слышал. Люблю... Помните? «Косил Ясь конюшину, косил Ясь конюшину...»

- Как это вы успеваете, Василий Васильевич? - с уважением спросил врач.

- Успевает всюду тот, кто никуда не торопится, - назидательно дал справку профессор.

На стене заиграли часы.

- Начала девятого... Ко второй части успею... Я сторонник упорного труда. Артист пусть поет, а я буду оперировать. Вот и хорошо.

И никаких реформ не надо... Вот что, Иван Исаакович, вы все же следите внимательно: как только подходящая смерть, тотчас со стола - в питательную жидкость и ко мне!

- Не беспокойтесь, Василий Васильевич, - мой друг патологоанатом, мне обещал.

- Отлично, а мы пока за этим дитя улиц будем наблюдать. Пусть бок у него заживает.

- Как он обо мне заботится, - подумал пес, - очень, очень хороший человек. Я знаю кто он. Он - волшебник, маг и кудесник из собачьей сказки... Он -

собачий Бог. Ведь не может же быть, чтобы все это было сном. А вдруг - сон? (Пес во сне вздрогнул). Вот проснусь... И все, ничего нет. Ни лампы в шелку, ни тепла, ни сытости. Опять начнется подворотня, безумная стужа, оледеневший асфальт, голод, злые люди, бесконечные поиски еды... Боже, как тяжело мне снова будет!..

Но нет, ничего не произошло, ничего не изменилось. Только подворотня исчезла, растаяла, как ошибка мироздания, и больше не вернулась.

Большие гармоники под подоконником все наливались жаром и тепло волнами разбегалось по всей квартире.

Совершенно ясно: пес выиграл в какой-то крупной игре. И теперь его глаза не менее двух раз в день наливались благодарными слезами по адресу печерского мудреца. Душа его двигалась и вольно дышала, как крылья свободной птицы. Кроме того, все трюмо и зеркала в гостиной, в приемной между шкафами отражали удачливого пса–красавца.

- Я - красавец, я - умница. Быть может, неизвестный и таинственный собачий принц-инкогнито, размышлял пес, глядя на лохматого кофейного пса с довольной и хитрой мордой, разгуливающего в зеркальных далях. Очень возможно, что бабушка моя имела непростую репутацию. То-то я смотрю - у меня на морде - белое пятно.

Откуда оно, спрашивается? Василий Васильевич - человек с большим вкусом – не возьмет он первого попавшегося пса-дворнягу. Это будет мешать и противоречить его натуре.

За неделю пес сожрал столько же, сколько в полтора последних голодных месяца на улице. Ну, конечно, только по весу. О качестве еды и ассортименте у Василия Васильевича и говорить не приходилось. Если даже не принимать во внимание того, что ежедневно Дарьей Филипповной закупалась груда обрезков на Бессарабском рынке, необходимо еще упомянуть ужины в 7 часов вечера в столовой, на которых пес присутствовал также регулярно как дирижер на своих концертах, и это несмотря на протесты изящной Тони. Во время этих обедов Василий Васильевич окончательно получил звание Божества и Бога всех религий.

Пес становился на задние лапы и жевал пиджак, засовывал нос в карман пиджака и смотрел оттуда глазами невинной девушки, он изучил звонок Василия Васильевича - два длинных и протяжных звонка, и вылетал с армагедонским лаем встречать его в передней. Хозяин вваливался, сверкая миллионом снежных блесток, пахнущий мандаринами, сигаретами, лимонами, бензином, одеколоном, сукном, и голос его, как иерихонская труба, разносился по всему жилищу.

- Зачем ты, свинья, енота-полоскуна разорвал? Он тебе мешал? Мешал, я тебя спрашиваю? Он даже не шевелился. Зачем ты профессора Мечникова разбил, он разве это заслужил?

- Его, Василий Васильевич, нужно ремнем отодрать хоть один раз, возмущенно говорила Тоня, - а то он совершенно обнаглеет. Вы поглядите, что он с вашими ботинками сделал.

- Никого драть нельзя, - взволновано доказывал Василий Васильевич, - запомни это раз и навсегда. На человека и на животное можно воздействовать только внушением и справедливым, добрым отношением.

- Мясо ему давали сегодня?

- Господи, он весь дом обожрал. Что вы спрашиваете, Василий Васильевич. Я удивляюсь - как он не лопнет.

- Ну и пусть ест на здоровье... Чем тебе помешал енот-полоскун, бандит?

- У-у! - скулил пес-подлиза и полз на брюхе, заглядывая в глаза хозяина. Затем его с гвалтом, воплями и нарицаниями, волокли за шиворот через прихожую в кабинет. Пес подвывал, скулил, цеплялся за ковер, ехал на заду, как в цирке. Посредине кабинета на ковре лежал енот-полоскун с распоротым животом и снизу одним глазом смотрел на Шарика, из енота торчали какие-то красные тряпки, пахнущие нафталином. На столе валялся вдребезги разбитый портрет.

- Я нарочно не убрала, чтобы вы полюбовались, - расстроено докладывала Тоня, - ведь на стол вскочил, подлец! И за хвост его - цап! Я опомниться не успела, как он его всего растерзал. Мордой его потычьте в енота, Василий Васильевич, чтобы он знал, как вещи портить.

И начинался вселенский плач. Пса, зад которого просто прилипал к полу, тащили тыкать в енота, причем пес заливался горькими слезами и думал - "бейте, только из рая не выгоняйте". Заканчивалось все это подведением итогов и соответствующими выводами.

- Енота чучельнику отправить сегодня же. Кроме того, вот тебе еще денег, купи ему хороший ошейник с цепью.

На следующий день на пса надели широкий блестящий как самовар ошейник.

В первый момент, поглядевшись в зеркало, он очень расстроился, поджал хвост и ушел в ванную комнату, размышляя - как бы ободрать его о сундук или ящик.

Тоня повела его гулять на цепи по Прорезной. Пес шел, как арестант, сгорая от стыда, но, пройдя еще немного, сообразил, что значит в жизни ошейник. Пес понял, что он - просто дурак.

Социальная завист читалась в глазах у всех встречных псов, а какой-то долговязый с обрубленным хвостом дворняга облаял его "депутатским прихвостнем» и "шестеркой".

Когда вышли на Крещатик, полицейский посмотрел на ошейник с удовольствием и уважением, и даже как показалось псу с завистью, а когда вернулись, произошло самое невиданное в жизни: Семен, бывший подполковник Советской армии, ныне подрабатывающий консьержем, собственноручно открыл парадную дверь и впустил Шарика, Тоне он при этом заметил: очень, очень приличный пес, Василий Васильевич обзавелся замечательным псом. Удивительно упитанный.

- Еще бы, - ест как депутат, - пояснила румяная и красивая от мороза Тоня.

Ошейник - все равно, что портфель для министра, как мандат доверия для демократа - сострил мысленно пес, и, подкидывая зад, последовал в парадное.

Имея такую отличительную черту как ошейник и используя его фактически как пропуск, пес сделал первый визит в то главное отделение рая, где находился его завхоз и куда до сих пор он доступа не имел, а именно, в царство поварихи Дарьи Филипповны. Вся квартира не стоила и двух долларов по сравнению с Дарьиным царством. Каждый день, даже в праздники, на очень импортной плите, стреляло и булькало. Духовка работала как мартен. У мартена в багровых столбах горело вечной огненной мукой и неутоленной страстью лицо Дарьи Филипповны. Оно потело и блестело, но выражало старание и усердие. Она была уже не молода, но высокая, крепко сложенная и очень трудолюбивая. Светлые волосы были уложены в пучок на макушке, в ушах были простые маленькие золотые сережки. Недалеко от уголка рта была маленькая и симпатичная бородавка.

По стенам на крюках висели золотые кастрюли, вся кухня громыхала запахами, клокотала и шипела в закрытых сосудах... Кухня работала как оборонный завод в лучшие свои временна: четко и слажено.

- Вон! – закричала Дарья Филипповна, - вон, барбос! Тебя тут не хватало!..

- Чего ты? Ну, чего ты кричишь как на параде? - Умильно щурил глаза пес. - Какой же я барбос? Ошейник вы разве не замечаете? Выдан по распоряжению самого Василия Васильевича...

И он боком лез в дверь, просовывая в нее сначала морду, плечи и все остальное, косясь на Дарью, он продолжал медленно-медленно просачиваться на кухню.

Шарик обладал каким-то секретом покорять сердца людей и особенно женщин. Через два дня он уже лежал недалеко от холодильника и смотрел, как работает Дарья Филипповна. Острым тесаком она отрубала беззащитным рябчикам головы и лапки, затем с костей сдирала мякоть, из кур вырывала внутренности, что-то вертела в мясорубке. Шарик в это время разбирался с рябчиковой головой. На плите гудел чайник, а на сковородке ворчало, пузырилось и прыгало. Бытовая кухонная техника надрывалась, работая как на государственных испытаниях.

Вечером ритм затихал и постепенно умирал совсем, в окне кухни над белой занавесочкой стояла густая, спокойная и важная печерская ночь с одинокой звездой где-то над Татаркой. Кастрюли сияли таинственно и тускло.

Если не было эстрады прошлых лет и не было заседания хирургического общества, божество помещалось в кабинете в глубоком кресле. Шарик же лежал на полу в кабинете. Огней под потолком не было. Горела только одна зеленая лампа на столе. Шарик лежал на ковре в тени и, не отрываясь, глядел на ужасные дела. В отвратительной едкой и мутной жиже в стеклянных сосудах лежали человеческие мозги. Руки божества, обнаженные по локоть, были в рыжих резиновых перчатках, и скользкие тупые пальцы копошились в извилинах.

Временами божество вооружалось маленьким сверкающим ножиком и тихонько резало желтые упругие мозги.

- «Из ливерпульской гавани всегда по четвергам суда уходят в плаванье к далеким берегам», - тихонько напевал профессор, жуя губы и вспоминая былые дни.

Батареи в этот час нагревались до предельных рассчитанных для них величин. Тепло от них весело поднималось к потолку и оттуда расходилось по всей комнате, в песьей шкуре начинала бегать последняя, еще не вычесанная самим Василием Васильевичем, но уже обреченная блоха. Ковры глушили звуки в квартире. И только далеко звенела беспокойная входная дверь.

Тоня в кино пошла, - думал пес, - а как придет, ужинать будем. Сегодня, если, я что-то в этом понимаю, - телячьи отбивные!

******

В тот ужасный день еще утром Шарика кольнуло предчувствие. Вследствие этого он вдруг заскулил и утренний завтрак, полчашки овсянки и вчерашняя курячья косточка, показались ему если и амброзией, то амброзией второго сорта.

Он скучно прошелся в приемную и легонько подвыл там на собственное отражение. Что показалось ему извращением. Приема сегодня не было, потому, что, как известно, по вторникам приема не бывает, и божество сидело в кабинете, развернув на столе какие-то тяжелые книги с пестрыми картинками пристойного содержания.

Как показалось псу, все ждали обеда. Пса умиляло и одновременно радовало то, что сегодня на второе блюдо, как ему стало известно из достоверных источников, будет индейка.

Проходя по коридору, пес услышал, как в кабинете Василия Васильевича неожиданно и неприятно прозвенел телефон. Василий Васильевич взял трубку, прислушался и вдруг разволновался.

- Отлично, очень хорошо, это просто прелестно, - послышался его голос, - сейчас же везите, сейчас же!

Он засуетился и прокричал вошедшей Тоне срочно давать обед.

- Обед! Обед! Обед!, - кричал он, что со стороны было похоже на крики утопающего: Помогите! Помогите! Помогите!

В столовой тотчас началось движение, Тоня забегала, из кухни воркованье Дарьи Филипповны сообщило, что индейка еще не готова. Пес опять почувствовал волнение. Любое нарушение распорядка могло повлиять на кормежку и это надо было учитывать. И еще:

- Не люблю кутерьмы в квартире, - раздумывал он... И только он это подумал, как кутерьма приняла еще более неприятный характер и превратилась в гонки. И прежде всего благодаря появлению некогда тяпнутого доктора Бирменталя, который привез с собой дурно пахнущий чемодан. Он даже не раздеваясь, устремился с ним через коридор в смотровую. Василий Васильевич бросил недопитую чашку кофе, чего с ним не происходило со времен развала СССР, когда он узнал, что все его сбережения демократия превратила в шелуху, и выбежал навстречу Бирменталю, чего с ним вообще еще никогда не бывало.

- Когда умер? - закричал он, дергая руками и подпрыгивая на месте.

- Три часа назад, - ответил Бирменталь, не снимая заснеженной шапки и расстегивая чемодан.

- Кто такой умер? Я его знаю? – хмуро и недовольно подумал пес и сунулся под ноги.

- Уйди из-под ног! Скорей, скорей, скорей! - Закричал Василий Васильевич на все стороны и как показалось псу завыла пожарная сирена. Прибежала Тоня.

- Тоня! К телефону Дарью Филипповну записывать, никого не принимать! Ты нужна. Доктор Бирменталь, умоляю вас - скорей, скорей, скорей и еще раз скорее!

- Не нравится мне, ой не нравится мне, - пес обиженно нахмурился и стал шляться по квартире, а вся суета сосредоточилась в смотровой. Тоня оказалась неожиданно в халате похожем на новый саван, и начала бегать из смотровой в кухню и обратно.

- Пойти, что ли, пожрать? Ну их в болото, - решил пес и вдруг получил сюрприз.

- Шарику ничего не давать, - загремела команда из смотровой.

- Усмотришь за ним, как же.

- Запереть!

И Шарика заманили и заперли в ванной.

- Хамство и самодурство - подумал Шарик, сидя в полутемной ванной комнате, - просто глупо, в конце концов, за что...

Около четверти часа он пробыл в ванной в странном настроении духа, то в злобе, то в каком-то тяжелом упадке. Все было скучно, неясно, тесно и неопределенно...

- Ладно, будете вы иметь тапочки завтра, многоуважаемый профессор Василий Васильевич, - думал он, - две пары уже пришлось купить и еще одну купите. Что б вы нас, псов, не запирали. На хамство мы ответим в лучших традициях красного террора...

Но тут вдруг у него появился другой образ. Внезапно и ясно почему-то вспомнился кусок самой ранней юности - необъятный солнечный двор, осколки солнца в бутылках, битый кирпич, вольные псы-бродяги.

- Нет, куда уж, ни на какую волю отсюда не уйдешь, зачем лгать, тосковал пес, сопя носом, - привык. Я барский пес, интеллигентное существо, гуманист, передвижник и еще кто-то, уже отведал лучшей жизни. Да и что такое свобода? Так, дым, мираж, фикция... Как говорит профессор, направленный бред этих злосчастных демократов... Свобода нужна извращенцам, а простым псам и простым людям нужна сытая стабильность и уверенность в завтрашнем дне.

Потом полутьма в ванной стала невыносимой и страшной, он завыл, бросился на дверь, стал царапаться.

- У-гу-у! - как в бочку пролетело по квартире.

- Енота раздеру опять - бешено, злобно, но бессильно подумал пес.

И вот, в разгар муки дверь открылась. Пес вышел отряхнувшись, и угрюмо посмотрел вокруг. Собрался произвести осмотр кухни, но Тоня за ошейник настойчиво повлекла его в смотровую.

Холодок прошел у пса под сердцем.

- Зачем же я понадобился? - подумал он подозрительно, - бок зажил. Ничего не понимаю. Я ж им ничего не должен, все было на добровольной основе с уважением прав обеих сторон, с обоюдным консенсусом.

И он поехал лапами по скользкому паркету, так и был привезен в смотровую. В ней его сразу поразило невиданное освещение. Белый шар под потолком сиял до того, что резало глаза, казалось что от его света нельзя нигде спрятаться. В белом сиянии стоял ОН. Только по смутному запаху можно было узнать, что это Василий Васильевич. На голове его была белая шапочка, Божество было все в белом. Руки - в белых прозрачных перчатках.

Весь в белом был и тяпнутый. Длинный стол был раскинут, а сбоку добавлено еще несколько небольших столиков накрытых небольшими белыми накидками.

Псу больше всего не понравился тяпнутый и в первую очередь за его глаза. Обычно смелые и прямые, ныне они бегали во все стороны от песьих глаз. Они были насторожены, фальшивы и в глубине их таилось нехорошее, пакостное дело, если не целое преступление. Пес тяжело и пасмурно ушел и сел в угол.

- Ошейник, Тоня, - негромко сказал Василий Васильевич, - только нежно, любя.

У Тони мгновенно глаза стали такими же лживыми и настороженными, как у тяпнутого. Она подошла к псу и явно фальшиво погладила его. Тот с тоской и презрением поглядел на нее. В его глазах читалась отстороненность.

- Что же... Вас трое людей на одного пса. Возьмете, если захотите. Только стыдно вам... Хоть бы я знал, что будете делать со мной...

Тоня отстегнула ошейник и отступила назад, пес помотал головой и посмотрел на профессора. Тяпнутый вырос перед ним и скверный, нехороший, мутнящий запах разлился от него.

Фу, гадость и нечистоты... Отчего мне так мутно и страшно... - подумал пес и попятился от тяпнутого.

- Скорее, доктор, - нетерпеливо сказал Василий Васильевич.

Резко и сладко пахнуло в воздухе. Тяпнутый, не сводя с пса настороженных дрянных глаз, высунул из-за спины правую руку и быстро ткнул псу в нос ком влажной ваты. Шарик оторопел, он этого не ожидал, в голове у него легонько закружилось, но он успел еще отпрянуть. Тяпнутый прыгнул за ним, и вдруг залепил всю морду ватой. Тотчас же заперло дыхание, но еще раз пес успел вырваться. «Злодей, бандит, рэкетир...» Мелькнуло в голове. «За что? Зачем же так?». Тут неожиданно посреди смотровой разлилось озеро, а на нем в лодках очень веселые загробные невиданные ранее розовые псы. Ноги лишились костей и согнулись. Голова провалилась вперед, нос, ткнулся в пол, передние лапы поехали по паркету.

- На стол! Да побыстрее! - веселым голосом упали на пол слова Василия Васильевича и расплылись в оранжевых струях. Ужас исчез и сменился радостью. Секунды две угасающий пес любил тяпнутого как собрата или соратника. Затем весь мир дернулся и перевернулся дном кверху и под живот его подхватила рука. Потом - ничего. Просто ничего.

4.

На узком операционном столе лежал, раскинувшись, как в пьяном угаре, пес Шарик и голова его беспомощно колотилась о белую клеенчатую подушку. Живот его был выстрижен и теперь доктор Бирменталь, тяжело дыша, а местами откровенно сопя и спеша, машинкой въедался в шерсть, стриг голову Шарика. Василий Васильевич у края стола, блестящими глазами наблюдал за этой процедурой и говорил взволнованно:

- Иван Исаакович, самый важный момент - когда я войду в турецкое седло. Мгновенно, умоляю и прошу вас, подайте отросток и тут же шить. Если там у меня начнет кровоточить, потеряем время и пса потеряем. Впрочем, для него и так никакого шанса нету, - он помолчал, прищуря глаз, заглянул в как бы насмешливо полуприкрытый глаз пса и добавил:

- А знаете, жалко его. Представьте, я привык к нему.

Руки в это время он вздымал, как будто благословлял на трудный подвиг злосчастного пса Шарика или отпевал наперед все его грехи.

Из-под выстриженной шерсти засверкала беловатая кожа собаки. Бирменталь отшвырнул машинку и вооружился бритвой «Жиллетт». Он намылил беспомощную голову и стал брить. Под лезвиями сильно хрустело, кое-где выступила кровь.

Обрив голову, тяпнутый мокрым комочком обтер ее, затем оголенный живот пса растянул и промолвил, отдуваясь: «готово».

Тоня открыла кран над раковиной и Бирменталь бросился мыть руки. Тоня из склянки полила их спиртом.

- Можно мне уйти, Василий Васильевич? - спросила она, боязливо косясь на бритую голову пса.

- Можешь.

Тоня исчезла. Бирменталь засуетился дальше. Легкими марлевыми салфеточками он обложил голову Шарика и тогда на подушке оказался никем ранее не виданный лысый песий череп и странная бородатая морда с торчащим вверх носом.

Тут настала очередь профессора. Он выпрямился, глянул на собачью голову, на нос и сказал:

- Ну, поехали. Скальпель.

Бирменталь из сверкающей груды на столике вынул маленький скальпель и подал его профессору. Затем он облекся в такие же перчатки как и у профессора.

- Спит? Ему хорошо? - спросил Василий Васильевич.

- Спит. Ему хорошо.

Зубы Василия Васильевича сжались, глазки приобрели хищное выражение, один глаз слегка прищурился, взмахнув ножичком, он метко, длинно, протяжно протянул по животу Шарика. Кожа тотчас разошлась волнами в разные стороны и из нее брызнула кровь.

Бирменталь одновременно по-звериному и профессионально набросился на рану, стал давить тампонами, затем маленькими, как бы сахарными щипчиками

зажал ее края и она высохла. На лбу у Борменталя каплями выступил пот. Василий Васильевич нагнулся, полоснул второй раз и они вдвоем начали разрывать тело Шарика крючьями, ножницами, какими-то скобами.

Выскочили и развернулись какие-то розовые и желтые, плачущие кровавой росой ткани. Василий Васильевич вертел ножом в теле Шарика, потом крикнул: "ножницы!".

Инструмент появился в руках у тяпнутого, как у фокусника. Василий Васильевич залез в глубину тела и в несколько поворотов вырвал из тела Шарика его семенные железы с какими-то обрывками. Бирменталь, совершенно мокрый от усердия и волнения, бросился к стеклянной банке и извлек из нее другие, мокрые, обвисшие семенные железы. В руках у профессора и ассистента запрыгали, завились короткие влажные струны. Дробно защелкали кривые иглы в зажимах, семенные железы вшили на место Шариковых. Профессор отвалился от раны, ткнул в нее комком марли и скомандовал:

- Шейте, доктор, кожу, - затем оглянулся на круглые белые стенные часы. Бирменталь минут в 5 зашил, сломав 3 иглы.

- 14 минут делали, - сквозь стиснутые зубы пропустил Бирменталь и кривой иголкой впился в дряблую кожу. Затем оба заволновались, как убийцы, которые спешат.

- Скальпель, - крикнул Василий Васильевич.

Скальпель вскочил ему в руки как бы сам собой, после чего лицо Василия Васильевича стало страшным. Он оскалил фарфоровые и золотые коронки и одним приемом навел на лбу Шарика красный венец. Кожу с бритыми волосами откинули как скальп. Обнажили костяной череп. Василий Васильевич крикнул:

- Трепан!

Бирменталь подал ему блестящий коловорот. Кусая губы, Василий Васильевич начал втыкать коловорот и высверливать в черепе Шарика маленькие дырочки в сантиметре расстояния одна от другой, так, что они шли кругом всего черепа.

На каждую он тратил не более пяти секунд. Потом пилой невиданного фасона, сунув ее хвост в первую дырочку, начал пилить, как выпиливают дети в школе первые свои подделки. Череп тихо визжал и трясся. Минуты через три крышку черепа с Шарика сняли.

Тогда обнажился купол Шарикового мозга - серый с синеватыми прожилками и красноватыми пятнами. Василий Васильевич въелся ножницами в оболочки и их вскрыл. Один раз ударил тонкий фонтан крови, чуть не попал в глаз профессору, и окропил его колпак. Бирменталь с торзионным пинцетом, как тигр, бросился зажимать и зажал. Пот с Бирменталя сползал волнами, лицо его стало мясистым и разноцветным. Глаза его метались от рук профессора к тарелке на инструментальном столе. Василий Васильевич стал страшен. Сипение вырывалось из его носа, зубы открылись до десен, иногда казалось, что он сейчас зарычит. Он ободрал оболочку с мозга и пошел куда-то вглубь, выдвигая из вскрытой чаши полушария мозга. В это время Бирменталь начал бледнеть, одной рукой охватил грудь Шарика и хрипловато сказал:

- Пульс резко падает...

Василий Васильевич зверски оглянулся на него, что-то промычал и врезался еще глубже. Борменталь с хрустом сломал стеклянную ампулку, насосал из нее в шприц и коварно кольнул Шарика где-то у сердца.

- Иду к турецкому седлу, - сообщил Василий Васильевич и окровавленными скользкими перчатками выдвинул серо-желтый мозг Шарика из головы. На мгновение он скосил глаза на морду Шарика, и Борменталь тотчас же сломал вторую ампулу с желтой жидкостью и вытянул ее в длинный шприц.

- В сердце? – робко и нерешительно спросил он.

- Что вы еще спрашиваете? - злобно взревел профессор, - все равно он уже 5 раз у вас умер. Колите! Разве мыслимо? - лицо у него при этом стало, как у вдохновенного разбойника.

Доктор с размаху легко всадил иглу в сердце пса.

- Живет, но еле-еле, - робко прошептал он.

- Некогда рассуждать тут – живет - не живет, - засипел Василий Васильевич, - я в седле. Все равно помрет... Ах, ты че... «Из ливерпульской гавани...». Придаток давайте.

Борменталь подал ему склянку, в которой болтался на нитке в жидкости белый комочек. Одной рукой – «Европа – отсталое село, где такое еще было видано ... Ей-Богу!», - смутно подумал Борменталь, - он выхватил болтающийся комочек, а другой, ножницами, выстриг такой же в глубине где-то между распяленными полушариями.

Шариков комочек он швырнул на тарелку, а новый заложил в мозг вместе с ниткой и своими короткими пальцами, ставшими точно чудом тонкими и гибкими, ухитрился янтарной нитью его там замотать. После этого он выбросил из головы какие-то распялки, пинцет, мозг упрятал назад в костяную чашу, откинулся и уже поспокойнее спросил:

- Умер, конечно?..

- Нитевидный пульс, - ответил Борменталь.

- Еще адреналину.

Профессор оболочками забросал мозг, отпиленную крышку приложил как по мерке, скальп надвинул и взревел:

- Шейте!

И вот на подушке появилась на окрашенном кровью фоне безжизненная потухшая морда Шарика с кольцевой раной на голове. Тут же Василий Васильевич отвалился окончательно, как сытый барин от стола, он сорвал одну перчатку, другую разорвал, швырнул на пол и позвонил, нажав кнопку в стене. Тоня появилась на пороге, отвернувшись, чтобы не видеть Шарика в крови. Профессор снял меловыми руками окровавленную шапочку и крикнул:

- Сигарету мне сейчас же. Свежее белье и ванну.

Он нагнулся к краю стола, двумя пальцами раздвинул правое веко пса, заглянул в явно умирающий глаз и молвил:

- Вот, черт возьми. Не издох. Ну, все равно издохнет. Эх, доктор Борменталь, жаль пса, ласковый был, хотя и хитрый - проныра.

5.

Из дневника доктора Борменталя.

Тонкая форматом тетрадь. Исписана почерком Борменталя. На первых двух страницах он аккуратен, убористый и четок, в дальнейшем размашист, взволнован.

22 декабря. Понедельник. История болезни.

Лабораторная собака приблизительно двух лет от роду. Самец. Порода - дворняжка. Кличка - Шарик. Шерсть жидкая, кустами, буроватая, с подпалинами. Хвост цвета топленого молока. На правом боку следы совершенно зажившего ожога. Питание до поступления к профессору плохое, после недельного пребывания - крайне упитанный. Вес 8 кг (знак восклицат.). Сердце, легкие, желудок, температура...

23 Декабря. В 8,30 часов вечера произведена первая в Европе операция по проф. Преображенскому: под наркозом удалены яичники Шарика и вместо них пересажены мужские яичники с придатками и семенными канатиками, взятыми от скончавшегося за 4 часа, 4 минуты до операции мужчины 28 лет и сохранявшимися в стерилизованной физиологической жидкости по проф. Преображенскому.

Непосредственно после этого удален после трепанации черепной крышки придаток мозга - гипофиз и заменен человеческим от вышеуказанного мужчины.

Введено 8 кубиков хлороформа, 1 шприц камфары, 2 шприца адреналина в сердце.

Показание к операции: постановка опыта Преображенского с комбинированной пересадкой гипофиза и яичек для выяснения вопроса о приживаемости гипофиза, а в дальнейшем и о его влиянии на омоложение организма у людей.

Оперировал проф. Ф. Ф. Преображенский.

Ассистировал д-р И. А. Борменталь.

В ночь после операции: грозные повторные падения пульса. Ожидание смертельного исхода. Громадные дозы камфары по Преображенскому.

24 декабря. Утром - улучшение. Дыхание учащено вдвое, температура 42. Камфара, кофеин под кожу.

25 Декабря. Вновь ухудшение. Пульс еле прощупывается, похолодание конечностей, зрачки не реагируют. Адреналин в сердце, камфара по Преображенскому, физиологический раствор в вену.

26 Декабря. Некоторое улучшение. Пульс 180, дыхание 92, температура 41. Камфара, питание клизмами.

27 Декабря. Пульс 152, дыхание 50, температура 39,8, зрачки реагируют. Камфара под кожу.

28 декабря. Значительное улучшение. В полдень внезапный проливной пот, температура 37,0. Операционные раны в прежнем состоянии. Перевязка. Появился аппетит. Питание жидкое.

29 декабря. Внезапно обнаружено выпадение шерсти на лбу и на боках туловища. Вызваны для консультации: профессор кафедры кожных болезней Дмитрий Васильевич Апостолов и директор Ветеринарного показательного института Савелий Николаевич Нетвердый. Ими случай признан неописанным в литературе.

Диагностика осталась не установленной. Температура - 37,0.

(Запись карандашом)

Вечером появился первый лай (8 ч. 15 мин.). Обращает внимание резкое изменение тембра и понижение тона. Лай вместо слова "гау-гау" на слоги "а-о", по окраске отдаленно напоминает стон.

30 декабря. Выпадение шерсти приняло характер общего облысения. Взвешивание дало неожиданный результат - 30 кг за счет роста (удлинение) костей. Пес по-прежнему лежит.

31 декабря. Колоссальный аппетит.

В 12 ч. 12 мин. дня пес отчетливо пролаял ра-н-ыр.

(В тетради перерыв и дальше, очевидно, по ошибке от волнения написано): 1 декабря. (Перечеркнуто, поправлено) 1 января. Сфотографирован утром. Счастливо лает «раныр», повторяя это слово громко и как бы радостно. В 3 часа дня (крупными буквами) засмеялся, вызвав обморок гувернантки Тони.

Вечером произнес 8 раз подряд слово «раныр-экалг», «раныр».

(Косыми буквами карандашом): профессор расшифровал слово "раныр-экалг", оно означает "рыночная экономика"... Что-то чудовищ...

2 Января. Сфотографирован. Встал с постели и уверенно держался полчаса на задних лапах. Моего почти роста.

(В тетради вкладной лист).

Наука чуть не понесла тяжелую утрату.

История болезни профессора В.В. Протуберанского.

В 1 час 13 мин. - Глубокий обморок проф. Протуберанского. При падении ударился головой о палку стула. В моем и Тони присутствии пес (если псом, конечно, можно назвать) обругал проф. Протуберанского по матери.

******

(Перерыв в записях).

******

6 Января. (То карандашом, то ручкой).

Сегодня после того, как у него отвалился хвост, он произнес совершенно отчетливо слово "офис". Работает магнитофон. Черт знает что такое.

******

Я теряюсь.

******

Прием у профессора прекращен. Начиная с 5-ти часов дня из смотровой, где расхаживает это существо, слышится явственно вульгарная ругань и слова "еще одну партию купите".

7 января. Он произносит очень много слов: "такси", "ваш лимит исчерпан", "демократическая пресса", «абонент находится вне зоны досягаемости», "имеем то, что имеем", «демократические преобразования» и все бранные слова, какие только существуют в русском лексиконе.

Вид его странен. Шерсть осталась только на голове, на подбородке и на груди. В остальном он лыс, с дряблой кожей. В области половых органов формирующийся мужчина. Череп увеличился значительно. Лоб скошен и низок.

******

Ей-богу, я с ума сойду.

******

Василий Васильевич все еще чувствует себя плохо. Большинство наблюдений веду я. (Магнитофон, фотографии).

******

По городу расползлись слухи.

******

Последствия непредвиденные. Сегодня днем вся улица была полна какими-то демонстрантами и пикетами. Появились палатки. Этим делом начинают интересоваться правозащитные и экологические организации, а также защитники животных. Зеваки стоят и сейчас еще под окнами. Из американского посольства пришло письмо. В утренних газетах появилась удивительная заметка "Не исключено, что профессор Протуберанский ранее был связан с КГБ и сейчас продолжает осуществлять марсианскую программу СССР частным образом". - Какой, к черту, Марс? Ведь это - кошмар.

******

В газете «Факты и мнения» написали, что родился ребенок, который играет на скрипке. Тут же рисунок - скрипка и моя фотография и под ней подпись: "Проф. Протуберанский, делавший кесарево сечение у матери". Это - что-то неописуемое... Он говорит новое слово "омбудсмен".

******

Оказывается, Дарья Филипповна была в меня влюблена и свистнула карточку из альбома Василия Васильевича. После того, как прогнал репортеров, один из них пролез на кухню и т.д. Особенно досаждают папарацци.

******

Что творится во время приема! Сегодня было 82 звонка. Телефон выключен. Предприниматели с бизнес-предложениями осаждают дом, представители цирка просто замучили... Западные ученые дежурят на лестницах. Сумасшедший дом.

******

В полном составе приходили представители демократических организаций нашего дома во главе с Чвондером. Зачем - сами не знают.

8 января. Поздним вечером поставили диагноз. Василий Васильевич, как настоящий ученый, признал свою ошибку - перемена гипофиза дает не омоложение, а полное очеловечение (подчеркнуто три раза). От этого его изумительное, потрясающее открытие не становится ничуть меньше. Европа отдыхает. Европа нервно курит в стороне.

Тот сегодня впервые прошелся по квартире. Смеялся в коридоре, глядя по сторонам он проследовал в кабинет. Он стойко держится на задних лапах сложенного мужчины.

Смеялся в кабинете. Улыбка его неприятна и как бы искусственна. Затем он почесал затылок, огляделся и я записал новое отчетливо произнесенное слово: "коммунист". Ругался. Ругань эта методическая, беспрерывная и, по-видимому, совершенно бессмысленная. Она носит несколько подсознательный характер. А впрочем, я не психиатр, черт меня возьми.

На Василия Васильевича брань производит почему-то удивительно тягостное впечатление. Бывают моменты, когда он выходит из сдержанного и холодного наблюдения новых явлений и как бы теряет терпение. Так, в момент ругани он вдруг нервно выкрикнул:

- Перестань!

Это не произвело никакого эффекта.

После прогулки в кабинете, общими усилиями Шарик был водворен в смотровую.

После этого мы провели совещание с Василием Васильевичем. Впервые, я должен сознаться, видел я этого уверенного и поразительно умного человека растерянным. Напевая по своему обыкновению, он спросил: "что же мы теперь будем делать?" И сам же ответил буквально так: «Да, фабрика им. Смирнова-Ласточкина... «Из ливерпульской гавани...". Да, фабрика им. Смирнова-Ласточкина, дорогой доктор...». Я ничего не понял. Он сказал: "я вас прошу, Иван Исаакович, купить ему белье, штаны и пиджак".

9 января. Лексикон обогащается каждые пять минут (в среднем) новым словом, с сегодняшнего утра, и фразами. Похоже, что они, замерзшие в сознании, оттаивают и выходят. Вышедшее слово остается в употреблении. Со

вчерашнего вечера магнитофоном отмечены: "полный бак", "шулер", "ты, что ездить не умеешь", "надо оптимизировать налоговою ставку", "демократическая Америка", "факс", "реформирование сферы налогообложения", "принципы и нормы демократии"...

10 января. Произошло одевание. Нижнюю сорочку позволил надеть на себя охотно, даже весело смеясь. От трусов отказался, выразив протест хриплыми криками: «в кассу, пролетарии, все в кассу!». Был одет. Носки ему велики.

(В тетради какие-то схематические рисунки, по всем признакам изображающие превращение собачьей ноги в человеческую).

Удлиняется задняя половина скелета стопы (planta). Вытягивание пальцев. Когти. Повторное систематическое обучение посещения уборной. Домработницы совершенно подавлены.

Но следует отметить понятливость существа. Дело вполне идет на лад.

11 января. Совершенно примирился со штанами. Произнес длинную веселую фразу: «дай кредит - отдам два, чтоб у капиталиста не болела голова».

Шерсть на голове - слабая, шелковистая. Легко спутать с волосами. Но подпалины остались на темени. Сегодня облез последний пух с ушей.

Колоссальный аппетит. Из всей предложенной ему на выбор еды, с особым увлечением ест суши и красную икру.

В 5 часов дня событие: впервые слова, произнесенные существом, не были оторваны от окружающих явлений, а явились реакцией на них. Именно: когда профессор приказал ему: «не бросай объедки на пол» - неожиданно ответил: "замолкни, лох».

Василий Васильевич был поражен, потом оправился и сказал:

- Если ты еще раз позволишь себе обругать меня или доктора, тебе влетит.

Я фотографировал в это мгновение Шарика. Ручаюсь, что он понял слова профессора. Угрюмая тень легла на его лицо. Поглядел исподлобья довольно раздраженно, но стих.

- Ура, он понимает!

12 Января. Закладывание рук в карманы штанов. Отучаем от ругани. Поддерживает разговор.

Я не могу удержаться от нескольких гипотез: к чертям омоложение пока что. Другое, неизмеримо более важное: изумительный опыт проф. Протуберанского раскрыл одну из тайн человеческого мозга. Отныне загадочная функция гипофиза мозгового придатка - разъяснена. Он определяет человеческий облик. Его гормоны можно назвать важнейшими в организме - гормонами облика. Новая область открывается в науке. Скальпель хирурга вызвал к жизни новую человеческую единицу. Проф. Протуберанский, вы – творец, вы - прорицатель. Впрочем, ближе к делу... Итак, он поддерживает разговор. По-моему, перед нами оживший развернувшийся мозг, а не мозг вновь созданный. О, дивное подтверждение эволюционной теории! О, величайшая цепь эволюции: от пса до президента демократического государства!

******

Что в городе творится - уму непостижимо человеческому. Пять интернет-изданий уже получили предупреждение от властей за распространение слухов о вызове профессором Протуберанским марсиан, и возможном подорожании в этой связи энергоносителей. Что якобы власти снова не создали достаточных запасов энергоносителей и рыночных механизмов, которые бы позволили избежать таких и подобных случаев. Что такая ситуация приведет к глобальному кризису в экономике всей нашей страны. Дарья Филипповна даже точно называет число... Какие-то жулики уже создают секты и церкви и по воскресеньям молятся марсианским богам.

Такой кабак мы сделали с этим гипофизом, что хоть вон беги из квартиры. Я переехал к Протуберанскому по его просьбе и ночую в приемной с Шариком.

Смотровая превращена в приемную. В шкафах ни одного стекла, потому что прыгал. Еле отучили.

******

С Василием Васильевичем что-то странное делается. Когда я ему рассказал о своих гипотезах и о надежде развить Шарика в очень высокую психическую, гуманистическую, демократическую личность, он хмыкнул и ответил: "вы думаете?" Тон его зловещий. Неужели я ошибся? Старик что-то придумал. Пока я вожусь с историей болезни, он сидит над историей того человека, от которого мы взяли гипофиз.

******

(В тетради вкладной лист.)

Александр Аркадьевич Васькин, 28 лет, холост. Убежденный либерал, демократ. Член Либеральной партии с 1997 года, изредка посещает церковь.

Судим 3 раза и всегда был оправдан: в первый раз благодаря недостатку улик, второй раз - откупился, в третий раз – помог народный депутат.

Махинации. Неуплата налогов. Подкуп государственных должностных лиц (махинации с НДС, приватизация за бесценок государственных предприятий, незаконное списание излишнего воинского имущества). Профессия - частный предприниматель.

Маленького роста, сложен средне. Печень расширена (алкоголь). Причина смерти - удар ножом в сердце в стриптиз-баре ("Пьяная лилия", на Пушкинской).

******

Старик, не отрываясь, сидит над его историей болезни. Не понимаю в чем дело. Бурчал что-то насчет того, что вот не догадался осмотреть в патолого-анатомической весь труп Васькина. В чем дело - не понимаю. Не все ли равно чей гипофиз?

17 Января. Не записывал несколько дней: болел гриппом. За это время облик окончательно сложился.

а) совершенный человек по строению тела;
б) вес около 90 килограмм;
в) рост маленький;
г) голова маленькая;
д) начал курить;
е) ест человеческую пищу;
Ж) одевается самостоятельно;
з) хорошо говорит.

******

Вот так гипофиз.

******

Этим историю болезни заканчиваю. Перед нами новый организм; наблюдать его нужно с начала.

Приложение: результаты анализов, стенограммы речи, записи магнитофона, фотоснимки, видеосъемка.

Подпись: ассистент профессора В.В.Протуберанского
Доктор И.И.Бирменталь.

6.

Был зимний вечер. Конец января. Предобеденное, предприемное время. у двери на стене в приемной висел белый лист бумаги, на нем рукою Василия Васильевича было написано:

"Пить пиво и есть чипсы в квартире запрещаю".
В.Протуберансий.

И синим карандашом крупными, как пирожные буквами рукой Бирменталя:

"Прослушивание музыки с пяти часов дня до десяти часов утра воспрещается".

Затем рукой Тони:

«Когда вернетесь, скажите Василию Васильевичу: я не знаю - куда он ушел. Николай говорил, что с Чвондером».

Рукой Протуберанского:

«Сто лет буду ждать стекольщика?»

Рукой Дарьи Филипповны (печатно):

«Тоня ушла в магазин, сказала, приведет».

В столовой было совершенно по особенному, по вечернему, благодаря лампе под шелковым абажуром. Свет из буфета падал перебитый пополам, зеркальные стекла заклеены косым крестом. В комнате была атмосфера тревожного, но все-таки покоя.

Василий Васильевич, склонившись над столом, погрузился в развернутый громадный лист газеты. Внимательно вглядываясь в строчки, он водил головой из стороны в сторону. Лицо его было искажено и одновременно с этим очень недовольно. Сквозь зубы слышались отдельные фразы, которые он читал сам себе: «Современная демократическая система устройства общества позволяет каждому, согласно его таланту и способностям, найти свое место. В отличии от советской уравниловки, которая не позволяла реализоваться потенциалу отдельных личностей...»

Чв...Р»

- Боже мой, это же бред больного человека. Это же обман людей. Как такое может быть? – бормотал он про себя задумчиво смотря куда-то в угол комнаты, - не понимаю, как можно променять довольно высокие стандарты жизни для всех на роскошную жизнь при демократии для кучки олигархов-чиновников и ужасной нищетой для основной массы населения, для того, чтобы эта кучка людей могла реализовать свой потенциал? Нет. Это обман. Направленный обман людей.

Он держался руками за голову и печально смотрел в газету.

За двумя стенами разрывался магнитофон. Попса неслась по квартире с ураганной силой, проникая под шкафы, в шукляды, стукаясь о стены и завихряясь вокруг ножек мебели. Популярная, и тогда и сейчас, певица пела про девочку, которой уже восемнадцать и про то, что она готовая уже. При этом любому слушателю было ясно, что она была уже готова не к учебе в ВУЗе, не к работе и даже не к свадьбе, а к чему-то другому...

Через минуту не зазвучала, а заорала новая песня, про то, как за монетку, за таблеточку сняли малолеточку...

Василий Васильевич сидя за столом сокрушенно качал головой.

- «Современная демократическая система устройства общества позволяет каждому, согласно его таланту и способностям, найти свое место. В отличии от советской уравниловки, которая не позволяла реализоваться потенциалу отдельных личностей...», - прочитал он снова.

- А то, что эти люди живут за счет общества, при этом разрушая его для своей выгоды и за счет простых людей и их жизней, то всем на это наплевать. Вот как эта певичка. Все правильно. Все так и задумано. И так во всем мире.., - сказал Василий Васильевич грустно.

Профессор перевернул страницу и шевеля губами начал читать новую статью: «Министр здравоохранения заявляет, что около тысячи больниц по всей стране, в том числе детские и инфекционные, недополучили финансирование, некоторые не получили 50% необходимых средств… финансирование противотуберкулезного и психиатрического направления сократилось на 70-80% …».

- Это ужас, честное слово, это же ужасно… как так может быть… это же полная деградация и несостоятельность демократического государства… зачем нам тогда государство? Почему я должен платить налоги, если уже даже больницы закрываются… Однозначно, это ужасно… надо что-то делать… дальше так продолжаться не может… демократия убьет всех.. просто всех.. постепенно, но всех… и эти люди говорят, что СССР был несостоятелен… что СССР не мог удовлетворить нужды своих граждан… Позор и обман… бедные дети, бедные мы все…

Глядя в газету Василий Васильевич сам машинально запел сквозь зубы:

- За монетку, за таблеточку сняли нашу малолеточку, ожидает малолеточку небо в клеточку... Тьфу, прицепилась, вот подлая мелодия!

Он позвонил. Тонино лицо вопросительно просунулось между полотнищами портьеры.

- Скажи ему, что уже пять часов, чтобы прекратил, и позови его сюда, пожалуйста.

Василий Васильевич сидел у стола в кресле. Между пальцами левой руки торчал коричневый окурок сигареты. У портьеры, прислонившись к раме двери, стоял, заложив ногу за ногу, человек маленького роста и несимпатичной наружности. Волосы у него на голове росли жесткие, как бы кустами на выкорчеванном поле, а лицо покрывал небритый пух. Лоб поражал своей малой вышиной. Почти непосредственно над черными кисточками раскиданных бровей начиналась густая головная щетка. Глаза были маленькие и постоянно бегали по сторонам: оценивали, выискивали. Со стороны они напоминали букашек.

Одет он был добротно, элегантно, с претензией на вкус смешанный со стремлением показать богатство и зажиточность. Однако это мало ему удавалось. На шее у человека был одет ярко малиновый галстук с большим фальшивым рубином оправленным в пластмассу покрашенную под золото. Цвет этого галстука был настолько бросок, что поневоле вызывал воспоминания о братках из бригад, которые в свое время легко зарабатывали деньги и легко за это умирали.

Василий Васильевич время от времени закрывал утомленные глаза, ему везде в комнате чудились отблески малинового, который отсвечивал от всех блестящих и полированных предметов и поверхностей. Открывая глаза, он слеп вновь, так как от пола, как из подземелья, исходил свет начищенных ботинок с узкими чуть закрученными вверх носками. "Как будто он олигарх какой-то" - с неприятным чувством подумал Василий Васильевич, вздохнул, засопел.

Человек у двери искоса посматривал на профессора и курил сигарету, скидывая пепел в вазон.

Часы на стене, рядом с чучелом головы молоденькой косули, щелкнули и минутная стрелка резко и уверенно стала на двенадцать. Было ровно пять часов вечера. Засопев еще раз, Василий Васильевич вступил в беседу.

- Я, кажется, два раза уже просил не готовить на кухне сладкую вату, тем более в посуде Дарьи Филипповны..?

Человек подтянулся весь, затянулся сигаретой и чуть щуря один глаз, ответил:

- Заработать я хочу, накопить первоначальный капитал. Предпринимательство – двигатель экономики.

Голос у него был необыкновенный, глуховатый, и в то же время гортанный.

Василий Васильевич покачал головой и спросил:

- Откуда взялась эта нелепость? Я говорю о галстуке.

Человек, скосил глаза, следуя пальцу профессора, и с любовью и уважением посмотрел на галстук. Очевидным было, что для него этот галстук имел значение не меньшее чем регламент для спикера парламента.

- Чем же «нелепость»? - заговорил он, - шикарный, ясный и конкретный галстук. Дарья Филипповна купила мне по моей просьбе. Именно такой я и хотел.

- Дарья Филипповна вам ерунду купила, вроде этих ботинок. Что это за сияющая чепуха с китайским средневековым дизайном? Откуда? Я что просил? Купить при-лич-ные ботинки: а это что? Неужели доктор Бирменталь такие выбрал?

- Я ему велел, чтобы блестели. Что я, хуже людей? Посмотрите встречи президента с предпринимателями, все такие носят.

Василий Васильевич завертел головой, раздвигая правой рукой ворот рубашки, при этом он говорил веско и четко:

- Так, готовка сладкой ваты на кухне прекращается. Понятно? Что это за мещанство?!

- Ведь вы мешаете. Там же женщины.

Лицо человека приняло иронический оттенок, губы оттопырились в ухмылке.

- Ну, и что, что женщины. Подумаешь. Все сейчас равны. Права женщин наравне с мужскими. Сейчас это не надо доказывать. Тем более обыкновенная прислуга, пролетариат недобитый, а форсу как у валютных проституток. Это все Тонька ябедничает.

Василий Васильевич глянул на него строго:

- Не сметь называть Тоню Тонькой! Понятно?

Молчание.

- Понятно, я вас спрашиваю?

- Понятно.

- Убрать эту гадость с шеи. Вы... Вы посмотрите на себя в зеркало на что вы похожи. Клоун на выезде. Окурки на пол не бросать - в сотый раз прошу. Пиво из горла бутылки не пить. К проституткам не звонить. К психотропным препаратам не лезть. Песни не петь. Пиццу на дом не заказывать. Чтобы я больше не слышал ни одного ругательного или блатного слова в квартире! Не

плевать! Вот плевательница. С писсуаром обращаться аккуратно, воду за собой сливать. С Тоней все разговоры прекратить. Она жалуется, что вы в темноте ее подкарауливаете, пристаете и делаете грязные предложения.

- Смотрите! Кто ответил пациенту «интеллигент задрыпаный»!? Что вы, в самом деле, в баре, что ли?

- Что-то вы меня, папаша, больно уж ограничиваете. А как же свобода личности. Как же свобода слова и права человека..? Что это за моральная отсталость и ограниченность? Что это за тоталитарные взгляды? - вдруг выговорил человек, пристально глядя в глаза профессору и держа перед собой сигарету.

Василий Васильевич покраснел, очки сверкнули. Внутреннее давление его тела резко возросло.

- Кто это тут вам папаша? Что это за фамильярности? Чтобы я больше не слышал этого слова! Называть меня по имени и отчеству!

Дерзкое и нехорошее выражение загорелось в глазах человека.

- Да что вы все... наезжаете. То не плевать. То не кури. Туда не ходи... Туда не звони. Что уж это на самом деле? Прямо как в пионерском лагере. Что вы мне жить не даете?! Развиваться не даете?! Свободу мою ограничиваете! И насчет "папаши" - это вы напрасно. Разве я просил мне операцию делать? – человек возмущенно декларировал, громко и четко. Хорошенькое дело! Схватили животное, исполосовали скальпелем голову, видать захотелось Нобелевской премии? А теперь гнушаются.

- Я, может, своего разрешения на операцию не давал. А также (человек подвел глаза к потолку, как бы вспоминая некую формулу), а также и мои родственники не давали. Я иск, может, имею право подать, я буду жаловаться в Европейский Суд по Правам Человека. Что это за насилие и негуманное отношение к животным?

Глаза Василия Васильевича сделались совершенно круглыми, вытянув шею он смотрел на человека. Сигарета вывалилась из его руки. "Ну, субъект, ну, загибает", - пронеслось у него в голове.

- Так вы еще и недовольны, что вас превратили в человека? – прищурившись, спросил он, стараясь удержать себя в руках.

- Вы, может быть, предпочитаете снова бегать по помойкам? Мерзнуть во дворах, по улицам? Ну, если бы я знал...

- Да что вы все попрекаете - помойка, помойка. Я свой кусок хлеба добывал. Я был свободным добытчиком. А если бы я у вас умер под ножом? Что вы на это возразите, господин?

- Василий Васильевич! - раздраженно воскликнул Василий Васильевич, - я вам не господин! Я сам зарабатываю себе на жизнь. Это чудовищно! Это невиданно! «Кошмар, кошмар», - подумал он.

- Уж, конечно, как же... Знаем, - иронически заговорил человек и победоносно выставил ногу вперед, - чего ж тут непонятного. Какие уж тут господа! Как же. Мы революций не делали, репрессиями не занимались. Квартиры за государственный счет не получали.

Только теперь пора бы про все это забыть. Тоталитаризм закончился, пришла эра свободы, предпринимательства и защиты прав человека.

Василий Васильевич, бледнея слушал рассуждения человека. Тот прервал речь и демонстративно направился к пепельнице с изжеванной сигаретой в руке.

Походка у него была развалистая и показная. Он долго мял окурок с выражением, ясно говорящим: "На! На!". Затушив сигарету, он на ходу вдруг лязгнул зубами и сунул нос под мышку.

- Пальцами блох ловить! Пальцами! - яростно крикнул Василий Васильевич, - и я не понимаю - откуда вы их берете?

- Да что уж, развожу я их, что ли? - обиделся человек, - видно, блохи меня любят, - тут он пальцами пошарил в подкладке под рукавом и выпустил в воздух клок рыжей легкой ваты.

Василий Васильевич обратил взор к потолку и забарабанил пальцами по столу. Человек, казнив блоху, отошел и сел на стул. Руки при этом он опустил вниз вдоль лацканов пиджака. Глаза его скосились к шашкам паркета и выражали умиление. Он созерцал свои ботинки, что доставляло ему большое эстетическое и моральное удовольствие.

После этого он перевел свой взгляд на дешевый рубин в поддельной оправе. Он смотрел на него как на первую игрушку, казалось слезы радости сейчас потекут по его щекам.

Василий Васильевич тоже посмотрел на ботинки, которые сияли резкими бликами, прищурил глаза и заговорил:

- Так, про какое дело вы хотели со мной поговорить?

- Да, дело простое! Очень простое. Документ, Василий Васильевич, мне надо оформить.

Василия Васильевича передернуло.

- Хм... Черт! Документ! Действительно... Кхм... А, может быть, это как-нибудь можно без... - голос его звучал неуверенно и тоскливо.

- Извините, - уверенно ответил человек, - как же так без документа? С какой это стати. Сами знаете, человеку без документа нельзя, особенно в наше время. Во-первых, правозащитные организации...,

- Причем тут правозащитные организации?

- Как это при чем? Встречают, спрашивают - когда ж ты, говорят, уважаемый, пропишешься?

- Ах, ты, господи, - уныло воскликнул Василий Васильевич, - встречают, спрашивают... Воображаю, что вы им говорите. Ведь я же вам запрещал шляться по лестницам.

- Что я, политзаключенный? - удивился человек, и сознание его правоты загорелось у него даже в рубине.

- Как это так "шляться"?! Обидны ваши слова, я, как и другие свободные граждане, имею право на свободу передвижения. Это мне гарантирует Конституция и соответствующие европейские хартии по защите прав человека... Я хожу, как все люди...

При этом он посучил блестящими ногами по паркету, как бы в подтверждение сказанному.

Василий Васильевич замолчал, глаза его «ушли» в сторону. «Надо все-таки сдерживать себя», - подумал он про себя. Подойдя к буфету, он одним духом выпил стакан воды.

- Отлично, - уже спокойнее заговорил он, - дело не в словах. Итак, что говорят эти ваши уважаемые правозащитные организации?

- А что они говорят? Ясно, они говорят, что... Да вы напрасно их уважаемыми ругаете. Они права человека защищают, - спокойно, выдержано заявил человек.

- Каких людей права защищают, разрешите узнать?

- Понятно каких – всех людей, без различия по расе, полу, вероисповеданию и т.д.

Василий Васильевич выкатил глаза.

- И что ваши тоже?

- Да уж и моих тоже.

- Ну, ладно. Итак, что же им нужно в осуществлении защиты ваших прав человека?

- Понятно что - прописать меня, т.е. я имел ввиду зарегистрировать меня, - человек запнулся на секунду.

- Да, да, знаю, вы имеете ввиду ту порочную систему контроля государства за человеком, которая сегодня называется регистрацией, не смущайтесь, продолжайте, я слушаю, - быстро сказал Василий Васильевич, жестикулируя одной рукой.

- Они говорят - где же это видано, - продолжал человек, - чтобы человек жил непрописанный. Это - раз. Ведь в эпоху борьбы с терроризмом это важно. А самое главное - нужно стать на учет в военкомате. Я не хочу нарушать закон. Опять же – возможность заниматься бизнесом, иметь права голоса...

- Разрешите узнать, по чему я вас пропишу? По этой скатерти или по своему паспорту? Ведь нужно все-таки считаться с положением. Не забывайте, что вы... Э... Гм... Вы ведь, так сказать, - неожиданно явившееся существо, лабораторное, – Василий Васильевич говорил все менее уверенно.

Человек победоносно молчал и поглядывал на профессора.

- Хорошо. Что же, в конце концов, нужно, чтобы вас прописать и вообще устроить все согласно понятиям этих ваших правозащитных организаций? Ведь у вас нет ни имени, ни фамилии.

- Это вы несправедливо говорите. Имя я себе совершенно спокойно могу выбрать. Напечатал в газете и шабаш.

- Как же вам угодно себя называть?

Человек поправил галстук и чинно ответил:

- Аполлинарий Аполлинарьевич.

- Не валяйте дурака, - хмуро отозвался Василий Васильевич, - я с вами серьезно говорю.

Язвительная усмешка искривила рот человека.

- Что-то не пойму, - заговорил он весело и осмысленно. - Мне ругаться матом нельзя. Плевать - нельзя. Пить нельзя. А от вас только и слышу: «дурак, дурак». Видно только профессорам разрешается ругаться.

Василий Васильевич налился кровью и жадно протянул руки к воде, наполняя стакан разбил его. Напившись из другого, подумал: «еще немного, и он меня учить станет и будет совершенно прав. В руках не могу держать себя».

Он повернулся на стуле, преувеличенно вежливо склонил голову, весь подался вперед и с железной твердостью произнес:

- Извините. У меня расстроены нервы. Ваше имя показалось мне странным. Где вы, интересно знать, откопали себе такое?

- Представители правозащитных организаций посоветовали. По православному календарю искали - какое тебе, говорят? Я и выбрал.

- Ни в каком календаре ничего подобного быть не может.

- Удивительно, - человек усмехнулся, - он у вас в смотровой висит.

Василий Васильевич, кинулся к кнопке на обоях, и на звонок явилась Тоня.

- Календарь из смотровой.

Протекла пауза. Когда Тоня вернулась с календарем, Василий Васильевич спросил:

- Где?

- 18 января празднуется.

- Покажите... Гм... Черт... В мусорное ведро его, Тоня, сейчас же.

Тоня, испуганно тараща глаза, ушла с календарем, а человек покачал укоризненно головою.

- А фамилию какую вы решили взять?

- Фамилию я согласен наследственную взять.

- Как? Наследственную? Какую это?

- Шариков.

******

В кабинете перед столом стоял исполняющий директор общественной организации «Демократические перспективы», на нем был дорогущий серый пиджак, галстук в строгую полосочку. Доктор Бирменталь сидел в кресле. При этом на румяных от мороза щеках доктора (он только что вернулся) было столь же растерянное выражение, как и у Василия Васильевича, сидящего рядом.

- Что же писать? - нетерпеливо спросил он.

- Что ж, - заговорил Чвондер, - дело не сложное. Пишите, профессор. Что так, мол, и так, предъявитель сего действительно Шариков Аполлинарий Аполлинарьевич, гм... Зародившийся в вашей, мол, квартире.

Бирменталь недоуменно шевельнулся в кресле. Василий Васильевич дернул усом.

- Гм... Вот черт! Глупее ничего себе и представить нельзя. Ничего он не зародился, а просто... Ну, одним словом...

- Это - ваше дело, - со спокойным злорадством вымолвил Чвондер, зародился или нет... В общем и целом ведь вы делали опыт, профессор! Вы и создали гражданина Шарикова.

- Все очень просто, - выкрикнул Шариков от книжного шкафа. Он разглядывал галстук, отражавшийся в зеркальной бездне, и наслаждался малиновым отблеском который исходил из шкафа.

- Я бы очень попросил вас, - огрызнулся Василий Васильевич, - не вмешиваться в разговор. Вы напрасно говорите «все очень просто» - это очень не просто.

- Как же мне не вмешиваться, - обидчиво забубнил Шариков. Чвондер немедленно его поддержал.

- Простите, профессор, гражданин Шариков совершенно прав. Это его право - участвовать в обсуждении его собственной участи, в особенности постольку, поскольку дело касается установления возможности в полной мере осуществлять его права в разных сферах жизнедеятельности человека, в частности: политические, социальные и другие права, которые гарантируют защиту чести и достоинства человека, его человеческой природы и сути. В мире существует общепризнанная демократическая практика и наша страна разделяет эти демократические принципы, поэтому нам непонятно ваше отношение к этому вопросу.

- Да, - снова отозвался от шкафа Шариков, - демократические ценности мне близки и я тоже хочу пользоваться результатами их деятельности.

В этот момент оглушительный звонок телефона оборвал разговор.

Василий Васильевич сказал в трубку: «да»... Покраснел и закричал:

- Прошу не отрывать меня по пустякам. Какое вам дело? - И он с силой всадил трубку в рогульки.

Голубая радость разлилась по лицу Чвондера.

Василий Васильевич, багровея, прокричал:

- Одним словом, покончим с этим быстрее.

Он оторвал листок от блокнота и набросал несколько слов, затем раздраженно прочитал вслух:

- «Этим документом подтверждается»... Черт знает, что такое... Гм... «Предъявитель этого - человек, полученный при лабораторном опыте путем операции на головном мозгу, нуждается в документах»... Черт! Да и вообще я против получения всех этих идиотских документов. Подпись – «профессор Протуберанский».

- Довольно странно, профессор, - обиделся Чвондер, - как это так вы документы называете идиотскими? Невозможно чтобы существовали бездокументные особы, да еще не поставленные на воинский учет, а также учет в налоговой инспекции и полиции. А вдруг завтра призовут в армию, или появится необходимость направления миротворческих сил в какую-то страну для разделения конфликтующих сторон, в рамках ООН, конечно? Могут понадобиться люди с разными навыками и знаниями.

- Я воевать никуда не пойду! - вдруг хмуро проронил Шариков в шкаф.

Чвондер оторопел, но быстро оправился и учтиво, и назидательно заметил Шарикову:

- На воинский учет необходимо стать. Вы, господин Шариков, не понимаете тех преимуществ, которые могут открыться перед вами при участии в миротворческих силах в других странах. Поездка в другие страны расширит ваш кругозор, позволит увидеть новые места, познакомиться с миром. И это все бесплатно. Вам даже за это будут платить хорошие деньги, в долларах. Вы получите льготы.

- На учет стану, а воевать – пусть негры и дураки едут..., только дурак за деньги рискует своей жизнью какой бы не была приина, а мне это не надо, - неприязненно ответил Шариков, поправляя галстук.

Настала очередь Чвондера смутиться. Протуберанский злобно и тоскливо переглянулся с Бирменталем: «не угодно ли, вот мол вам – солдат демократии, патриот». Бирменталь многозначительно кивнул головой.

- Я тяжело раненный при операции, - хмуро продолжил Шариков, - меня, вишь, как отделали, - и он показал на голову. Поперек лба тянулся очень свежий операционный шрам. Я лучше бизнесом буду заниматься, на благо Родины и всего народа, в крайнем случае, в случае необходимости, может быть деньгами помогу, посильно.., конечно...

- Может вам ваши религиозные убеждения не позволяют держать в руках оружие? - спросил Чвондер, высоко поднимая брови.

- Мне белый билет полагается, - ответил Шариков на это.

- Ну, хорошо, не важно пока, - ответил удивленный Чвондер, - факт в том, что мы заявление профессора отправим в полицию, и вам выдадут документ.

- Вот что, э... - внезапно перебил его Василий Васильевич, очевидно терзаемый какой-то мыслью, - нет ли у нас в доме свободной комнаты или квартиры? Я согласен ее купить.

Желтенькие искры появились в карих глазах Чвондера.

- Нет, профессор, к величайшему сожалению. И не предвидится. Мы здесь надолго.

Василий Васильевич сжал губы и ничего не сказал. Опять как ошпаренный загремел телефон. Василий Васильевич, ничего не говоря, молча сбросил трубку с рогулек так, что она, покрутившись немного, повисла на шнуре. Все вздрогнули. «Изнервничался старик», - подумал Бирменталь, а Чвондер, сверкая глазами, учтиво попрощался и вышел.

Шариков, чинно выхаживая, отправился за ним.

Профессор остался наедине с Бирменталем. Немного помолчав, Василий Васильевич заговорил.

- Это кошмар, честное слово. Вы видите? Клянусь вам, дорогой доктор, я измучился за эти две недели больше, чем за последние 28 лет демократии! Вот - тип, я вам скажу...

Где-то далеко глухо треснуло стекло, затем вспорхнул заглушенный женский визг и тотчас потух. Нечистая сила с удовольствием шарахнула по обоям и мебели в коридоре, направляясь к смотровой, там чем-то грохнула и мгновенно пролетела обратно.

Захлопали двери, поднялась суета и в кухне отозвался низкий крик Дарьи Филипповны. Затем завыл Шариков.

- Боже мой, еще что-то! - закричал Василий Васильевич, бросаясь к дверям.

- Бомж, - догадался Бирменталь и выскочил за ним вслед. Они понеслись по коридору в переднюю, ворвались в нее, оттуда свернули в коридор к туалету и ванной. Из кухни выскочила Тоня и вплотную наскочила на Василия Васильевича.

- Сколько раз я приказывал - бомжей и попрошаек чтобы не было, - в бешенстве закричал Василий Васильевич. - Где он?! Иван Исаакович, успокойте, ради Бога, пациентов в приемной!

- В ванной, в ванной проклятый черт сидит, - задыхаясь, закричала Тоня.

Василий Васильевич навалился на дверь ванной, но та не поддавалась. Он бился об нее как рыба об асфальт, но все было бесполезно.

- Открыть немедленно! – сказал Василий Васильевич запыхавшись.

В ответ в запертой ванной что-то громыхало, падало, доносились сдавленные крики и возня. Дикий, гортанный голос Шарикова глухо проревел за дверью:

- Убью на месте...

- Убей,- доносилось в ответ, - отвечать будешь.

Возня то затихала, то усиливалась. Вдруг изнутри в двери начали дико колотить, гул ударил в стены и покатился под потолком. Снова раздались крики, потом сопенье. Вода зашумела по трубам и полилась. Василий Васильевич снова налег на двери и начал биться об них и рвать.

Распаренная Дарья Филипповна с искаженным лицом появилась на пороге кухни, сложив руки на грудях, она смотрела то на двери ванной, то на Василия Васильевича.

Вдруг высокое стекло, выходящее под самым потолком ванной в кухню, лопнуло и разлетелось взрывом стеклянных пуль.

Мгновенье, и в окне появилась голова, а потом и плечи человека. Он яростно выбирался из окна, отчаянно отбиваясь ногами. Повисев еще чуть-чуть в таком положении, он резко перегнулся и выпал в кухню спелой грушей прямо на стол.

Блюдо, стоявшее на столе, подлетело в воздух и плавно, как в показательном выступлении, упало на газовую плиту, разлетевшись мелкими фарфоровыми брызгами.

Человек, прислонившись к столу, тяжело дышал. Это был демократический бомж. И выглядел он типично для всех демократических бомжей. Одежда его была грязной и разнородной, отдельные ее элементы от грязи торчали в разные стороны. Он был обут в грязные, сильно растоптанные морщинистые полусапоги.

Это был еще довольно молодой человек и его лицо только начинало синеть от водки, хотя уже и было покрыто толстым слоем грязи. Волосы были грязными и засаленными.

У стола человек задержался лишь на мгновенье. Он быстро посмотрев на свои руки, с которых капала кровь и метнулся в прихожую где неожиданно наскочил на профессора и всех его домочадцев.

Бомж резко остановился и загнано уставился на присутствующих. Продолжая тяжело дышать, он медленно обводил всех взглядом. Все замерли.

Дарья Филипповна одной рукой вцепилась в плечо Тони, а другой прикрыла себе ладонью рот. Сцена длилась несколько секунд и казалась патовой.

Вдруг, бомж нагнул голову, зарычал, сорвался с места, подскочил к Бирменталю и замахнувшись со всего размаху врезал ему в глаз, потом резко

крутнулся на месте, присел и боком метнулся мимо Василия Васильевича в открытую входную дверь. Все произошло за одно мгновенье.

Бирменталь ойкнул, согнулся и схватился за лицо руками. Все стояли как громом пораженные с открытыми ртами, глядя друг на друга. В прихожей повисла удивленная тишина.

Но это еще не все. В этот момент, как-то совсем некстати, нехотя и неторопливо, входная дверь начала приоткрываться, немного пошатываясь из стороны в сторону, и вот, в дверях появилась старушка. Она была одета в простую синюю кофту и широкую юбку в белый горошек, а на ногах в растоптанные кирзовые ботинки.

Шамкая ртом, она оглядела немую сцену, перекрестилась и медленно, растягивая слова сказала: «Матерь Божья, та как же это?». При этом ее глаза метались по прихожей.

Первым из состояния шока вышел Василий Васильевич. Одним движением он подскочил к старухе и грозно заорал:

- Что вам надо?!!

Бабка присев как лошадь в грозу, перекрестилась и снизу вверх, запинаясь, но все же с достоинством ответила:

- На го-ворящую со-бачку можно посмотреть?

Василий Васильевич еще больше побледнел, он вплотную навис над старухой и зашипел:

- Вон, сейчас же вон!!!

Старуха стала пятиться в дверях, и заговорила, обидевшись:

- Что-то уж слишком круто берете, товарищ профессор, уж очень круто.

- Вон, я говорю! - повторил Василий Васильевич привставая на носках и глаза его сделались круглыми и страшными.

Бабка пискнула со страху и выскочила из квартиры.

Профессор собственноручно стукнул дверью за старухой. Повернувшись он закричал:

- Дарья Филипповна, я же просил вас!

- Василий Васильевич, - в отчаянье лепетала Дарья Филипповна, заламывая обнаженные руки, - что же я могу сделать, что я могу сделать? Народ целые дни ломится, хоть все бросай. Наверное, Светлана Николаевна снова отлучилась внуку игрушки покупать…

Говоря это, она все время поворачивалась к стене, возле которой стояла, и закатывала к верху глаза, казалось, что еще немного и она поползет по стене от невыносимости ситуации.

Вода в ванной ревела глухо и грозно, давление было отличное, но голосов в ванной больше не было слышно.

Доктор Бирменталь уже выпрямился и держался правой рукой за глаз.

- Как вы себя чувствуете, дорогой? – спросил его профессор.

- Спасибо, Василий Васильевич, вчера было лучше, - ответил доктор, постоянно прикладывая пальцы к глазу.

- Иван Исаакович, убедительно прошу... Гм..., - Василий Васильевич посмотрел на глаз Бирменталя, - сколько там пациентов?

- Одиннадцать, - ответил Бирменталь.

- Отпустите всех, сегодня принимать не буду.

Василий Васильевич постучал костяшкой пальца в дверь ванной и крикнул:

- Немедленно выходите! Зачем вы там закрылись?

- Угу-гу! - жалобно и невыразительно ответил голос Шарикова.

- Какого черта!.. Не слышу, закройте воду.

- Гау! Гау!..

- Да закройте воду! Что он сделал - не понимаю... - находясь в исступление, вскричал Василий Васильевич.

Тоня и Дарья Филипповна открыв дверь, выглядывали из кухни. Василий Васильевич еще раз грохнул кулаком в дверь. - Вот он! - крикнула Дарья Филипповна из кухни.

Василий Васильевич ринулся туда. В разбитое окно под потолком показалась и высунулась в кухню физиономия Аполлинария Аполлинарьевича. Физиономия была перекошена, глаза плаксивы, а вдоль носа тянулась, пламенея от свежей крови царапина.

- Вы с ума сошли? - спросил Василий Васильевич, - почему вы не выходите?

Шариков и сам в тоске и страхе оглянулся и ответил:

- Защелкнулся я.

- Откройте замок. Что ж, вы никогда замка не видели?

- Да не открывается он! - Испуганно ответил Шариков.

- Батюшки! Он предохранитель защелкнул! - вскричала Тоня и всплеснула руками.

- Там пуговка есть такая! - выкрикивал Василий Васильевич, стараясь перекричать воду, - нажмите ее книзу... Вниз нажимайте! Вниз!

Шариков пропал и через минуту вновь появился в окошке.

- Ни пса не видно, - в ужасе пролаял он в окно.

- Да свет зажгите. Он взбесился!

- Бомжара поганый лампу разбил, - ответил Шариков, - а я стал его, подлеца, за ноги хватать, кран вывернул, а теперь найти не могу.

Все трое всплеснули руками и в таком положении застыли в немом ужасе глядя куда-то далеко вверх.

Минут через десять, Бирменталь, Тоня и Дарья Филипповна уже сидели рядышком на мокром ковре, свернутом трубкою у подножия двери, и задними местами прижимали его к щели под дверью, а сантехник Николай с зажженной венчальной свечой Дарьи Филипповны по деревянной лестнице лез в окно. Его зад в серой робе мелькнул в воздухе и исчез в отверстии.

- Ду... Гу-гу! - что-то кричал Шариков сквозь рев воды.

Послышался голос Николая:

- Василий Васильевич, все равно надо открывать, пусть разойдется, отсосем из кухни.

- Открывайте! - сердито крикнул Василий Васильевич.

Тройка поднялась с ковра, дверь из ванной нажали и тотчас волна свободно и вольно хлынула в коридорчик. В нем она разделилась на три потока: прямо в противоположную уборную, налево - в кухню и направо в

переднюю. Шлепая, прыгая и высоко поднимая ноги, Тоня захлопнула в нее дверь. По щиколотку в воде вышел Николай, почему-то улыбаясь.

Он был весь мокрый, вода капала с прядей волос.

- Еле заткнул, напор большой, - пояснил он.

- Где этот, субъект? - спросил Василий Васильевич.

- Боится выходить, - усмехаясь, объяснил Николай.

- Бить будете, папаша? - донесся плаксивый голос Шарикова из ванной.

- Болван! - коротко отозвался Василий Васильевич.

Тоня и Дарья Филипповна в подоткнутых до колен юбках, с голыми ногами, и Шариков с сантехником, босые, с закатанными штанами вымачивали мокрыми тряпками воду на полу кухни и отжимали их в грязные ведра и раковину. Вода уходила через дверь на лестницу прямо в лестничный пролет и падала в подвал.

Бирменталь, вытянувшись на цыпочках, стоял в глубокой луже, на паркете передней, и прикрывая платком глаз, вел переговоры через чуть приоткрытую дверь на цепочке.

- Не будет сегодня приема, профессор нездоров. Отойдите от двери, у нас труба лопнула...

- А когда же прием? - Добивался голос за дверью, - мне бы только на минуточку...

- Не могу, - Бирменталь переступил с носков на каблуки, - профессор лежит и труба лопнула. Завтра прошу. Тоня! Милая! Отсюда вытирайте, а то она на парадную лестницу выльется.

- Тряпки не берут.

- Сейчас кружками вычерпаем, - отозвался Николай, - сейчас.

Звонки следовали один за другим и Бирменталь уже всей подошвой стоял в воде.

- Когда же операция? - приставал голос и пытался просунуться в щель.

- Труба лопнула...

- Я бы в сапогах прошел...

- Нельзя, прошу завтра.

- А я записан.

- Завтра. Катастрофа с водопроводом.

Николай у ног доктора ерзал в озере, скреб кружкой, а исцарапанный Шариков придумал новый способ. Он скатал громадную тряпку в трубку, лег животом в воду и погнал ее из передней обратно к уборной.

- Что ты, лишенец, по всей квартире гоняешь? - Сердилась Дарья Филипповна, - выливай в раковину.

- Да что в раковину, - ловя руками мутную воду, отвечал Шариков, - она на парадное вылезет.

Из коридора со скрежетом выехала скамеечка и на ней вытянулся, балансируя, Василий Васильевич в синих с полосками носках.

- Иван Исаакович, бросьте вы отвечать. Идите в спальню, я вам туфли дам.

- Ничего, Василий Васильевич, сущие пустяки.

- В сапоги станьте.

- Да ничего. Все равно уже ноги мокрые.

- Ах, боже мой! - расстраивался Василий Васильевич.

- До чего вредные эти бездомные! - отозвался вдруг Шариков и выехал на корточках с суповой миской в руке.

Бирменталь захлопнул дверь, не выдержал и держа руку возле глаза засмеялся. Ноздри Василия Васильевича раздулись, очки вспыхнули нехорошим светом.

- Вы про кого говорите? - Спросил он у Шарикова с высоты.

- Про бомжа я говорю. Такая сволочь, - ответил Шариков, бегая глазами.

- Знаете, Шариков, - переводя дух, отозвался Василий Васильевич, - я не видал более наглого существа, чем вы.

Бирменталь хихикнул.

- Вы, - продолжал Василий Васильевич, - просто нахал, просто наглец. Как вы смеете это говорить? Вы все это начали и еще позволяете... Да нет! Это черт знает что такое!

- Шариков, скажите мне, пожалуйста, - заговорил Бирменталь, - сколько вы еще будете гоняться за бомжами? Стыдитесь! Ведь это же безобразие! Дикарь!

- Какой я дикарь? - Хмуро отозвался Шариков, - ничего я не дикарь. Его терпеть в квартире невозможно. Только и ищет - как бы что своровать. Пролетарий недобитый. Клянчил булку у Дарьи. И вообще эти бомжи наглые такие, работать не хотят, заразу разносят, сидят на шее у общества. А честные предприниматели должны работать и страдать от них. Так и смотрят, что стащить с прилавка. Сейчас кончились те время, когда с голытьбой нянчились. Сейчас не можешь.., - умирай, но не лазь под ногами. Я так понимаю. Я его проучить хотел.

- Вас бы самого поучить! - Ответил Василий Васильевич, - вы поглядите на свою физиономию в зеркале.

- Чуть глаза не лишил, - мрачно отозвался Шариков, трогая глаз мокрой грязной рукой, да и Бирменталю тоже досталось.

Все посмотрели на Бирменталя. Глаз его уже посинел и приобретал вид отличной, очень качественной базарной сливы. Он стоял как побитый школьник после драки, который, глядя по сторонам, удивлялся, куда это все подевались при приближении учителя.

- И пострадал я именно из-за вас Шариков, ведь вы первым напали на бомжа, - сказал в ответ Бирменталь.

Когда черный от влаги паркет несколько подсох, все зеркала покрылись банным налетом, а звонки прекратились. Василий Васильевич в мягких домашних тапочках стоял в передней.

- Вот вам, Николай.

- Спасибо, Василий Васильевич.

- Переоденьтесь сейчас же. Да вот что: выпейте у Дарьи Филипповны водки.

- Спасибо, - Николай замялся, потом сказал. - Тут еще, Василий Васильевич. Я извиняюсь, прямо и говорить как-то неудобно. Только – в соседнем доме стекло... Товарищ Шариков камнями швырялся...

- В бомжа? - Спросил Василий Васильевич, хмурясь, как облако.

- В том то и дело, что в хозяина квартиры. Он уже грозился бандитов нанять, чтоб товарищу Шарикову..., - Николай замялся, не зная как передать приличными словами, то, что сказал олигарх, - в общем, больно сделать, - выдохнул Николай.

- Черт!

- Шариков его новую любовницу обнял, а тот его гнать стал. Ну, повздорили, - добавил Николай.

- Ради бога, вы мне всегда говорите сразу о таких вещах! Сколько нужно?

- Пятнадцать долларов.

Василий Васильевич извлек три хрустящие зеленые бумажки и вручил Николаю.

- Еще за такого мерзавца пятнадцать баксов платить, - послышался в дверях глухой голос, - да он сам... и не называйте меня товарищем, я – либерал... Я обязательно в либеральную партию вступлю...

Василий Васильевич обернулся, закусил губу, наклонил голову, молча нажал на Шарикова, вытеснил его в приемную и запер его на ключ. Шариков изнутри тотчас загрохотал кулаками в дверь.

- Перестань! - Явно больным голосом воскликнул Василий Васильевич.

- Ну, это же слишком, - многозначительно заметил Николай, - такого наглого я за всю свою жизнь не видел.

Бирменталь как из-под земли вырос.

- Василий Васильевич, прошу вас, не волнуйтесь, видите я не волнуюсь и вы не волнуйтесь.

Энергичный эскулап отпер дверь в приемную и оттуда донесся его голос:

- Вы что? В баре или на дискотеке?

- Вот это правильно, так и надо... - Добавил решительно Николай, - без этого нельзя... Да в ухо вот еще б пару раз... он бы сразу шелковым стал...

- Ну, что вы, Николай, - печально промолвил Василий Васильевич.

- Так вас жалко, Василий Васильевич.

7.

- Нет, нет и нет! - Настойчиво говорил Бирменталь, - заложите салфетку.

- Ну, да ладно приставать, - забурчал недовольно Шариков.

- Спасибо, доктор, - ласково сказал Василий Васильевич, - а то мне уже надоело делать замечания.

- Все равно не позволю есть, пока не заложите. Тоня, заберите майонез у Шарикова.

- Как это так «заберите»? - Расстроился Шариков, - я сейчас заложу.

Левой рукой он заслонил блюдо от Тони, а правой запихнул салфетку за воротник и стал похож на клиента в парикмахерской.

- И вилкой, - добавил Бирменталь.

Шариков длинно и наиграно вздохнул и стал ловить куски мяса в густом соусе.

- Я еще водочки выпью? - Заявил он вопросительно.

- А не хватит ли вам? - Осведомился Бирменталь, - вы последнее время слишком налегаете на водку.

- Вам жалко? - Осведомился Шариков и глянул исподлобья.

- Глупости... Вмешался суровый Василий Васильевич, но Бирменталь его перебил.

- Не беспокойтесь, Василий Васильевич, я сам. Вы, Шариков, чепуху говорите и возмутительнее всего то, что говорите ее безапелляционно и уверенно. Водки мне, конечно, не жаль, тем более, что она не моя, а Василия Васильевича. Просто - это вредно. Это - раз, а второе - вы и без водки ведете себя неприлично.

Бирменталь сделал широкий жест рукой и вилкой показал на заклеенный буфет.

- Тонечка, дайте мне, пожалуйста, еще рыбы, - произнес профессор.

Шариков тем временем потянулся к графинчику и, покосившись на Бирменталя, налил рюмочку.

- И другим надо предложить, - сказал Бирменталь, - и так: сперва Василию Васильевичу, затем мне, а в заключение себе.

Шариковский рот тронула едва заметная сатирическая улыбка, и он разлил водку по рюмкам.

- Вот, все у вас как на параде, - заговорил он, - салфетку - туда, галстук - сюда, да «извините», да «пожалуйста», а так, чтобы по-настоящему, - этого нет. Мучаете сами себя, как при советском режиме. Черемухи в вас нет, свободы боитесь, прячетесь от нее.

- А как это «по-настоящему»? - Позвольте осведомиться.

Шариков на это ничего не ответил Василию Васильевичу, а поднял рюмку и произнес:

- Ну желаю, чтобы все и всем ...

- И вам также, - с некоторой иронией отозвался Бирменталь.

Шариков выплеснул содержимое рюмки себе в рот, сморщился, кусочек хлеба поднес к носу, понюхал, а затем проглотил, причем глаза его налились слезами.

- Стаж, - вдруг отрывисто и как бы в забытьи проговорил Василий Васильевич.

Бирменталь удивленно покосился.

- Виноват...

- Стаж! - Повторил Василий Васильевич и горько качнул головой, - тут уж ничего не поделаешь - Васькин.

Бирменталь с чрезвычайным интересом остро вгляделся в глаза Василия Васильевича:

- Вы полагаете, Василий Васильевич?

- Нечего полагать, уверен в этом.

- Неужели... - Начал Бирменталь и остановился, покосившись на Шарикова.

Тот подозрительно нахмурился.

- cratep... - Негромко сказал Василий Васильевич.

- gut, - отозвался ассистент.

Тоня внесла жаренную курицу. Бирменталь налил Василию Васильевичу красного вина и предложил Шарикову.

- Я не хочу. Я лучше водочки выпью. - Лицо его замаслилось, на лбу проступил пот, он повеселел. И Василий Васильевич несколько подобрел после вина. Его глаза прояснились, он благосклоннее поглядывал на Шарикова, черная голова которого в салфетке сияла, как муха в сметане.

Бирменталь же, подкрепившись, обнаружил склонность к деятельности.

- Ну, что же мы с вами предпримем сегодня вечером? - Осведомился он у Шарикова.

Тот поморгал глазами, ответил:

- В бильярдную пойдем, лучше всего. Но я бы хотел в стриптиз-бар. У Бирменталя глаз уже сошел и он там не напугает девочек.

- Каждый день в бильярдную, - благодушно заметил Василий Васильевич, игнорируя попытку Шарикова попасть в стриптиз-бар - это довольно скучно, по-моему. Я бы на вашем месте хоть раз на концерт или в театр сходил.

- В театр и на концерт я не пойду, - неприязненно отозвался Шариков и перекосил рот.

- Икание за столом отбивает у других аппетит, - машинально сообщил Бирменталь. - Вы меня извините... Почему, собственно, вам не нравятся концерты и театр?

Шариков посмотрел в пустую рюмку как в бинокль, подумал и оттопырил губы.

- Да дуракаваляние это... Разговаривают, разговаривают, поют... Скучно, несовременно, неконкурентоспособно... Пережиток прошлого, так сказать.

Василий Васильевич откинулся на готическую спинку и захохотал так, что во рту у него засверкал золотой частокол, а живот начал прыгать как на пружине. Бирменталь только повертел головою, как будто ему за воротник насыпали лопату песка.

- Вы бы почитали что-нибудь, - предложил он, - а то, знаете ли...

- А я и так уже читаю ... - Ответил Шариков и вдруг хищно и быстро налил себе полстакана водки.

- Тоня, - тревожно закричал Василий Васильевич, - убирайте, детка, водку, больше уже не нужна. Что же вы читаете?

В голове у него вдруг мелькнула картина: необитаемый остров, пальма, человек в звериной шкуре и колпаке. «Надо будет Робинзона перечитать»...

- Эту... Как ее... «Открытое общество и его враги»... Как его – этого... – Карла Поппера.

Бирменталь остановил на полдороге вилку с куском мяса, а его открытый для мяса рот открылся еще шире и стал напоминать собой ворота паровозного депо. Глаза уставились в какую-то точку за горизонтом и он затих.

Василий Васильевич расплескал вино и смотрел на Шарикова с неподдельным удивлением, как на человека, который только что пошел на четвертую или даже пятую попытку самоубийства подряд.

Шариков в это время изловчился и резким отточенным движением отправил водку в рот.

- Жаль, что вы дома виски не держите, сейчас все уважающие себя бизнесмены пьют виски, - заявил он авторитетно.

Василий Васильевич положил локти на стол, вгляделся в Шарикова и спросил:

- Что же вы можете сказать по поводу прочитанного.

Шариков пожал плечами.

- Да не согласен я.

- С чем?

- Да со всем, - ответил Шариков.

- Это замечательно, клянусь Богом. А что бы вы со своей стороны могли предложить?

- Да что тут предлагать?.. А то пишут, пишут... Открытое общество, закрытое общество, открытое, закрытое... Голова пухнет. Взять все и отдать частникам, рынок все сам отрегулирует, «невидимая рука рынка» вот...

- Так я и думал, - воскликнул Василий Васильевич, шлепнув ладонью по скатерти, - именно так я и думал.

- Вы и способ знаете? - Спросил заинтересованный Бирменталь, выходя из оцепенения.

- Да какой тут способ, - становясь словоохотливым после водки, объяснил Шариков, - дело не хитрое – тотальная либерализация всех сфер жизнедеятельности человека и общества. А то, что же: один всю жизнь поддерживал тоталитарный режим, живет на старых знакомствах, имеет льготы, от государства квартиры получает, а другие работают, инвестируют, подымают экономику, выводят ее из неэффективных и популистских систем и принципов работы, создают новые рабочие места... Стране нужна полная либерализация и демократизация всех сфер жизнедеятельности человека...

- Насчет поддержки тоталитарного режима - это вы, конечно, на меня намекаете? - горделиво прищурившись, спросил Василий Васильевич.

Шариков съежился и промолчал.

- Что же, хорошо, я не против работы. Доктор, скольким вы вчера отказали?

- Тридцати девяти человекам, - тотчас ответил Бирменталь.

- Гм... Триста девяносто долларов. Ну, грех на трех мужчин. Дам - Тоню и Дарью Филипповну - считать не станем. С вас, Шариков, сто тридцать долларов. Платите.

- Хорошенькое дело, - ответил Шариков, испугавшись, - это за что?

- За кран и за бомжа, - рявкнул вдруг Василий Васильевич, выходя из состояния иронического спокойствия.

- Василий Васильевич, - тревожно воскликнул Бирменталь.

- Подождите. За безобразие, которое вы учинили и благодаря которому сорвали прием. Платите неустойку. Это же отвечает вашим либеральным взглядам? Это же нестерпимо. Человек, как первобытный, прыгает по всей квартире, рвет краны. Кто напал на бомжа у супермаркета? Кто...

- Вы, Шариков, три дня назад укусили пациентку на лестнице, - подлетел Бирменталь.

- Вы стоите... - Рычал Василий Васильевич.

- Да она меня по лицу ударила, - взвизгнул Шариков, - у меня не принято так, чтобы каждый, кто хочет, меня по лицу бил...

- Потому что вы ее за грудь ущипнули и назвали ее сексмашиной с двумя подушками безопасности, закричал Борменталь, опрокинув бокал, - вы стоите...

- Вы стоите на самой низшей ступени развития, - перекричал его Василий Васильевич, - вы еще только формирующееся, слабое в умственном отношении существо, все ваши поступки чисто звериные, и вы в присутствии двух людей с университетским образованием позволяете себе с развязностью совершенно невыносимой давать какие-то советы космического масштаба и космической же глупости о том, как все обустроить... о том как все надо отдать частнику... А в то же время вы наглотались зубной пасты...

- Три дня назад, - подтвердил Борменталь.

- Ну, вот, - гремел Василий Васильевич, - зарубите себе на носу, кстати, почему вы стерли с него цинковую мазь? - Что вам нужно молчать и слушать, что вам говорят. Учиться и стараться стать хоть сколько-нибудь приемлемым членом общества. Кстати, какой негодяй снабдил вас этой книжкой?

- Все у вас негодяи, - испуганно ответил Шариков, оглушенный нападением с двух сторон.

- Я догадываюсь, - злобно краснея, воскликнул Василий Васильевич.

- Ну, что же. Ну, Чвондер дал. Он не негодяй... Он правозащитник... Чтоб я развивался...

- Я вижу, как вы развиваетесь после Карла Поппера, - визгливо и пожелтев, крикнул Василий Васильевич. Тут он яростно нажал на кнопку в стене.

- Сегодняшний случай показывает это как нельзя лучше. Тоня!

- Тоня! - Кричал Борменталь.

- Тоня! - Орал испуганный Шариков.

Тоня прибежала вся бледная и стояла, притопывая от страха правой ногой.

- Тоня, там в приемной... Она в приемной?

- В приемной, - покорно ответил Шариков, - черная, как уголь, в твердой обложке.

- Черная книжка...

- Вот, сразу выкидывать, - отчаянно воскликнул Шариков, - она из общественной организации, из библиотеки!

- «Открытое общество» - называется, как его... Карла, как его этого черта... Поппера... В мусорное ведро ее!

Тоня улетела.

- Я бы этого Чвондера повесил, честное слово, на первом же суку, воскликнул Василий Васильевич, яростно впиваясь в крыло жаренной курицы, - сидит изумительная дрянь в доме - как нарыв. Мало того, что он пишет всякие бессмысленные статьи в газетах...

Шариков злобно и иронически начал коситься на профессора. Василий Васильевич в свою очередь отправил ему косой взгляд и умолк.

«Ох, ничего хорошего у нас, кажется, не получится в этой квартире», - вдруг пророчески подумал Борменталь.

Тоня принесла на круглом блюде большой торт, выпечку и кофейник.

- Я не буду это есть, - сразу угрожающе и неприязненно заявил Шариков.

- Никто вас не заставляет. Держите себя прилично. Доктор, прошу вас.

В молчании закончился обед.

Шариков вытащил из кармана смятую сигарету и закурил. Выпив кофе Василий Васильевич посмотрел на часы. Он откинулся по своему обыкновению на готическую спинку и потянулся к газете на столике.

- Доктор, прошу вас, съездите с ним в бильярдную, все равно в театр или на концерт он не пойдет. Только, ради Бога, убедитесь, что поблизости нет бомжей?

- И как такую сволочь только в городе терпят, - хмуро заметил Шариков, покачивая головой.

- Ну, мало ли кого в городе терпят, - двусмысленно отозвался Василий Васильевич?

- «Старый пингвин» на Куреневке, очень приличное заведений, там бомжей и близко нет. Но проститутки и там есть, - заметил Бирменталь.

- Так. Что вы скажете относительно проституток, дорогой Шариков? - Недоверчиво спросил Василий Васильевич.

Тот обиделся.

- Что же, я не понимаю, что ли. Проститутки - это другое дело. Проститутки – они полезные, - ответил Шариков.

- Отлично. Раз полезные, поезжайте и поглядите на них. Ивана Исааковича слушаться надо. И ни в какие разговоры там не пускаться в баре! Иван Исаакович, прошу вас пива Шарикову не давать и к проституткам не пускать.

Через 10 минут Иван Исаакович и Шариков, одетый в кепку с длинным «носом» и в кожаное пальто с поднятым воротником, уехали в бильярдную. В квартире стихло. Василий Васильевич оказался в своем кабинете. Он зажег лампу под тяжелым зеленым колпаком, отчего в громадном кабинете стало очень мирно, и начал мерять шагами комнату. Долго и жарко светился кончик сигареты красным огнем. Руки профессор заложил в карманы брюк. Тяжкая дума терзала его ученый с взлизами лоб. Он причмокивал, и напевал сквозь зубы "Из ливерпульской гавани всегда по четвергам ..." И что-то бормотал. Наконец, отложил сигарету в пепельницу, подошел к шкафу, сплошь состоящему из стекла, и весь кабинет осветился тремя сильнейшими огнями с потолка. Из шкафа, с третьей стеклянной полки Василий Васильевич вынул узкую банку и стал, нахмурившись, рассматривать ее в свете огней.

В прозрачной и тяжелой жидкости плавал, не падая на дно, малый беленький комочек, извлеченный из недр Шарикова мозга. Пожимая плечами, кривя губы и хмыкая, Василий Васильевич пожирал его глазами, как будто в белом не тонущем комке хотел разглядеть причину удивительных событий, перевернувших вверх дном жизнь в печерской квартире.

Очень возможно, что высокоученый человек ее и разглядел. По крайней мере, вдоволь насмотревшись на придаток мозга, он спрятал банку в шкаф, запер его на ключ, ключ положил в карман, а сам обрушился, вдавив голову в плечи и глубочайше засунув руки в карманы пиджака, на кожу дивана.

Он долго палил вторую сигарету совершенно изжевав ее конец, и, наконец, в полном одиночестве, как седой Фауст, воскликнул:

- Ей-богу, я, кажется, решусь.

Никто ему не ответил на это. В квартире прекратились всякие звуки. На Прорезной улице в час ночи, как известно, движение затихает.

Редко-редко звучали отдаленные шаги запоздавших парочек, они постукивали где-то за шторами и угасали. В кабинете нежно звенели часы.

Профессор нетерпеливо ожидал возвращения доктора Бирменталя и Шарикова из бильярдной.

8.

Неизвестно, на что решился Василий Васильевич. Ничего особенного в течение следующей недели он не предпринимал и, может быть, вследствие его бездействия, квартирная жизнь переполнилась событиями.

Дней через десять после истории с водой и бомжом пришел почтальон и вручил Шарикову конверт с документами, которые Шариков немедленно положил в карман, после чего позвал доктора Бирменталя.

- Бирменталь!

- Нет, уж вы меня по имени и отчеству, пожалуйста, называйте! - Отозвался Бирменталь, меняясь в лице.

Нужно заметить, что в эти десять дней хирург ухитрился двенадцать раз поссориться со своим воспитанником. И атмосфера в квартире была душная.

- Ну и меня называйте по имени и отчеству! - Совершенно основательно ответил Шариков.

- Нет! - Загремел в дверях Василий Васильевич, - по такому имени и отчеству в моей квартире я вас не разрешу называть. Если вам угодно, чтобы вас перестали именовать фамильярно «Шариков», и я и доктор Бирменталь будем называть вас «товарищ Шариков».

- Я не товарищ, товарищи только в КНДР остались! - отлаял Шариков.

- Чвондерова работа! - Кричал Василий Васильевич, - ну, ладно, посчитаюсь я с этим негодяем. Не будет никого, кроме товарищей, в моей квартире, пока я в ней нахожусь! В противном случае или я или вы уйдете отсюда и, вернее всего, вы. Сегодня я помещу в газетах объявление и, поверьте, я вам найду комнату.

- Ну да, такой я дурак, чтобы я съехал отсюда, - очень четко ответил Шариков.

- Как? - Спросил Василий Васильевич и до того изменился в лице, что Бирменталь подлетел к нему и нежно и тревожно взял его за рукав.

- Вы, знаете, не наглейте, мосье Шариков! - Бирменталь очень повысил голос. Шариков отступил, вытащил из кармана три бумаги: зеленую, желтую и белую и, тыча в них пальцами, заговорил:

- Вот. Прописанный в квартире, и площадь мне полагается в квартире номер 7 у ответственного съемщика Протуберанского в шестьдесят квадратных метров, - Шариков подумал и добавил слово, которое Бирменталь машинально отметил в мозгу, как новое: «соблаговолите». Права человека нельзя нарушать, это чревато...

Василий Васильевич закусил губу и сквозь нее неосторожно вымолвил:

- Клянусь, что я этого Чвондера в конце концов застрелю. Чего он лезет не в свои дела, мало ему государственных дел, так он и сюда...

Шариков в высшей степени внимательно и остро принял эти слова, что было видно по его глазам.

- Василий Васильевич, vorsichtig... - Предостерегающе начал Бирменталь.

- Ну, уж знаете... Если уж такую подлость... - Вскричал Василий Васильевич по-русски. - Имейте в виду, Шариков... Товарищ, что я, если вы позволите себе еще одну наглую выходку, я лишу вас обеда и вообще питания в моем доме. 60 метров - это прелестно, но ведь я вас не обязан кормить по этой лягушечьей бумаге?!

Делать вы ничего не умеете, поэтому ложитесь и умирайте. Это же либерализм. Вы же либерал. Конкуренция и все такое, - это же ваши слова. А сейчас вы лишний при либерализме. Вы сами говорили про бомжей, - в лицо кричал Шарикову Василий Васильевич.

- Но я же человек, я же свой, - залепетал Шариков.

- А либерализму плевать на это, если у вас нет денег, - резко, как отрезал сказал Василий Васильевич.

- Так и быть, похороню я вас за свой счет.

Тут Шариков испугался и приоткрыл рот.

- Я без еды оставаться не могу, - забормотал он, - где же я буду питаться?

- Тогда ведите себя прилично! - В один голос заявили оба эскулапа.

Шариков значительно притих и в тот день не причинил никакого вреда никому, за исключением самого себя: пользуясь небольшой отлучкой Бирменталя, он завладел его старой бритвой и распорол себе скулы так, что Василий Васильевич и доктор Бирменталь накладывали ему на порез швы, отчего Шариков долго выл, заливаясь слезами.

Следующую ночь в кабинете профессора в зеленом полумраке сидели двое - сам Василий Васильевич и верный, привязанный к нему Бирменталь. В доме уже спали. Василий Васильевич был в своем лазоревом халате и домашних тапочках, а Бирменталь в рубашке и синих подтяжках.

Между врачами на круглом столе рядом с пухлым альбомом стояла бутылка коньяка, блюдечко с лимоном, лежали две пачки сигарет. Ученые, накурив полную комнату, с жаром обсуждали последние события: этим вечером Шариков присвоил в кабинете Василия Васильевича двадцать долларов, лежавшие под пресс-папье, пропал из квартиры, вернулся поздно и совершенно пьяный. Этого мало. С ним явились две неизвестных личности, шумевшие на парадной лестнице и которые захотели ночевать в гостях у Шарикова. Удалились означенные личности только после того, как Николай, присутствовавший при этой сцене в осеннем пальто, накинутом поверх белья, позвонил по телефону в отделение полиции. Личности мгновенно отбыли, лишь только Николай повесил трубку.

Правда неизвестно куда после ухода личностей подевалась малахитовая пепельница с подзеркальника в передней, шапка Василия Васильевича и его же ваза, на которой золотой вязью было написано: «Дорогому и уважаемому

Василию Васильевичу благодарные ординаторы в день...», Дальше шла римская цифра X».

- Кто они такие? - Наступал Василий Васильевич, сжимая кулаки, на Шарикова.

Тот, шатаясь и падая на шубы в вешалке, бормотал насчет того, что личности ему неизвестны, но они не сукины сыны какие-нибудь, а - хорошие. Что они предприниматели и вместе с ним торговали сладкой ватой и компьютерными дисками. Что они тоже зарабатывают себе стартовый капитал.

- Удивительнее всего, что ведь они же оба пьяные... Как же они ухитрились? Как они в таком состоянии умудряются зарабатывать? - Поражался Василий Васильевич, глядя на столик в прихожей, где некогда помещалась память о юбилее.

- Специалисты, - объяснил Николай, удаляясь спать с пятью долларами в кармане.

От двадцати долларов Шариков категорически отперся и при этом выговорил что-то неявственное насчет того, что вот, мол, он не один в квартире.

- Ага, быть может, это доктор Бирменталь свистнул доллары?

Осведомился Василий Васильевич тихим, но страшным по оттенку голосом, с глубоким подтекстом.

Шариков качнулся, крутанул головой, открыл совершенно посоловевшие глаза и высказал предположение:

- А может быть, Тонька взяла...

- Что такое?.. - закричала Тоня, появившись в дверях как привидение, прикрывая на груди расстегнутую кофточку ладонью, - да как он...

Шея Василий Васильевич налилась красным цветом, на ней вздулись вены.

- Спокойно, Тонечка, - молвил он, простирая к ней руку, - не волнуйся, мы сейчас разберемся.

Тоня немедленно заревела, распустив губы, слезы покатились как из пипетки, подпрыгивая на носе и губах, ладонь запрыгала у нее на ключице.

- Тоня, как вам не стыдно? Кто же такое про вас такое может подумать? Фу, просто стыдно! - заговорил Бирменталь растерянно.

- Ну, Тоня, ты - дура, прости господи, - начал было Василий Васильевич.

Но тут Тонин плач прекратился сам собой и все умолкли, уставившись на Шарикова. Шарикову стало нехорошо. Стукнувшись головой об стену он издал звук - не то «и», не то «е» - вроде «эээ». Он пополз по стене расставляя ноги и сгибая голову набок. Лицо его побледнело, судорожно задвигалась челюсть.

- Ведро ему, негодяю, из смотровой дать!

И все забегали, ухаживая за заболевшим Шариковым. Когда его отводили спать, он, пошатываясь в руках Бирменталя, очень нежно и мелодически ругался скверными словами, выговаривая их с трудом, но любя. Некоторые у него не хватало сил выговорить, но он не сдавался, пока у него не получалось.

Вся эта история произошла около часу ночи, а теперь было часа 3 пополуночи, но двое в кабинете бодрствовали, взвинченные коньяком с лимоном. Накурили они до того, что дым двигался густыми медленными

плоскостями, даже не колыхаясь, но постепенно поднимаясь все выше трамбуясь в плотные слои.

Доктор Борменталь, бледный, с очень решительными глазами, поднял рюмку со стрекозиной талией.

- Василий Васильевич, - прочувственно воскликнул он, - я никогда не забуду, как я полуголодным студентом явился к вам, и вы приютили меня при кафедре. Как я не имел денег на обучения, а вы все-таки выбили для меня дополнительное бюджетное место. Поверьте, Василий Васильевич, вы для меня гораздо больше, чем профессор, учитель... Мое безмерное уважение к вам... Преклонение... Уважение... Позвольте вас поцеловать, дорогой Василий Васильевич.

- Да, голубчик, мой... Потому что вы талантливый молодой человек, я просто был обязан... Вот... - Растерянно промычал Василий Васильевич и поднялся навстречу. Борменталь его обнял и поцеловал в лоб.

- Ей-богу, Василий Васи...

- Так растрогали, так растрогали... Спасибо вам, - говорил Василий Васильевич, - голубчик, я иногда на вас ору на операциях. Уж простите стариковскую вспыльчивость. В сущности ведь я так одинок... «Из ливерпульской гавани всегда по четвергам...»

- Василий Васильевич, не стыдно ли вам?.. - Искренно воскликнул пламенно Борменталь, поднимая правую руку к небу как будто хотел перекрестить Василия Васильевича - если вы не хотите меня обижать, не говорите мне больше таким образом...

- Ну, спасибо вам... «К берегам священным Нила...» Спасибо... И я вас полюбил как способного врача.

- Василий Васильевич, я вам говорю!.. - Страстно воскликнул Борменталь, он вдруг сорвался с места, плотнее прикрыл дверь ведущую в коридор и, вернувшись, продолжал шепотом, - ведь это - единственный выход. Я не смею вам, конечно, давать советы, но, Василий Васильевич, посмотрите на себя, вы совершенно замучились, ведь так нельзя же больше работать!

- Абсолютно невозможно, - вздохнув, подтвердил Василий Васильевич.

- Ну, вот, это же немыслимо, - шептал Борменталь, - в прошлый раз вы говорили, что боитесь за меня, если бы вы знали, дорогой профессор, как вы меня этим тронули. Но ведь я же не мальчик и сам соображаю, насколько это может получиться ужасная штука. Но по моему глубокому убеждению, другого выхода нет.

Василий Васильевич встал, замахал на него руками и воскликнул:

- И не соблазняйте, даже и не говорите, - профессор заходил по комнате, разгоняя дымные волны, - и слушать не буду. Понимаете, что получиться, если нас накроют. Ведь у вас нет подходящего статуса и положения в обществе, мой дорогой? Вы же не сын прокурора, народного депутата, главы администрации президента, вы даже не дочка вице-спикера парламента, в конце концов. Ну, хотя бы полицейский чин или депутат районного масштаба, или хотя бы работник санэпидемстанции районного масштаба!

- Какой там черт! Отец был идейным комсомольским работником в Шепетовке - горестно ответил Борменталь, допивая коньяк, и не пошел в

коммерцию создавать банки и корпорации, используя свое положением в комсомоле.

- Ну вот, вот видите. Ведь вам отсюда и отсутствие вашего статуса и возможностей. А взятки? Вы знаете, как правда сегодня поднялась в цене? Рыночные механизмы спроса и предложения также являются основными факторами в формировании стоимости «правды» в демократическом обществе, и именно они определяют ее цену. У вас есть такие деньги? У вас в семье олигархи были?

- Пакостнее и представить себе ничего нельзя. Впрочем, виноват, у меня еще хуже. Отец - слесарь. Мерси. «Из ливерпульской гавани всегда по четвергам...» А сейчас, вы же знаете, рабочих и простой народ называют не иначе как «биомассой». Это же негры нашего времени. Вот, черт его побери.

- Василий Васильевич, вы - величина мирового значения, и из-за какого-то извините за выражение, сукиного сына... Да разве они могут вас тронуть, помилуйте! Даже Европа испугается трогать вас!!! Даже общественные демократические организации и те не посмеют осудить вас!!!

- Тем более, не пойду на это, - задумчиво возразил Василий Васильевич, останавливаясь и озираясь на стеклянный шкаф.

- Да почему?

- Потому что вы-то ведь не величина мирового значения.

- Где уж...

- Ну вот. А бросать коллегу, товарища в случае беды, самому же выскочить на мировом значении, простите... Нас не так раньше учили. Я – бывший советский студент, а не Шариков-предприниматель. А мы своих товарищей в беде не бросали.

Василий Васильевич горделиво поднял плечи и сделался похож на древнего французского короля.

- Василий Васильевич, эх... - Горестно воскликнул Бирменталь, - значит, что же? Теперь вы будете ждать, пока удастся из этого хулигана сделать человека?

Василий Васильевич жестом руки остановил его, налил себе коньяку, хлебнул, пососал лимон и заговорил:

- Иван Исаакович, как по-вашему, я понимаю хоть что-нибудь в анатомии и физиологии, ну скажем, человеческого мозгового аппарата? Какое ваше мнение?

- Василий Васильевич, что вы спрашиваете! - С большим чувством ответил Бирменталь и развел руками в стороны как бы раздвигая гармошку.

- Ну, хорошо. Без ложной скромности. Я тоже полагаю, что в этом я не самый последний человек в нашей стране.

- А я полагаю, что вы - первый не только в нашей стране, а и в Европе и в мире! - яростно перебил Бирменталь.

- Ну, ладно, пусть будет так. Ну, так вот, будущий профессор Бирменталь: это никому не удастся. Можете и не спрашивать. Так и сошлитесь на меня, скажите, Протуберанский сказал. Финита, Васькин! - Вдруг торжественно воскликнул Василий Васильевич и шкаф ответил ему звоном, - Васькин, - повторил он. - Вот что, Бирменталь, вы первый ученик моей школы и, кроме

того, мой друг, как я убедился сегодня. Так вот вам как другу, сообщу по секрету, - конечно, я знаю, вы не будете срамить меня - старый осел Протуберанский нарвался на этой операции как третьекурсник. Правда, открытие получилось, вы сами знаете - какое, - тут Василий Васильевич горестно указал обеими руками на оконную штору, очевидно, намекая на местную и мировую прессу, общественность, научный мир - но только имейте в виду, Иван Исаакович, что единственным результатом этого открытия будет то, что все мы теперь будем иметь этого Шарикова вот где, - здесь, Протуберанский похлопал себя по крутой и склонной к параличу шее, будьте спокойны! Если бы кто-нибудь, - сладострастно продолжал Василий Васильевич, - разложил меня здесь и выпорол, - я бы, клянусь, заплатил бы долларов пять!

«Из ливерпульской гавани всегда по четвергам...» Черт меня возьми... Ведь я пять лет сидел, выковыривал придатки из мозгов... Вы знаете, какую я работу проделал – уму непостижимо. И вот теперь, спрашивается - зачем? Чтобы в один прекрасный день милейшего пса превратить в такую мразь, что волосы дыбом встают.

- Исключительное что-то.

- Совершенно с вами согласен. Вот, доктор, что получается, когда исследователь вместо того, чтобы идти параллельно и ощупью с природой, форсирует вопрос и приподнимает завесу: на, получай Шарикова и ешь его с кашей.

- Василий Васильевич, а если бы мозг Спинозы?

- Да! - Рявкнул Василий Васильевич. - Да! Если только злосчастная собака не помрет у меня под ножом, а вы видели - какого сорта эта операция. Одним словом, я - Василий Протуберанский, ничего труднее не делал в своей жизни. Можно привить гипофиз Спинозы или еще какого-нибудь такого лешего и соорудить из собаки чрезвычайно высокостоящего. Но на какого дьявола? - Спрашивается. Объясните мне, пожалуйста, зачем нужно искусственно фабриковать Спиноз, когда любая баба может его родить когда угодно. Ведь родила же в Холмогорах мадам Ломоносова этого своего знаменитого... типа великого... Доктор, человечество само заботится об этом и в эволюционном порядке каждый год упорно, выделяя из массы всякой мрази, создает десятками выдающихся гениев, украшающих земной шар. Теперь вам понятно, доктор, почему я опорочил ваш вывод в истории Шариковской болезни. Мое открытие, черти б его съели, с которым вы носитесь, стоит ровно один ломаный грош... Да, не спорьте, Иван Исаакович, я ведь уже понял. Я же никогда не говорю на ветер, вы это отлично знаете. Теоретически это интересно. Ну, ладно! Физиологи и философы в восторге. Мир беснует... Ну, а практически, что? Кто теперь перед вами? Протуберанский указал пальцем в сторону смотровой, где почивал Шариков:

- Исключительный прохвост. Любитель денег и женщин. Но кто он? Васькин, Васькин, - крикнул профессор, - Александр Аркадьевич Васькин (Бирменталь открыл рот) - вот что: три судимости, алкоголизм, «все отдать частнику», шапка и двадцать долларов пропали (тут Василий Васильевич вспомнил юбилейную вазу и побагровел) - хам и свинья... Ну, эту вазу я найду.

Одним словом, гипофиз - закрытая камера, определяющая человеческое данное лицо. Данное! "Из ливерпульской гавани всегда по четвергам...» - Свирепо вращая глазами, кричал Василий Васильевич, - а не общечеловеческое. Это - в миниатюре - сам мозг. И мне он совершенно не нужен, ну его ко всем свиньям. Я заботился совсем о другом, об евгенике, об улучшении человеческой породы. И вот на омоложении нарвался.

- Неужели вы думаете, что из-за денег я обслуживаю их? Ведь я же все-таки ученый.

- Вы великий ученый, вот кто! - Молвил Бирменталь, глотая коньяк. Глаза его налились кровью.

- Я хотел проделать маленький опыт, после того, как два года тому назад впервые получил из гипофиза вытяжку полового гормона. И вместо этого что же получилось? Боже ты мой! Этих гормонов в гипофизе, о господи... Доктор, передо мной - тупая безнадежность, я клянусь, потерялся.

Бирменталь вдруг засучил рукава и произнес, кося глазами к носу:

- Тогда вот что, дорогой учитель, если вы не желаете, я сам на свой риск накормлю его мышьяком. Черт с ним, что папа мой не депутат. Ведь в конце концов - это ваше собственное экспериментальное существо.

Василий Васильевич потух, обмяк, завалился в кресло и сказал:

- Нет, я не позволю вам этого, милый мальчик. Мне 65 лет, я вам могу давать советы. На преступление не идите никогда, против кого бы оно ни было направлено. Доживите до старости с чистыми руками даже в бедности, но с чистыми руками.

- Василий Васильевич, да если его еще обработает этот Чвондер, что ж из него получится?! Боже мой, я только теперь начинаю понимать, что может выйти из этого Шарикова!

- Ага! Теперь поняли? А я понял через десять дней после операции. Ну так вот, Чвондер и есть самый главный дурак. Он не понимает, что Шариков для него более грозная опасность, чем для меня. Ну, сейчас он всячески старается натравить его на меня, не соображая, что если кто-нибудь в свою очередь натравит Шарикова на самого Чвондера, то от него останутся только рожки да ножки.

- Еще бы! Одни бомжи чего стоят! Человек с собачьим сердцем.

- О нет, нет, - протяжно ответил Василий Васильевич, - вы, доктор, делаете крупнейшую ошибку, ради Бога не клевещите на пса. Бомжи – это временно... Это вопрос дисциплины и двух-трех недель. Уверяю вас. Еще какой-нибудь месяц-два, и он перестанет на них кидаться, а начнет скрывать свои чувства к ним.

- А почему не теперь?

- Иван Исаакович, это элементарно... Это же слепая, слабо контролируемая социальная злость, ненависть и страх, которые ему пока не удается скрыть и которые присутствуют у любого частника. Он как бывший Васькин, как бывший предприниматель, в крупной форме его можно назвать капиталистом, боится и презирает простой народ, и бомжей, и рабочих и т.д. потому что он их использует, высасывает из них, их детей, их родителей все силы с помощью конкуренции и повышения производительности труда,

управляет их жизнями, перспективой, будущим, от него зависит будущее их детей и все это для собственного, личного блага и обогащения, без контроля со стороны государства, прикрываясь идеалами демократии, свободы, равенства, соответственно.

Все что раньше лично имели бомжи, безработные, наркоманы, проститутки, бедняки, а также вся недвижимость, заводы, банки все это сейчас у демократа-предпринимателя, все это он хитрым образом забрал у всех этих людей, при этом погубив массу народу. А оставшихся превратил в суррогат человека, кем и являются на самом деле бомжи, проститутки, безработные и другие простые люди, кто каждый день борется за свое выживание. Он каждую минуту боится, что они это поймут и как цыпленку свернут ему шею. Это животный страх, который постоянно преследует его, и не верьте никому, что простым людям нравится демократия. Это - обман.

До последней степени взвинченный Бирменталь сжал сильные худые руки в кулаки, повел плечами, твердо молвил:

- Кончено. Я его убью!

- Запрещаю это! - Категорически ответил Василий Васильевич.

- Да как же...

Василий Васильевич вдруг насторожился, поднял палец.

- Погодите-ка... Мне шаги послышались.

Оба прислушались, но в коридоре было тихо.

- Показалось, - молвил Василий Васильевич и с жаром заговорил по-немецки в его словах несколько раз звучало русское слово «уголовщина».

- Минуточку, - вдруг насторожился Бирменталь и шагнул к двери. Шаги слышались явственно и приблизились к кабинету. Кроме того, бубнил чей-то голос, Бирменталь распахнул двери и отпрянул в изумлении. Совершенно пораженный Василий Васильевич застыл в кресле.

В освещенном четырехугольнике коридора предстала в одной ночной сорочке Дарья Филипповна с пылающим лицом разгоряченного боем индейца. И врача и профессора ослепило обилие мощного и, как от страху показалось обоим, совершенно голого тела. В могучих руках Дарья Филипповна волокла что-то, и это «что-то», упираясь, садилось на зад и небольшие его ноги, покрытые черным пухом, заплетались по паркету. «Что-то», конечно, оказалось Шариковым, совершенно потерянным, все еще пьяненьким, разлохмаченным и в одной рубашке.

Дарья Филипповна, грандиозная и «нагая», встряхнула Шарикова, как мешок с картофелем, и произнесла такие слова:

- Полюбуйтесь, товарищ профессор, на нашего визитера Апельсина Апельсиновича. Я замужем была, а Тоня - невинная девушка. Хорошо, что я проснулась.

Окончив эту речь, Дарья Филипповна впала в состояние стыда, вскрикнула, закрыла грудь руками и унеслась.

- Дарья Филипповна, извините ради Бога, - опомнившись, крикнул ей вслед красный Василий Васильевич.

Бирменталь повыше засучил рукава рубашки и двинулся к Шарикову. Василий Васильевич заглянул ему в глаза и ужаснулся.

- Что вы, доктор! Я запрещаю...

Борменталь правой рукой взял Шарикова за шиворот и тряхнул его так, что ткань на рубашке спереди треснуло.

Василий Васильевич бросился наперерез и стал выдирать щуплого Шарикова из цепких хирургических рук.

- Вы не имеете права биться! - кричал полузадушенный Шариков, садясь наземь и трезвея.

- Доктор! - Вопил Василий Васильевич.

Борменталь несколько пришел в себя и выпустил Шарикова, после чего тот сейчас же захныкал.

- Ну, ладно, - прошипел Борменталь, - подождем до утра. Я ему устрою бенефис, когда он протрезвится.

Тут он ухватил Шарикова под мышки и поволок его в приемную спать.

При этом Шариков сделал попытку брыкаться, но ноги его не слушались.

Василий Васильевич растопырил ноги, отчего лазоревые полы разошлись, возвел руки и глаза к потолочной лампе в коридоре и молвил к Богу:

- Ну-ну...

Бенефис Шарикова, обещанный доктором Борменталем на следующее утро, не состоялся, по той причине, что Аполлинарий Аполлинарьевич исчез из дома.

Борменталь пришел в яростное отчаяние, обругал себя ослом за то, что не спрятал ключ от парадной двери, кричал, что это непростительно, и кончил пожеланием, чтобы Шариков попал под автобус. Василий Васильевич сидел в кабинете, запустив пальцы в волосы, и говорил:

- Воображаю, что будет твориться на улице... Воображаа-ю. «Из ливерпульской гавани всегда по четвергам ...», Боже мой.

- Он у Чвондера еще может быть, - бесновался Борменталь и куда-то бегал. Там он поругался с Чвондером до того, что тот сел писать заявление в Печерский районный суд, крича при этом, что он не сторож питомца профессора Протуберанского, тем более, что этот питомец Аполлинарий вчера, оказался прохвостом, взяв в «Демократических перспективах» якобы на покупку учебников 20 долларов.

Николай, заработавший на этом деле пять долларов, обыскал весь дом сверху до низу. Нигде никаких следов Шарикова не было.

Выяснилось только одно - что Аполлинарий отбыл на рассвете в кепке, в шарфе и пальто, захватив с собой бутылку водки в буфете, перчатки доктора Борменталя и все свои документы. Дарья Филипповна и Тоня, не скрывая, выразили свою бурную радость и надежду, что Шариков больше не вернется. У Дарьи Филипповны Шариков занял накануне четыре доллара.

- Так вам и надо! - Рычал Василий Васильевич, потрясая кулаками.

Целый день звенел телефон, звенел телефон и на другой день. Врачи принимали необыкновенное количество пациентов, а на третий день вплотную встал вопрос о том, что нужно дать знать в полицию, каковая должна разыскать Шарикова, хоть в омуте, хоть в реке, но разыскать.

И только как было произнесено слово «полиция», как во двор печерского дома въехала машина. Затем прозвучал уверенный звонок, и Аполлинарий

Аполлинарьевич вошел с необычайным достоинством, в полном молчании снял кепку, пальто повесил на вешалку и предстал в новом образе.

На нем был неплохой серый костюм и все те же блестящие ботинки. Тяжелый и сырой запах сразу расплылся по всей передней. Протуберанский и Бирменталь точно по команде скрестили руки на груди, стали у притолоки и ожидали от Аполлинария Аполлинарьевича первых сообщений. Он пригладил жесткие волосы, кашлянул и осмотрелся так, что видно было: смущение Аполлинарий желает скрыть при помощи развязности.

- Я, Василий Васильевич, - начал он наконец говорить, - на работу устроился.

Оба врача издали неопределенный сухой звук горлом и шевельнулись. Протуберанский опомнился первый, протянул руку и молвил:

- Покажите бумагу.

В удостоверении было написано: «Удостоверение, Аполлинарий Аполлинарьевич Шариков, заведующий отделом по работе с малообеспеченными слоями населения Печерского района».

- Так, - тяжело молвил Василий Васильевич, - кто же вас устроил? Ах, впрочем я и сам догадываюсь.

- Ну, да, Чвондер, - ответил Шариков. Но, все было демократически, я выиграл конкурс среди многих кандидатур, специальная конкурсная комиссия выбрала меня…

- Это все ясно, это все демократическая профанация… олигархи создают совместные комиссии, чтоб не ругаться и договориться, кого назначить на хлебные, коррупционные должности и создать видимость справедливости… Но, разрешите вас спросить - почему от вас так отвратительно пахнет?

Шариков понюхал куртку озабоченно.

Ну, что ж, пахнет... Ясно почему: по специальности. Вчера бомжей ловили и распределяли, ловили и распределяли... – Шариков сжал кулак и посмотрел на него, а потом резко начал трясти им у себя перед носом, - вот они у меня где, вот где они у меня теперь будут, - он неистово дергал кулаком и скалился на него.

Василий Васильевич вздрогнул и посмотрел на Бирменталя. Глаза у того напоминали два черных дула, направленных на Шарикова в упор. Без всяких предисловий он двинулся к Шарикову и легко и уверенно и как-то даже привычно взял его за глотку.

- Помогите - Пискнул Шариков, бледнея.

- Доктор!

- Ничего плохого я ему не сделаю, Василий Васильевич, - не беспокойтесь, - железным голосом отозвался Бирменталь и завопил: - Тоня, Дарья Филипповна!

Те тот час появились в передней.

- Ну, повторяйте, - сказал Бирменталь и чуть-чуть придушил горло Шарикова, - извините меня...

- Ну, хорошо, повторяю, - сиплым голосом ответил совершенно пораженный Шариков, вдруг набрал воздуху, дернулся и попытался крикнуть «помогите», но крик не вышел.

- Доктор, умоляю вас.

Шариков закивал головой, давая знать, что он покоряется и будет повторять.

- ...Извините меня, многоуважаемая Дарья Филипповна и Антонина..?

- Григорьевна, - шепнула испуганно Тоня.

- Уф, Григорьевна... - Говорил, перехватывая воздух, охрипший Шариков, - ...Что я позволил себе...

- Себе гнусную выходку ночью в состоянии опьянения.

- Опьянения...

- Никогда больше не буду...

- Не бу...

- Пустите, пустите его, Иван Исаакович, - взмолились одновременно обе женщины, - вы его задушите.

Бирменталь выпустил Шарикова на свободу и сказал:

- Машина вас ждет?

- Нет, - почтительно ответил Полиграф, - она только меня привезла.

- Теперь имейте в виду следующее: вы опять вернулись в квартиру Василия Васильевича?

- Куда же мне еще? - Робко ответил Шариков, блуждая глазами.

- Отлично. Быть тише воды, ниже травы. В противном случае за каждую безобразную выходку будете иметь дело со мною. Понятно?

- Понятно, - ответил Шариков.

Василий Васильевич во все время насилия над Шариковым хранил молчание. Он как-то жалко он съежился, потупив глаза в паркет. Потом вдруг спросил Шарикова, глухо и как-то автоматически:

- Что же вы делаете с этими... С бомжами?

- А на постройку дач для олигархов поедут, - ответил Шариков, - тех, что пострашнее цыганам продадим.

После этого в квартире настала тишина, которая продолжалась двое суток. Аполлинарий Аполлинарьевич утром уезжал на машине, появлялся вечером, тихо ужинал в компании Василия Васильевича и Бирменталя.

Несмотря на то, что Бирменталь и Шариков спали в одной комнате-приемной, они не разговаривали друг с другом.

Дня через два в квартире появилась худенькая с подрисованными глазами девушка, которая очень удивилась при виде великолепия квартиры. В простой куртке она шла следом за Шариковым и в передней столкнулась с профессором.

Тот оторопелый остановился, прищурился и спросил:

- А что вы здесь делаете?

- Я с ней расписываюсь, это моя секретарша, жить со мной будет. Бирменталя надо будет выселить из приемной. У него своя квартира есть, - крайне неприязненно и хмуро пояснил Шариков.

Василий Васильевич поморгал глазами, подумал, глядя на побагровевшую барышню, и очень вежливо пригласил ее.

- Я вас попрошу на минуточку зайти ко мне в кабинет.

- И я с ней пойду, - быстро и подозрительно молвил Шариков.

И тут моментально и очень вовремя вынырнул как из-под земли Борменталь.

- Извините, - сказал он, - профессор побеседует с девушкой, а мы уж с вами побудем здесь.

- Я не хочу, - злобно отозвался Шариков, пытаясь устремиться вслед за засмущавшейся девушкой и Василием Васильевичем.

- Нет, простите, - Борменталь взял Шарикова за кисть руки и они пошли в смотровую.

Минут пять из кабинета ничего не слышалось, а потом вдруг глухо донеслись рыдания девушки.

Василий Васильевич стоял у стола, а девушка плакала в маленький платочек.

- Он сказал, что был ранен на Донбассе, - рыдала барышня.

- Лжет, - непреклонно отвечал Василий Васильевич, он покачал головой и продолжал, - мне вас искренне жаль, но нельзя же так с первым встречным только из-за служебного положения, квартиры, денег... Детка, ведь это безобразие. Вот что... Он открыл ящик письменного стола и вынул три бумажки по десять долларов.

- Я отравлюсь, - плакала девушка, - я не выдержу больше, дома работы нет, тут жилья нет, зарплаты хватает только на самое необходимое, глава районной администрации тоже пристает... И этот Шариков угрожает... Говорит, что он олигарх... Со мною, говорит, будешь жить в роскошной квартире... Каждый день аванс... Психика у меня добрая, говорит, я только бомжей ненавижу... Он у меня кольцо на память мамино взял...

- Ну, ну, ну, - психика добрая... «Из ливерпульской гавани всегда по четвергам...», а откуда вы родом? - спросил Василий Васильевич, - нужно перетерпеть - вы еще так молоды...

- Из города Кривой Рог: шахты закрыты, заводы закрыты, работы нет, я не хочу идти в проститутки - рыдала девушка.

- Ну, берите деньги, когда дают взаймы, - рявкнул Василий Васильевич.

Затем торжественно распахнулись двери и Борменталь по приглашению Василия Васильевича ввел Шарикова. Тот бегал глазами по комнате, и шерсть на голове у него возвышалась, как щетка.

- Подлец, - выговорила девушка, сверкая заплаканными размазанными глазами и полосатым напудренным носом.

- Отчего у вас шрам на лбу? Объясните девушке, вкрадчиво спросил Василий Васильевич.

Шариков сыграл ва-банк:

- Я на Донбассе был ранен, - пролаял он.

Девушка встала и с громким плачем вышла.

- Перестаньте! - Крикнул вслед Василий Васильевич, - Подождите, колечко позвольте, - сказал он, обращаясь к Шарикову.

Тот покорно снял с пальца дутое колечко с изумрудом.

- Ну, ладно, - вдруг злобно сказал он, - я тебе припомню. Завтра я тебе устрою аттестацию и оптимизацию кадров.

- Не бойтесь его, - крикнул вслед Бирменталь, - я ему не позволю ничего сделать. - Он повернулся и поглядел на Шарикова так, что тот попятился и стукнулся затылком о шкаф.

- Как ее фамилия? - Спросил у него Бирменталь. - Фамилия! - Заревел он и вдруг стал дик и страшен.

- Васнецова, - ответил Шариков, ища глазами, как бы улизнуть.

- Ежедневно, - взявшись за лацкан шариковской куртки, выговорил Бирменталь, - сам лично буду спрашивать в Печерской райадминистрации - не сократили ли гражданку Васнецову, не отправили ли гражданку Васнецову на переаттестацию, не попала ли она под оптимизацию кадров. И если только вы... Узнаю, что сократили, я вас... Собственными руками здесь же пристрелю. Берегитесь, Шариков, - говорю вам русским языком!

Шариков, не отрываясь, смотрел на бирменталевский нос.

- У самих пушки найдутся... - Пробормотал Аполлинарий, но очень вяло и вдруг, изловчившись, брызнул в дверь.

- Берегитесь! - Донесся ему вдогонку бирменталевский крик.

- Чтоб тебя всю жизнь лечили по телемедицине, - в ответ ему донеслось из далека от Шарикова.

9.

Ночью и половину следующего дня висела, как туча перед грозой, тишина. Все молчали. Но на следующий день, когда Аполлинарий Аполлинарьевич, которого утром кольнуло скверное предчувствие, мрачный уехал на машине к месту службы, профессор Протуберанский неожиданно принял одного из своих прежних пациентов, толстого и рослого человека высокопоставленного работника прокуратуры. Он настойчиво добивался встречи и добился своего. Войдя в кабинет, он вежливо щелкнул каблуками к профессору.

- У вас боли возобновились? - Спросил осунувшийся Василий Васильевич, - садитесь, пожалуйста.

- Спасибо. Нет, профессор, - ответил гость, я вам очень признателен..., вы мне очень помогли.., в самом деле вы меня спасли просто… Гм... Я приехал к вам по другому делу, Василий Васильевич... Питая большое уважение... Как вы мне помогли... Гм... Предупредить. Явная ерунда. Просто он прохвост... - Пациент полез в портфель и вынул бумагу, - хорошо, что мне непосредственно доложили...

Василий Васильевич оседлал нос пенсне поверх очков и принялся читать. Он долго бормотал про себя, меняясь в лице каждую секунду. «...А также угрожая убить исполнительного директора общественной демократической организации «Демократические перспективы» господина Чвондера В.Р. из чего видно, что хранит огнестрельное оружие. Постоянно выступает с критикой основ демократического общества и государства, даже Карла Поппера приказал своей сожительнице Антонине Григорьевне Федоренко, выбросить в мусорное ведро, что явно указывает, на то, что он поддерживает старые тоталитарные

порядки и принципы, вместе со своим ассистентом Бирменталем Иваном Исааковичем, который тайно проживает у него в квартире.

Подпись Аполлинарий Аполлинарьевич Шариков, заведующий отделом по работе с малообеспеченными слоями населения Печерского района.

- Вы позволите мне это оставить у себя? - Спросил Василий Васильевич, покрываясь пятнами, - или, может быть, это вам нужно, чтобы дать законный ход делу?

- Извините, профессор, - очень обиделся пациент, и раздул ноздри, - вы действительно очень уж презрительно смотрите на нас. Я... - И тут он стал надуваться, как петух.

- Ну, извините, извините! - Забормотал Василий Васильевич, простите, я право, не хотел вас обидеть. Не сердитесь, меня он так задергал...

- Я думаю, - совершенно отошел пациент, - но какая все-таки дрянь!

Любопытно было бы взглянуть на него. Прямо легенды какие-то про вас рассказывают...

Василий Васильевич только отчаянно махнул рукой. Тут пациент разглядел, что профессор сгорбился и даже как будто больше поседел за последнее время.

******

Преступление созрело и упало, как спелое яблоко с дерева.

С нехорошим предчувствием вернулся Аполлинарий Аполлинарьевич. Голос Василий Васильевич пригласил его в смотровую. Удивленный Шариков пришел и с неясным страхом вглянул на Бирменталя, а затем на Василия Васильевича. Туча ходила вокруг ассистента и левая его рука с сигаретой чуть вздрагивала на блестящей ручке акушерского кресла.

Василий Васильевич спокойно, но очень зловеще сказал:

- Сейчас заберите вещи: брюки, пальто, все, что вам нужно, - и вон из квартиры!

- Как это так? - Искренне удивился Шариков.

- Вон из квартиры – сегодня же, - монотонно повторил Василий Васильевич, щурясь на свои ногти.

Какой-то нечистый дух вселился в Аполлинария Аполлинарьевича, очевидно, погибель уже караулила его и рок стоял у него за плечами. Он сам бросился в объятия неизбежного и гавкнул злобно и отрывисто:

- Да что это такое в самом деле! Что, я управы, что ли, не найду на вас? Да у меня друзья в налоговой и прокуратуре. Я на 60 метрах здесь сижу и буду сидеть.

- Убирайтесь из квартиры, - задушенно прошептал Василий Васильевич.

Шариков сам пригласил свою смерть. Он поднял левую руку и показал Василию Васильевичу обкусанный с нестерпимым запахом - шиш. А затем правой рукой, по адресу опасного Бирменталя, из кармана вынул пистолет.

Папироса Бирменталя упала падучей звездой, а через несколько секунд прыгающий по битым стеклам Василий Васильевич в ужасе метался от шкафа к кушетке. На ней распростертый и хрипящий лежал заведующий отделом по

работе с малообеспеченными слоями населения Печерского района, а на груди у него помещался хирург Борменталь и душил его беленькой маленькой подушкой.

Через несколько минут доктор Борменталь с не своим лицом вышел на лестничную площадку и рядом с кнопкой звонка наклеил записку:

«Сегодня приема по случаю болезни профессора - нет. Просят не беспокоить звонками».

Блестящим перочинным ножичком он перерезал провод звонка, в зеркале осмотрел поцарапанное и изодранное в кровь свое лицо, мелкой дрожью прыгающие руки. Затем он появился в дверях кухни и настороженным голосом Тоне и Дарье Филипповне сказал:

- Профессор просит вас никуда не уходить из квартиры.

- Хорошо, - робко ответили Тоня и Дарья Филипповна.

- Позвольте мне запереть дверь на черный ход и забрать ключ, - заговорил Борменталь, прячась за дверь в стене и прикрывая ладонью лицо – это временно, не из недоверия к вам. Но кто-нибудь придет, а вы не выдержите и откроете, а нам нельзя мешать. Мы заняты.

- Хорошо, - ответили женщины и сейчас же стали бледными. Борменталь запер черный ход, запер парадный, запер дверь из коридора в переднюю и шаги его пропали у смотровой.

Тишина покрыла квартиру, заползла во все углы. Полезли сумерки, скверные, настороженные, одним словом мрак. Правда, впоследствии соседи через двор говорили, что будто бы в окнах смотровой, выходящих во двор, в этот вечер горели все огни, и даже будто бы они видели белый колпак самого профессора... Проверить трудно. Правда, и Тоня, когда все уже кончилось, болтала, что в кабинете у камина после того, как Борменталь и профессор вышли из смотровой, ее до смерти напугал Иван Исаакович. Якобы он сидел в кабинете на корточках и жег в камине собственноручно тетрадь в синей обложке из той пачки, в которой записывались истории болезни профессорских пациентов. Лицо будто бы у доктора было совершенно зеленое и все, ну, все... вдребезги исцарапанное. И Василий Васильевич в тот вечер сам на себя не был похож. И еще что... Впрочем, может быть, невинная девушка из печерской квартиры и врет...

За одно можно поручиться: в квартире в этот вечер была полнейшая и ужаснейшая тишина.

10. Эпилог

Ночь в ночь через десять дней после сражения в смотровой в квартире профессора Протуберанского, что на Прорезной улице, ударил резкий звонок.

- Уголовный розыск и следователь. Открывайте.

Забегали шаги, застучали, стали входить, и в сверкающей от огней приемной с заново застекленными шкафами оказалась масса народу. Двое в полицейской форме, один в кожаном пальто, с портфелем, и злорадный и

бледный исполнительный директор общественной организации «Демократические перспективы» Чвондер, юноша-женщина, сантехник Николай, Тоня, Дарья Филипповна и полуодетый Бирменталь, стыдливо прикрывающий горло без галстука.

Дверь из кабинета пропустила Василия Васильевича. Он вышел в известном всем лазоревом халате и своих любимых домашних тапочках, тут же все сразу могли убедиться, что Василий Васильевич очень поправился за последнюю неделю. Как прежде властный и энергичный, Василий Васильевич, полный достоинства, предстал перед ночными гостями и извинился, что он в халате.

- Не стесняйтесь, профессор, - очень смущенно отозвался человек в штатском, затем он замялся и заговорил.

- Очень неприятно. У нас есть ордер на обыск в вашей квартире и, - человек покосился на усы Василия Васильевича и докончил, и арест, в зависимости от результата.

Василий Васильевич прищурился и спросил:

- А по какому обвинению, и кого?

Человек почесал щеку и стал вычитывать по бумажке из портфеля.

- По обвинению Протуберанского, Бирменталя, Антонины Федоренко и Дарьи Филипповны в убийстве заведующего отделом по работе с малообеспеченными слоями населения Печерского района Аполлинария Аполлинарьевича Шарикова.

Рыдания Тони покрыли конец его слов. Произошло движение.

- Ничего я не понимаю, - ответил Василий Васильевич, по-королевски вздергивая плечи, - какого такого Шарикова? Ах, виноват, этого моего пса... Которого я оперировал?

- Простите, профессор, не пса, а когда он уже был человеком. Вот в чем дело.

- То есть он говорил? - Спросил Василий Васильевич, - это еще не значит быть человеком. Впрочем, это не важно. Шарик и сейчас существует, и никто его решительно не убивал.

- Профессор, - очень удивленно заговорил черный человек и поднял брови, - тогда его придется показать. Десять день, как пропал, а данные, извините, очень нехорошие.

- Доктор Бирменталь, пожалуйста, предъявить Шарика следователю, приказал Василий Васильевич, овладевая ордером.

Доктор Бирменталь, криво улыбнувшись, вышел.

Когда он вернулся и посвистал, за ним из двери кабинета выскочил пес странного качества. Пятнами он был лыс, пятнами на нем отрастала шерсть, вышел он, как ученый циркач, на задних лапах, потом опустился на все четыре и осмотрелся. Гробовое молчание, как желе, застыло в приемной. Кошмарного вида пес с багровым шрамом на лбу вновь поднялся на задние лапы и, улыбнувшись, сел в кресло.

Второй полицейский вдруг перекрестился размашистым крестом и, отступив, отдавил Тоне сразу обе ноги.

Человек в черном, не закрывая рта, проговорил:

- Как же, извините?.. Он работал в районной администрации Печерского района...

- Я его туда не назначал, - ответил Василий Васильевич, - ему господин Чвондер дал рекомендацию, если я не ошибаюсь, его демократическая конкурсная комиссия назначила, он конкурс выиграл, демократический ...

- Я ничего не понимаю, - растерянно сказал черный и обратился к первому полицейскому. - Это он?

- Он, - беззвучно ответил полицейский. - Точно он.

- Он самый, - послышался голос Николая, - только, сволочь, опять оброс.

- Он же говорил... Кхе... Кхе...

- И сейчас еще говорит, но только все меньше и меньше, так что пользуйтесь случаем, а то он скоро совсем умолкнет.

- Но почему же? - тихо осведомился черный человек.

Василий Васильевич пожал плечами.

- Наука еще не знает способов обращать зверей в людей. Вот я попробовал да только неудачно, как видите. Поговорил и начал обращаться в первобытное состояние. Атавизм.

- Неприличными словами не выражаться, - вдруг гаркнул пес с кресла и встал.

Черный человек внезапно побледнел, уронил портфель и стал падать на бок, полицейский подхватил его сбоку, а Николай сзади. Произошла суматоха и в ней отчетливей всего были слышны три фразы:

Василия Васильевича:

- Валерьянки. Это обморок.

Доктора Бирменталя:

- Чвондера, этого демократа, я собственноручно спущу с лестницы, если он еще раз появится в квартире профессора Протуберанского.

И Чвондера:

- Прошу занести эти слова в протокол.

******

Белые гармоники труб играли с теплом. Шторы скрыли густую печерскою ночь с ее одинокой звездою. Высшее существо, главный и самый важный песий благотворитель сидел в кресле, а пес Шарик, привалившись, лежал на ковре у кожаного дивана. От мартовского тумана пес по утрам страдал головными болями, которые мучали его кольцом по головному шву. Но от тепла к вечеру они проходили. И сейчас легчало, легчало, и мысли в голове у пса текли складные и теплые.

«Так повезло мне, так повезло, - думал он, задремывая, - просто неописуемо свезло. Утвердился я в этой квартире. Окончательно, уверен я, что в моем происхождении нечисто. Тут не без водолаза. Потаскуха была моя бабушка, царство ей небесное, старушке. Правда, голову всю исполосовали зачем-то, но это до свадьбы заживет. Нам на это смотреть нечего».

******

В отдалении глухо позвякивали склянки. Тяпнутый убирал в шкафах смотровой.

Седой же волшебник сидел и напевал: - «Из ливерпульской гавани всегда по четвергам...»

Пес видел страшные дела. Руки в скользких перчатках важный человек погружал в сосуд, доставал мозги, - упорный человек, настойчивый, все чего-то добивался, резал, рассматривал, щурился и пел:

- «Из ливерпульской гавани всегда по четвергам...»

Конец